

ISSN 2073-6118

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА
АЛЬМАНАХ
ЦЕНТРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

МАРТ
АПРЕЛЬ **N2(116)**

МОСКВА 2018

Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук
и экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.
2018. № 2. — 304 с.

Главный редактор Ю.М. Осипов

Научно-редакционный совет:

д.х.н., проф. Л.А. Асланов; д.ф.н., проф. Ф.И. Гиренок; академик РАН С.Ю. Глазьев;
член-корр. РАН Р.С. Гринберг; к.э.н., в.н.с. Е.С. Зотова, первый зам. гл. редактора;
д.э.н., проф. В.П. Колесов; д.ф.н., проф. Д.С. Клементьев; к.э.н. А.Н. Клепач;
д.э.н., проф. М.В. Кулаков; д.э.н., проф. В.М. Кульков, зам. гл. редактора;
академик РАН В.Л. Макаров; д.и.н., проф. Г.Р. Наумова;
д.э.н., проф. Ю.М. Осипов, председатель совета; д.э.н., проф. А.А. Пороховский;
д.э.н., проф. Л.А. Тутов; д.э.н., проф. К.А. Хубиев;
д.ф.н., проф. Н.Б. Шулевский, зам. гл. редактора

Научно-экспертный совет:

д.э.н., проф. А.И. Агеев; д.э.н., проф. У.Ж. Алиев (Казахстан);
д.ф.н., проф. А.Л. Андреев; д.э.н., проф. А.Ю. Архипов (Ростов-на-Дону);
д.э.н., проф. А.П. Бабаев (Азербайджан); д.э.н., проф. И.Р. Бугаян (Ростов-на-Дону);
д.э.н., проф. М.М. Гузев (Волжский); член-корр. НАУ А.А. Гриценко;
д-р, проф. В. Драшкович (Черногория); д.э.н., проф. Л.Н. Дробышевская (Краснодар);
д.ф.н., проф. В.В. Ильин (Украина); д.э.н., проф. В.Я. Иохин; д.х.н., проф. С.Г. Кара-Мурза;
к.э.н., проф. В.В. Кашицын (Новороссийск); д.э.н., проф. С.Г. Ковалев (Санкт-Петербург);
д.э.н., проф. В.И. Корняков (Ярославль); д.ф.н., проф. В.А. Кутырёв (Нижний Новгород);
д.э.н., проф. П.С. Лемешенко (Белоруссия); д-р, проф. А.З. Новак (Польша); д.э.н., проф.
В.Т. Пуляев (Санкт-Петербург); д.соц.н., проф. Л.И. Ростовцева (Тула);
д.э.н., проф. В.Т. Рязанов (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.С. Сизов (Киров);
к.т.н., проф. Е.А. Субботин (Екатеринбург); д.э.н., проф. А.И. Субетто (Санкт-Петербург);
д.э.н., проф. А.С. Филипенко (Украина); д.э.н., проф. В.В. Чекмарёв (Кострома);
д.э.н., проф. В.М. Юрьев (Тамбов); д.э.н., проф. Ю.В. Яковец; д.э.н., проф. Ю.В. Якутин

Редакция:

Ю.М. Осипов, Е.С. Зотова, А.А. Антропов, С.С. Мерзляков, К.В. Молчанов,
Н.П. Недзвецкая, С.С. Нипа, И.П. Смирнов, Т.С. Сухина, Т.Г. Трубицына,
О.Б. Лемешонок, И.А. Ольховая, А.В. Осипова

Научный редактор — Е.С. Зотова

Художник — Е.Ю. Осипова

**Включен в Перечень ВАК российских рецензируемых научных журналов
и изданий по экономическим, философским и социологическим наукам**

Выходит 6 раз в год

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3-й новый учебный корпус,
экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183, факс (495)939-3496,
e-mail: <lab.phil.ec@mail.ru>

skype: <philosophy_of_economy>, сайт: <http://www.phil.ru>

<http://www.econ.msu.ru/departments/lfh/fhjournal/>, <http://www.css.msu.ru>

Отпечатано в типографии «Наука». 121099, Москва, Шубинский пер., 6.

Тираж 1000 экз. Заказ №

Учредитель ООО «Инвестиционная компания «БАРРЕЛЬ»

тел. (495)710-2939

ISSN 2073-6118

© «Философия хозяйства», 2018

Содержание

Слово и цифра (<i>Главный редактор</i>).....	7
Раздел I. Философия хозяйства	
<i>Ю.М. Осипов</i> Экономика и цифра: кто кого?.....	11
<i>Н.Б. Шулевский</i> Россия на пути создания Центрального военного совета русской неоимперии.....	19
<i>Т.И. Коптелова</i> Коммерция против искусства: театральное-эстрадное шоу в механистической и органической философских парадигмах	39
<i>А.Ю. Горбачев</i> Религиозный характер советской эпохи	48
Раздел II. Экономическая теория	
<i>А.В. Кузнецов</i> Россия в глобальной экономике: аксиологический подход	55
<i>В.В. Бирюков</i> Нормативно-культурологический поворот и смена парадигмы развития экономической науки	66
<i>Л.В. Решетова</i> Механизм взаимодействия разделения труда и монетарных отношений при переходе к цифровому экономическому укладу	77
<i>М.И. Бородин, В.В. Столяренко</i> Политическая экономия сегодня: наука ради науки?	83
<i>Г.А. Маслов</i> Творческий труд: предпосылка теоретической революции?	93
<i>О.В. Нифаева</i> Об эволюции экономической теории во взаимосвязи с этикой	109
Раздел III. Актуальная философия	
<i>Ф.И. Гиренок</i> Философия хозяйства и антропогенез.....	123
<i>О.Н. Казакова</i> Ценностно-смысловые императивы информационного мира: антропологический аспект.....	130

<i>А.Р. Геворкян</i> Метафизические основания смерти Бога у Ницше.....	140
<i>К.В. Молчанов</i> Антропогенез в смысле диалектики: от природы к неприроде, от человека к его индивидуальному духу	175
Раздел VI. Актуальная социология	
<i>А.Л. Андреев</i> Социальное знание и контексты знаний	187
Раздел V. 100 лет Русской революции	
<i>Р.М. Нуреев</i> Революция 1917 года: предпосылки и экономические последствия для России и мировой экономики	199
<i>Н.А. Шапиро</i> Экономическая компаративистика и 100-летие русской революции (1917—2017).....	217
Раздел VI. Рецензии и отклики	
<i>А.А. Погребняк</i> Русский век в зеркале кинематографа: от Сергея Эйзенштейна до Алексея Балабанова	235
<i>Н.Н. Ростова</i> Самоирония в современном искусстве	248
<i>А.М. Белянова, В.А. Бирюков</i> Солидарная экономика: утопия XXI в. или реалии завтрашнего дня?	252
<i>А.А. Субботин</i> Инферральная метафизика экономики	266
Научная жизнь	
<i>Е.С. Зотова</i> Об абстрактном экономизме и новой книге Ю.М. Осипова	280
Наши авторы	296

Contents

Word and Digit (<i>Chief Editor</i>)	7
Part I. Philosophy of Economy	
<i>Yu.M. Osipov</i> Economy VS Figure	11
<i>N.B. Shulevsky</i> Russia on the Way of Creation of the Empire Central War Council	19
<i>T.I. Koptelova</i> Commerce Against Art (a Theatrical Show in Mechanistic and Organic Philosophical Paradigms)	39
<i>A.Yu. Gorbachev</i> Religious character of Soviet Epoch	48
Part II. Economic Theory	
<i>A.V. Kuznetsov</i> Russia in the Global Economy: an Axiological Approach	55
<i>V.V. Biryukov</i> Normative Cultural Turn and the Paradigm Shift of Economic Science	66
<i>L.V. Reshetova</i> The Mechanism of Interaction Between the Division of Labor and Monetary Relations in the Transition to Digital Economic Structure	77
<i>M.I. Borodina, V.V. Stolyarenko</i> Political Economy Today: Science for Science's Sake?	83
<i>G.A. Maslov</i> Creative labour: a Precondition for Theoretical Revolution?	93
<i>O.V. Nifaeva</i> On the Evolution of Economics in Regard to Ethics	109
Part III. Actual Philosophy	
<i>F.I. Girenok</i> Philosophy of Economy and Anthropogenesis	123
<i>O.N. Kazakova</i> Value-Semantic Imperatives of Information of the World: the Anthropological Aspect	130

<i>A.R. Gevorkyan</i>	
Metaphysical Basis for the Death of God in Nietzsche.....	140
<i>K.V. Molchanov</i>	
Anthropogenesis in the Sense of Dialectics: from Nature to Non-nature, from a Man to His Individual Spirit.	175
Part VI. Actual Social Science	
<i>A.L. Andreev</i>	
Social Knowledge and Context of Knowledge	187
Part V. 100 Years of the Russian Revolution	
<i>R.M. Nureev</i>	
The Revolution of 1917: Preconditions and Economic Implications for Russia and the World Economy экономики	199
<i>N.A. Shapiro</i>	
Comparative Economics and 100th Anniversary of the Russian Revolution (1917—2017)	217
Part VI. Reviews and Responses	
<i>A.A. Pogrebnyak</i>	
Russian Century in the Mirror of Cinema: From Sergei Eisenstein to Alexei Balabanov.....	235
<i>N.N. Rostova</i>	
Self-Irony in Modern Art	248
<i>A.M. Belyanova, V.A. Biryukov</i>	
Solidary Economy: Utopia of the XXI Century, or the Realities of Tomorrow?	252
<i>A.A. Subbotin</i>	
Infernal Metaphysics of Economics.....	266
Scientific Life	
<i>E.S. Zotova</i>	
About Abstract Economism and a New Book by Yu.M. Osipov	280
Autors	296

Слово и цифра

На передний план в человеческом, а может, весьма уже и в постчеловеческом, бытии выходит *цифра* — ЦИФРА!

Нет, она не замещает вполне собою *слова* — СЛОВА, но она, внедренная во всеохватывающую управленческую электронно-кибер-космическую технотронику и из нее вываливающаяся бесконечным селеобразным потоком в весьма уже основательно оцифрованное бытие, заметно теснит слово, немало его и изменяя, делая ненужным наработанный человечеством безбрежный запас слов, как и саму возможность бесконечных сочетаний из них, превращая даже накопленные человечеством родные языки в отжившие анахронизмы. На место языков и многословия приходит некая единая цифровочная лингвоматрица. Теперь достаточно нескольких сотен новейших «англоязызов», чтобы благополучно пребывать в оцифренной бытийной среде. Гуманитарная мысль вкупе с органичными ей философией и литературой вовсю уже сворачивается, а вместе с этим скукоживается — упрощаясь, унифицируясь и технологизируясь — само человеческое сознание.

Обословленный человек эволюирует в оцифрованного постчеловека!

Цифра — знак (обозначение) количества. За цифрой как таковой нет и не может быть никакого качества. Какое-такое качество отражает та же математика, эта царица-де всех наук? Никакого! А потому не царица она вовсе, а... служанка, потребная как раз там, где сидят, снуют и звенят количества. Царицей качественного, а следственно, и словесного, и смыслового знания является не математика, а философия, но... ее вокруг все меньше, а та, что осталась — более всего уже прячется в себе самой, бытуя для самой себя, а вовсе не для человека с его все-еще-человеческим сознанием. Делать философию, как и ту же большую литературу, не то что не модно, что само собой, а незачем и не для кого, да к тому же особенно уже и некому.

Стоит ли волноваться, господа?!

Вот и в тех же, все еще упорно называемых научными, работах все меньше... мысли, а соответственно — слова со смыслом,

зато все больше цифровочных показателей, чисел, расчетов, в общем — всякой количественной архитектоники, а о самой значимости работ теперь судит не о наученное сознание с его обращенностью к содержанию работ, а... некая большая вычислительная машина с ее произвольным вымученным вниманием не к сути работ, что невозможно, а к внешним, мало к тому же относящимся к самим работам, формализованным показаниям. Содержательная единичная оценка работ заменена массовым цифро-рейтинговым клеймением, что свидетельствует вовсе не о расцвете науки, даже, наоборот, не о ее естественном увядании, а о вполне научно обоснованном и вполне осознанно практикуемом переводе науки в разряд никому ненужного симуляционного хлама, ежели вообще не о целеположенном ее умерщвлении.

Продукция фундаментальной гуманитарной мысли не подлежит вообще-то никакой судейского образца оценке; сама наука своим бытием оценивает тот или иной свой же продукт; лишь когнитивное время с когнитивным пространством оказываются здесь законными судиями научных достижений — иного тут не дано!

Вторжение цифры в сферу слова — настоящий переворот в ментальной истории человечества, набирающий ныне не только силу и скорость, как и не только массовое признание, а и вполне себе религиозное со стороны правящих элит преклонение.

Вторая научная, она же и антинаучная, революция!

Кто из ученых мог еще каких-нибудь четверть века назад, кроме, конечно, вольных и безответственных фантазеров, предположить, что в сфере науки разразится вдруг самый настоящий переворотный апокалипсис, причем не какой-нибудь, а цифровой — *математический*, так сказать!

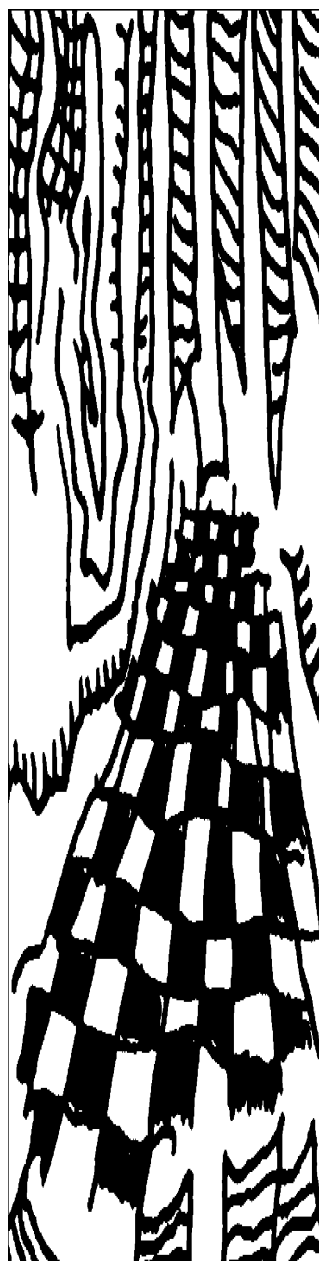
Наука сдает науку!

Есть, над чем задуматься мастерам все еще живого гуманитарного слова, которых, правда, все меньше и меньше, есть и чем насладиться, ни о чем таком вовсе и не думая, мастерам немагической цифры, которых все больше больше — их теперь наступили времена — *оцифрованные!*

Главный редактор

I

**ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА**

Ю.М. ОСИПОВ

Экономика и цифра: кто кого?*

Аннотация. Что не есть цифра в экономике? Деньги, цены, капиталы, расходы, доходы, инвестиции, кредиты, ценные бумаги и т. д. — все это цифры, стоимостные цифры, экономические цифры, те самые цифры, которые составляют экономическую плоть экономики, бытуя в сознании, в головах людей; в уме и памяти, включая и память, запечатленную на бумаге или в том же компьютере. Экономика всегда цифровая, да вот не всегда оцифрованная — внешней технологической цифрой, уже по существу и неэкономической. Тогда-то и начинает маячить на электронном горизонте совсем уж новая экономика, она же и постэкономика, а точнее — цифроэкономика. Не цифра в экономике (цифра на службе у экономики), а экономика в цифре (прямо из цифры, когда экономика оказывается на службе у цифры). Экономика с цифрой как бы меняются местами: переход «от экономики и цифры» к «цифре и экономике». Переворот вполне и революционный!

Ключевые слова: экономика, цифра, стоимость, экономическая цифра, технологическая цифра, постэкономика, техномика, цифрономика, экономическая теория, философия хозяйства, научно-технический прогресс.

Abstract. What is no figure in economy? Money, prices, capitals, expenses, income, investments, credits, securities etc. all are the figures, figures of cost, economic figures, those figures which are the heart of economy occurring in consciousness, in the heads of people; in mind and memory imprinted on paper or in a computer. Economy is always digital but is not always digitized by external technological not economic figure in essence. Then a new economy (or posteconomy, or digital posteconomy) begins to loom on the electronic horizon. There is not a figure in economy (figure on service of economy) but there is economy in a figure

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Осипов Ю.М.. Экономика и цифра: кто кого? // Философия хозяйства. 2018. № 2. С. 11—19.

(right from a figure when the economy appears on service of a figure). Economy with a figure interchange the position that means a transition "from economy and a figure" to "a figure and economy". The revolution is quite revolutionary!

Keywords: economy, figure, cost, economic figure, technological figure, posteconomy, technomics, economic theory, philosophy of economy, scientific and technical progress.

УДК 11, 13
ББК 65в

Отвечая на простой, но очень не любимый экономистами-теоретиками, вопрос: «Что есть *экономического в экономике*, или же в чем, собственно, *суть экономики?*», мы неизбежно приходим к тому столь же простому ответу: «Это... *стоимость* (Value, valeur), на поверхности экономического бытия выражаемая *деньгами и ценами*, не считая всего от них и как таковая стоимости производного вроде тех же капиталов, инвестиций, кредитов, ценных бумаг, деривативов, расходов, доходов, налогов и т. п. экономических вещей».

Отсюда *экономика* есть не что иное, как часть жизнеотправления человека, обусловленная наличием, участием и движением стоимости, которая есть не что иное, как *духо-идеальная (эфирная) субстанция*, гнездящаяся в сознании (или в сфере сознания, включая общественное сознание — *ноосферу*), обязанная своей реализацией мысли и памяти, слову и цифре, расчету и счету, в общем — разуму, когнитиву, работающему мозгу. Иного местоположения для экономики, кроме сферы сознания, нет и быть не может.

Всё, что обычно относят к экономике вроде благ, средств производства и предметов потребления, ресурсов, труда и т. д., никакой экономикой не является, всё это всегда было, есть и может быть вне экономики, хотя и не вне жизнеотправления человека. Если жизнеотправление легко подпадает в русском языке под понятие *хозяйство*, то в иных языках, в частности, в английском и том же французском, для жизнеотправления нет никакого вообще обобщающего понятия, кроме расплывчатого *Economie*. Отсюда необходимость вводить дополнительное слово для обозначения собственно экономики или стоимостного хозяйства — *ekonomika*.

Итак, примем экономику за экономику и попробуем эту экономику (*ekonomika*) рассмотреть в ее единении с цифрой — *эконо-*

мической цифрой, той самой, что связана с деньгами, их величинами, отображена в деньгах, или ими выражена, то бишь с *цифрой денежной*, пусть и обозначающей не только деньги, но и цены, инвестиции, расходы, доходы, налоги и т. п. экономические «штучки».

Все внимание у нас к *цифре* — *экономической цифре*!

Как раз к той самой цифре — *экоцифре*, без которой нет и не может быть никакой экономики, ибо цифра — это не просто цифра, а цифра субстанциальная, то бишь стоимостная, несущая в себе стоимостную (ценностную) субстанциальность, а потому и *плотская цифра*, не то составляющая, не то просто обозначающая, *размерную плоть экономики*.

Интересно, не правда ли? Цифра тут не просто знак, а и сама плоть некой духо-идеальной реальности, называемой экономикой (экономика). Цифра! И ничего более! Та самая цифра, которая, вобрав в себя числовым образом некую абсолютную на момент ценность, отражает через другие числа сравнительную значимость той или иной экономической вещи. Экономика — оцифрованное субстанциальное нечто, цифрующее экономическое сознание, в нем сидящее, а также цифрующее экономически всё вокруг неэкономическое, попадающее в зону действия стоимости (денег), превращая это всё в постоянную (как золото и тот же труд) или же временную (как картина Ван Гога на аукционе) свою принадлежность. Тут имеет место эффект *экономизации бытия*, превращение его (части его) в хорошо всем известное, хотя и по-разному трактуемое, есопотие, а по-нашему — в *экономическое хозяйство*.

Стоимостная цифирь, выраженная в разных изменяющихся числах и гуляющая по пространству экономики, — собственное содержание экономики, адекватная ей телесность, ее ничем не заменимое виртуальное тело.

Экономика — *цифирь и только цифирь*!

Однако цифирь-то не простая, а... волшебная (денежки ведь!), — и волшебство ее от экономической (товарно-обменно-ценностной), тоже вполне виртуальной, субстанциальной начинки — стоимостной, без чего цифра лишь только цифра — не более чем математический знак. В цифирь эту заложена — вполне субъективно, сознательно, когнитивно — стоимость (дух, так сказать), а стоимость получает от цифири вполне счетно-расчетную выраженность, мало того — телесность. Бери себе в мыслях и считай себе мысленно, да ведь не что-нибудь, а... *абсолютное виртуальное бо-*

гатство, — хошь в золоте, хошь в бумаге, хошь попросту в мнимых цифрах!

Цифра (число) должна непременно совпасть со стоимостью, а стоимость — с цифрой (числом). Экономическое (товарно-обменно-оценочное) сознание и совершает сию совместительную процедуру — путем проб и ошибок, повторов и исправлений, разумеется, сознание общественное — ноосферное, где наличествуют и в котором активно участвуют мириады индивидуальных (личных, коллективных, массовых) сознаний.

Работает большая — безграничная и весьма вольная — *счетно-решающая социальная машина*, чувствительными элементами в которой оказываются мириады индсознаний — экономических агентов, а агрегатными платами в которой служат некие образования, которые обычно принято называть рынками, секторами, отраслями.

В механизме сей машины не просто цифирь, даже и обогащенная стоимостью, а конкретные ролевые цифры (числа), они же цифровые параметры — деньги с их ценностью и количеством, а также цены в их денежной (ценностной) выраженности. *Оцененные деньги и оденеженные цены*. Все остальное экономическое так или иначе воплощено в деньгах и имеет ту или иную цену.

Деньги и цены во взаимной неразрывности — главное существенное и функциональное ядро экономики.

Нет денег без цены, нет цен не в деньгах!

Деньги и цены — продукты работающего сознания, плоды реализующейся мысли, элементы бодрствующего когнитива. Они возникают, будучи назначенными, как и назначаются, будучи возникшими. Они могут быть *любыми, но не какими угодно*, ибо все оказываются взаимодействующими и взаимосвязанными, хотя и не жестко; они зависят друг от друга; они все в и из денежно-ценовой сети, не имеющей точных и строгих пределов, но тяготеющей к целостности.

Вся параметровая экономическая цифирь если и не определена целиком, но целостно взаимообусловлена, пусть и не строго, пусть и анархически: деньги к деньгам и ценам; цены к ценам и деньгам — в итоге мир денег и цен, дружащий с неизменно присутствующим в нем хаосом, переходящим непременно во вполне уже воспроизводственный хаосмос, пусть и не без коллизий, потерь, кризисов.

Итак: экономика — мир экономической (стоимостной) цифри; это есть большая цифрообусловленная счетно-решающая полноценная машина; цифра тут не просто вспомогательное служебное средство, а сама управляемая сознанием плоть экономики; экономика в цифре и через цифру, а оттого она причина цифры, хотя и от этой же цифры следствие.

Многовековая теоретическая экономия проглядела цифру как плоть экономики, сосредоточив внимание на чем угодно, кроме цифры, — а ведь ничего, кроме стоимостной цифры, в экономике своего собственного попросту и нет. Возникает вопрос: «А как же практически наполняется ценностью экономическая цифра?». И ответить на сей простой вроде бы вопрос совсем и не просто, ибо это происходит хоть и наяву, но... весьма и скрытно, таинственно, трансцендентно, в общем — «черт знает как!».

В глубинах сознания ведь это происходит, включая бессознание, через работу всего осознания счетно-решающего социального механизма, что делалось когда-то с подключением к счету-расчету весовых значений драгметаллов, прежде всего золота, а сейчас через прямое вменение ценности в ведущую в мире валюту — доллар, а затем и во все остальные валюты, с долларом непременно связанные, а с помощью вмененных доллара и остальных валют осуществляется назначение всех без исключения цен в мире, свободно-принудительно между собой взаимодействующих.

Тут всю господствует произвол, а не закон, правда, когда произвол «наезжает» на произвол и кое-какой ценовой порядок, вполне, конечно, хаосмосный, непременно возникает — обычно временный, срочный, иной раз и мимолетный, хотя вдруг и весьма устойчивый.

И какой же бывает ценность доллара как такового? А кто же это знает: есть она — ценность доллара, и все тут!

Да-а, ну и ну, как же это все понимать?

Вот так и понимать: ценность есть, но ее как бы и нет, что как раз и показывает полную нематериальность и почти полную трансцендентность феномена стоимости — духо-идеальной субстанции, которая является из глубин сознания, в нем сидит и им загадочно определяется.

Здесь важно учитывать факт априорного согласия, тоже весьма трансцендентного, наличествующего экономического мира не ценностнотворческую миссию доллара, всеобщего признания

незнамо какой ценности доллара, лишь учетно выраженной в других валютах через обменные валютные курсы.

А дальше... а далее погружение экономических агентов в пучину валютнооцифрованной экономики — мира ценностной цифри, и возможная для каждого агента бесконечная экономическая игра со стоимостной цифирью в руках агента, перед его глазами и в его воображении (игровыми картами, платами, платформами).

Стоимость ведь не создается, а вменяется, причем во всё, во что ее можно (удается) вменить.

Будучи сначала произвольной, стоимость вливается в хозяйственный, жизнеотправительный, бытийный миро-процесс, в нем пребывает, его обслуживая и им же управляя, она буквально вливается в реальные потребительные вещи, придавая им рабочую цену, а потом, если стоимости удастся пройти через реальность, сохранив себя и увеличившись в размере (объеме), она становится уже реальным ценностным благом.

Ирреальная стоимость обращается в реальную — таков деятельский путь трансцендентного виртуального феномена, называемого стоимостью.

И ирреальная стоимостная цифра, поначалу весьма и произвольная, превращается в реальную объективированную, уже и вполне обоснованную, цифру.

Тут и возникает ложное впечатление, то цифра сия производна от вещей, а не обращена к ним; что она не от субъективированного сознания, а от объективированной вещи; не от самой себя, а от чего-то иного.

Стоимость *сама себе субстанция*, а экономическая цифирь — хоть и объективированная, но тоже *сама себе цифирь*, разумеется, не как сама по себе цифирь, а как лишь цифирь стоимостная.

Констатируя онтологическую вполне и плотскую принадлежность цифири вообще и в особенности стоимостной цифири экономике как таковой, причем принадлежность изначальную и непременную, можно, с одной стороны, вполне хладнокровно воспринять внезапное-де нашествие на вековую экономику новейшей «цифровой экономики», а с другой — разглядеть что-то действительно новое, что несет с собой нынешняя, вполне и оголтелая, «цифровизация экономики».

В собственно экономической практике есть свои технологии вроде того же бухгалтерского учета или тех же финансовых тран-

закций, не говоря о всяческих подсчетах, анализах и проектированиях. И внедрение в практику разного рода технических средств, в особенности счетно-решающих, заметно меняет саму эту практику, делая ее все более технизированной, а пожалуй что — *технотронной*. Скоростная обработка больших информационных массивов; мгновенная передача безразмерных объемов информации на любые расстояния; системное моделирование реальных процессов, пусть и симуляционное; ускоренное делопроизводство; возросшие возможности системной аналитики и принятие более обоснованных оперативных и стратегических решений; возрастание возможностей управления и усиление роли субъективного фактора в организации экономической жизни.

Все это очевидно и не требует особых доказательств. Гораздо меньше очевидно другое: возможные качественные перемены в экономике в связи с выраженным изменением онтологического значения и функциональной роли присущей экономике цифры. Если сейчас цифра в экономике является *экономической* (вполне имманентной экономике), то что может произойти с экономической цифрой и самой экономикой при нарастании технического мотива в жизнеотправлении пока еще присущей экономике цифры? Если сейчас экономическая цифра — продукт социализированного экономического сознания, то что может стать с этой цифрой, когда она, все более технизируясь, окажется более продуктом того же искусственного, т. е. вовсе уже технотронного, разума, чем продуктом разума чисто гуманитарного?

Вот уж вопросы, так вопросы!

В самом деле — что?

Искусственный, он же цифро-электронно-технический, разум, все более и более встраивающийся в разум гуманитарно-социальный (ноосферный), вряд ли останется в роли вспомогательного подмеханизма этого гуманитарно-социального разума, а непременно выйдет на все более ведущие позиции, хотя бы в силу неизбежно возрастающей от него зависимости чисто человеческого разума, но ведь не только — искусственный разум обязательно навяжет все более зависимому от него человеческому сознанию все более и более рациональную, а потому и упорядоченную, конструкцию реальности, которая, хочет она того или нет, будет все более становиться реальностью... *неэкономической*, то бишь все более

технотронной, шаг за шагом расставаясь со своей социально-стоимостной сутью.

Технотронная цифра непременно одолеет цифру экономическую, а экономика станет не просто постэкономикой, а истинной *техномикой*, а по сути своей — *цифрономикой*.

Эра гуманитарно-социальной стоимости с ее деньгами, ценами и капиталами завершится, хотя словечки эти и останутся в обиходе на неопределенное время, но суть они будут отражать уже другую — техно-цифирную, когда цифра, рассчитанная и введенная в оборот технически и будет собственно ценностью — самой по себе ценностью, вполне уже информационной по содержанию — тому же битогенному.

Дето тут не в самих по себе техногенных величинах, а в их чисто информационной природе, а также в овладении ими хозяйственным процессом, уже и постэкономическим, когда технический расчет вытеснит расчет гуманитарно-социальный и окажется во главе тотального управленческого процесса.

Если стоимость вменялась в хозяйственный оборот, в нем vitalно бытовала, встречая и корректирующее от него на себя воздействие, то технотронная счетно-решающая машина попросту подомнет под себя хозяйственный оборот, который станет не рассчитывающимся в ходе самого себя, а априорно рассчитанным и лишь подчиняющимся априорно совершающемуся для него расчету — тотальному, текущему, гибкому, самоизменяющемуся.

Очень интересное наступит время, когда всё (буквально всё!) будет априорно и непрерывно рассчитываться и не дай бог кому-либо от этого тотального рассчитывания отойти в сторону: тут уже не «рынок» с его стоимостными конкурентными потоками, а самый что ни на есть *расчетный тоталитаризм*, от которого никому и никуда уже не деться, разве лишь в небытие.

Да, будет действовать счетно-решающий технотронный центр, будут осуществляться сбор и переработка тотальной информации, будет вестись рассылка технотронных решений, будет иметь место всеобщая реактивность среды, как и будет иметь место менеджериальное — и тоже оцифрованное — участие остаточного — вполне и оцифрованного — человека в работе гигантской, управляющей всем и вся технотронной машины.

Такая картина кажется фантастической и не достижимой. Однако это лишь сегодня так кажется, а завтра... завтра так уже не бу-

дет казаться, ибо приоритет искусственного мира с его оцифрованным интеллектом наступает как раз во времена не только апогея — и конца! — научно-технического прогресса, но и реальной земно-природной эсхатологии, то бишь тоже конца, а потому на очереди не расширение бытия, а его сжатие — до удобоваримых для Земли и Космоса размеров.

Отсюда потребность в крутой оптимизации бытия, его безжалостной рационализации и жесткой регламентации, примерно таких, какие сегодня наблюдаются в сфере науки, образования, здравоохранения, того же банковского дела — менеджериально-цифрорасчетные, когда менеджер — не человек вовсе, а лишь встроенное в большую счетно-решающую машину некое как будто бы одушевленное устройство.

Прообраз будущего уже налицо, — и не только в электронно-управленческом настоящем, но и в кое-каком прошлом — в тех же военно-мобилизационных деяниях, как и в том же тоталитарном директивном планировании советского образца.

Цифра одолеет не одну экономику, она покорит себе и все человеческое бытие, включая и самого человека.

В начале было *Слово*, ну а в конце... *Цифра*: что тут... *не таково?*

Н.Б. ШУЛЕВСКИЙ

Россия на пути создания Центрального военного совета русской неоимперии*

Аннотация. В статье исследуется последний шанс бытия России — ее движение к самой себе, к своим началам, истокам. Рассматриваются четыре пути восхождения России к своей идентичности. 1. Прояснение духовно-смыслового оригинала неизвестной мудрости, которая воплотилась в России и охраняет его от всех напастей, возмещая их неистощимой изобретательностью и стойкостью русского народа даже перед смертью. 2. Движение России к

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Шулевский Н.Б. Россия на пути создания Центрального военного совета русской неоимперии // *Философия хозяйства*. 2018. № 2. С. 19—38.

своему Дому требует самопознания России, что возможно лишь в контексте и посредством софиасофии, в которой мудрость сама рассказывает о своих поисках России, сделав самоопределение, суверенитет, самостояние фундаментом ее жизни. 3. Движение России к самой себе требует радикального изменения ее жизнедеятельности, культуры, организации государственной власти. Страна должна окончательно перейти от экономики к хозяйствованию, используя при этом и экономические рычаги. И завершить свой путь Россия должна своей империей! 4. Движение России к самой себе означает движение по пути созидания самой необходимой обители ее жизненного бытия — Дома Справедливости. И ядром справедливости, ее защитной оболочкой и надежным двигателем всегда был *военно-оборонный комплекс*, который тянул за собой все другие области жизнедеятельности России.

Ключевые слова: Россия, хозяйство, софиасофия, империя.

Abstract. The article investigates the last chance of Russia's life that is its movement to itself, to the beginnings, sources. The author considers four ways of Russia's ascension to the identity. 1. Clearing of a spiritual and semantic original of unknown wisdom which was embodied in Russia and protects it from all misfortunes compensating them by inexhaustible ingenuity and by firmness of the Russian people even before death. 2. The movement of Russia to its originals demands self-knowledge of Russia that is possible only in a context and by means of a sophiasophya in which the wisdom tells about the search to Russia having made self-determination, sovereignty, self-standing by the base of her life. 3. Russia's movement to itself demands radical change of its activity, culture, the organization of the government. The country has to pass finally from economics to economy using at the same time and economic levers, and has to finish the way as an empire. 4. Russia's movement to itself means the movement on a way of creation of the most necessary monastery of its vital life that is a Houses of Justice, and military defense industry which pulled for itself all other areas of Russia's activity was always a justice kernel, its protective cover and the reliable engine.

Keywords: Russia, economy, sophiasophya, empire.

УДК 11, 13
ББК 65в

Велико незнание России посреди
России. Все живет в иностранных журна-
лах и газетах, а не в земле своей.

Н.В. Гоголь

Кто ты, Россия? Мираж? Наваждение?
Была ли ты? есть? или нет?
Омут... стремнина... головокруженье...
Бездна... безумие... бред...
Все неразумно, необычайно:
Взмахи побед и разрух...
Мысль замирает пред вещью тайной
И ужасается дух.

М. Волошин

Сократ решил узнать суть мудрости и найти наимудрейшего эллина. Дельфийский оракул на его запрос ответил: «Познай самого себя, и ты познаешь богов и Вселенную!», т. е. действенное ядро мудрости содержится в акте самопознания человека. Все духовные практики Востока направлены на освоение особых духовных и физиологических приемов самопознания. Действительно, зная все, но не зная самого себя, человек теряет бытие и становится рабом того, кто не знает ничего, но очень хорошо знает себя, свою гадкую натуру и ее извращенные нужды. А незнающий самого себя будет сеять вокруг не знания, а навязанные ему помраченным Западом иллюзии и симулякры. У русских же сегодня отнято все, осталось лишь самопознание своей русскости и России: но нет ничего важнее в мире сем и не будет, ибо Россия в каждом из нас сидит и ждет от нас познания и признания своей русскости. Но, учитывая смысловое бесплодие множества познавателей России, она сама же служит и своим началом, и своей серединой, и своим концом, и своим движителем, и своими продолжением-путешествием в неизвестное...

Все реалии даны как отчужденные объекты, которые страстно жаждут, чтобы их смысл был познан субъектом, о чем свидетельствуют фольклор, мифы, сказки всех народов Земли. А познание реальности требует перехода ума от ее объектности к ее субъектности. Но вот умом Россию не познать, отчего даже ее малые дела могут стать смертельным врагом глобализма, которому Россия не позволяет стать полнокровным субъектом. Ведь субъект тогда действует уже по собственной воле — не просто делая ракеты, но и задавая им цели. Особенно несносен окажется вынужденный старт ракет на

дворцы антирусских субъектов, которые сгинут от избытка своего ума, наглости, хитрости и подлости, ибо ум бессилён в России, хотя бывает и весьма полезен при сдаче то же в плен.

Выражение: «Движение к самому себе» многозначно, неопределенно, укрыто метафизическими, софиасофскими, властно-управленческими, автоматическими кодами и шифрами, которые не вполне доступны и сознанию. Россия (Русь) появилась (пришла? возникла?) из Великой Неизвестности в качестве субстанции Духа, незримым образом создающего идеи, проекты, смыслы, образы, ценности и реальные формы. Россия (Русь), — это живая генетическая матрица, обладающая способностью к самовозрождению, к порождению новых смыслов, форм, слов, властей и реалий. И духовная сила, власть этой матрицы, ее работа, ее жизнь неподвластны и не вполне ведомы даже самой России, а доступны лишь мудрости и спецслужбам Великой Неизвестности — Ничто, Незнанию, Тайне. Поэтому движение России к самой себе содержит массу неясных смыслов и реальных аспектов. Остановимся на нескольких моментах этого движения непостижимой Родины к самой себе, к своей сущности.

Постановка вопроса о движении России к самой себе освобождает ее из сетей чужеземных проектов, планов, теорий, институтов; сам вопрос о воздвижении Россией *своего* Русского Дома является первым историческим опытом адекватного осознания Россией посредством русской мысли своей скрытой идентичности. Ведь это на деле есть движение России к своему Центру, к субстанции своего Духа, движение к социокультурной и политической форме, в которой этот Дух находит свое адекватное выражение — империи; движение к естественной своей жизнедеятельности — к хозяйству; движение к своему цельному мировоззрению — софиасофии, движение к методу своего органического творчества — полилектике.

Современная Россия находится в особой космоисторической ситуации, которую можно назвать «неопределенностью внутри самой определенности, ищущей форму своего устроения», когда идти некуда, ибо все известные пути выявили свои тупики¹. Идти сегодня

¹ Вообще можно идти «оттуда, из неизвестности», «идти куда-то, к победе социализма», «кружить вокруг своего непонимания», «идти в никуда тропой уробороса», «идти в сферу Великой Неизвестности». Но можно и нужно сегодня идти последним путем — «идти к самой себе, к своей внутренней Родине, идти

Россия может лишь к к своему несокрушимоу самобытию, к раскрытию его неизвестного смыслового перво двигателя. Нужно запустить этот «перво двигатель», укрепить основания, пределы, формы, алгоритмы русской эволюции.

Сегодня спасения и поддержки русским ждать в истории не от кого, неоткуда и негде. Россия испытала все созданные Западом идеи, институты, идеологии, проекты, методы, формы власти, религии и увидела в них лишь орудия суицида как самой себя, так и вообще жизни. А ответ на вопрос: «Быть или не быть России?» сокрыт лишь в мудрости самой России. В культурно-генетическом коде русского суперэтноса заложены социальная справедливость, совесть — сопричастность к высшей правде. И ясно, что драка будет беспощадной, ибо враг не желает впустить Россию в будущее, чтобы разграбить ее достояние.

На земле существует множество народов, но ни один из них не вызывает такого корыстного интереса, такой ненависти и зависти, такого любопытства и нежелания понять его, как русский народ, история, бытие, суть, смысл и назначение которого сокрыты в его непознаваемых основаниях, покрыты таинственными облачениями загадок, секретов, фальшивых измышлений и самых абсурдных извратов. С момента своего появления Россия вызывала и вызывает вплоть до наших дней у других стран странное и неодолимое непонимание, спонтанную раздражительность, беспричинный страх, патологическую неприязнь, стремление поработить или уничтожить ее, стереть даже следы памяти о ней. Рано или поздно договоры о вечной дружбе с другими странами заканчиваются одним и тем же — почти для всех государств Россия неотвратимо становится явно или скрыто воплощением вселенского зла, всех их бед и несчастий. «Дружба против России», русофобия и антирусскость стали ведущими брендами современной международной политики, большинства человеческих популяций в их поедании друг друга. В ход идут любые средства, и лишь угроза взаимного уничтожения сдерживает глобальные племена русофобов.

Но сегодня антирусскость достигла неслыханных масштабов и невиданного накала, стала особой реалией, рискуя бросить чело-

путем преобразования самой себя». Россия наощупь сегодня идет именно к самой себе, к своей софийной целостности, к своей справедливости, которую от нее требует и ждет Великая Неизвестность.

вечество в огонь мировой войны. И дело не только в территории, природных, духовных, этнических богатствах ее земель, хотя и это естественное изобилие ставится в вину России, вовсе дело не в материи России, а в ее духе, не в средствах обогащения, а в ее судьбоносных целях, исторических задачах, сакральном назначении ее бытия. Поэтому вокруг России постоянно царит геополитическое напряжение, формирующее геостратегическую архитектуру современного мира.

Хроническая русофобия вызвана тем, что Россия возвращает свою исконную геополитическую субъектность, познает свою социохозяйственную, государственную идентичность, свою творческую роль в истории, решая общий вопрос: «Быть или не быть вообще человеку?».

Сегодня Запад идейно, культурно, творчески не имеет проекта новой цивилизации, нового образа человека — потому-то ему и остается лишь исходить интуитивной русофобией. Россия, испытав все проекты, идеологии, учения, религии Запада, выявила их негодность для человека вообще, который в результате «мудрости» Запада сегодня уже не может и не хочет быть человеком, объявив себе, природе и культуре онтологический суицид.

Русофобское беснование обусловлено сегодня тем, что Запад не то чтобы понял, но почувствовал, что именно Россия порождает — несмотря на все уродства ее современного социума — неизвестное для всего человечества справедливое общество, неизвестный разум, неизвестное сознание, неведомую религию, неведомый смысл жизни человеческой. И этот рождающийся в России социум не постичь корыстным евроамериканским умом, хитроумно терпливой восточной мудростью, южным воинственным напором.

Дело в том, что в духовно-смысловом, социокультурном, властно-экономическом, организационном укладе России имеет место какая-то онтологическая, гносеологическая и методологическая «закавыка», которая делает Россию непонятной, странной, непостижимой и непокорной никакой силе людской. Для России между «Тем» и «Этим», между «Да» и «Нет», между «Материей и Духом», между «Богом» и «Дьяволом», вообще, между всеми противоположностями есть не просто опосредования, а «мир Иной», «Иное Царство». И это царство сама же Русь не вполне понимает, хотя и осваивает его в качестве высшего закона мудрости Великой Неизвестности, хранит его в глубинах своей души, защищает его верой и

мечом против нашествий и наветов просвещенных — слишком просвещенных — соседей.

Почти все идеологии, науки не могут выразить в силу своего ограниченного латинства (искусственного языка) мудрость творческих откровений субстанции России. Науки, искусства, религии, знания не гарантируют даже простого спасения самих себя. Зная это их глубинное банкротство, Россия ищет пути к своим началам, ибо все западное бытие изгажено, испачкано, извращено, сломано, фальсифицировано. У России в яви сегодня нет ничего ценного, достойного, осмысленного, кроме самой России, которая, ведомая своей скрытой, но действенной справедливостью, вершит криптореволюцию мира Иного, хотя большинство людей чувствуют только запах тления, не понимая, что это запах их тления, а не России, что они протестуют не против России, а против своей никчемной жизни. Ведь истина безмолвна, а когда за нее берутся слова, она темнит вполне и по-английски.

В каждую эпоху всегда есть один (только один!) человек и одна доктрина, которые ведают суть этой эпохи, владеют ключами ее понимания, видят практические средства, институты, способные решать ее неразрешимые проблемы. Постановка вопроса о путях-дорогах России (Руси) к своей правде, содержащей в себе ее неуничтожимость, ценности ее ума и сознания, ее роль в составе Великой Неизвестности дана впервые Ю.М. Осиповым в краткой статье, достойной жемчужной субстанции самой России [1]. В ней не только постановка вопроса, но и смелые, мужественные, простые и смелые ответы, одобренные самой Софией, пропустившей под видом опуса правду русскую непреложную, правду последних сроков финикийского ига.

В статье Ю.М. Осипова наиболее полно и глубоко выявлены внутреннее и внешнее состояние современной России, ее самотворящийся проект по обретению животворных форм своего внешнего облика. Статья сама посылает свои вещи смыслы живым русским, которым нужно осваивать как ее учебно-образовательные алгоритмы, так и ее пламенные выводы. В ней дано спасительное знание самого бытия для России, для современного мира и людей, имеющих ум, сознание и совесть.

Нахождение путей движения России (Руси) к самой себе, к своей развернутой и цветущей целостности, требует предварительного разрешения массы проблем, ибо противоречия своей русскости

она решает сама по себе посредством особой категории людей — русских. Страдая, Россия сама стремится найти свое подлинное устройство и состояние, в котором еще никто не был, а вот будет ли — Россия пытается испытать этот шанс.

Во-первых, нужно прояснить духовно-смысловой оригинал Великой Неизвестности, который она воплотила в России и охраняет его от всех военных, управленческих, трудовых напастей, возмещающая их неистощимой изобретательностью и стойкостью русского народа даже перед смертью. И таким оригиналом русскости может быть лишь целостный Дух Премудрости Софии, умножающий изменяющиеся жизнетворные смыслы Вселенной, ибо «Дух дышит там, где хочет, и его нельзя присвоить себе силою, а можно получить только как дар, ибо никто не может ни удержать свои мысли, ни помешать течениям ума, ни овладеть источником помышлений разума, ни узнать, откуда он исходит, ни сдержать там, куда уходит. Ибо где его нет? И здесь он пребывает, и вне ума в дальних пределах (Ин. 3:8; 7:39)» [1].

А целостная мудрость Духа выступает как смысловой ансамбль мироздания, как его идейный алфавит, позволяющий сочинять, творить людям тексты, сочинения, реалии. Количественно мудрость означает многознание, качественно же мудрость охватывает спонтанное целеположение и целетворчество, власть над хаосом и порядком, законы Логоса и логики, меру и пределы, изобретательство и демиургию, справедливость и благодать, отпор и стойкость, Софию, мир Иной, их помощь Земле, ведение высшего Блага.

Такая цельная мудрость вначале была присуща мифам и фольклору, затем ее пыталась освоить философия, но ее любовь к мудрости оказалась безответной, и философия погрязла в ужасающих «парижских» пороках. И если даже тля зрит и мудрствует, то человек без мудрости теряет себя. И эта невидимая, неизвестная матрица Духа определяет субстанциальное качество земной России, не позволяя врагам покорить ее, а лукавым реформаторам перестроить по внешнему шаблону, то отпуская ее в ловушку одного фокуса эллипса, то не позволяя другому фокусу самому властвовать в ней, сохраняя в целостности сингуляр ее творящего Духа. Именно эта мудрость Духа ведет Россию к самой себе, не позволяя ей стать другой страной, стать вассалом кого-либо и средством чего-либо. Идя к самой себе, Россия идет — должна идти — к осознанию своих истоков, своей первопричины, своего первосмысла, к своей соб-

ственной неизвестной правде, питающей ее жизнь своими энергиями.

Во-вторых, движение России к своему... своему Дому требует самопознания России (Руси), что возможно лишь в контексте и посредством софиасофии, в которой мудрость сама рассказывает о своих поисках России, о своих скитаниях по ней, пока русская философия не взрастила для нее смысловое пространство, в котором можно видеть все аттракторы, все пути, включая и скоростную инфернальную магистраль для врагов России. В эмпирических мелочах Россия не знает, кем ей стать и кем ей быть. Но софиасофия есть мощный духовный справочник пути России, которая, следуя его навигации движется через три «С», создавая и обустривая их блокпосты: самоопределения, суверенитета, самостояния. Эти-то три «С-кита» и вытаскивают из России номинальной Россию действительную — и никакого тут другого исхода у нынешней России попросту нет!» [1, 15]. Эти три смысловых константы России составляют ориентировочный концептуальный проект, завернутый в конспиративные смыслы и укрытой внешней идеологией. И познает себя, свои пути Россия (Русь) не чистым разумом, а мыслящим сознанием, мыслящей совестью, безрассудной храбростью, образными, иконописными, храмовыми и оружейными концептами, хотя не отказывается от использования и ума-разума, которые, увы, сами не могут определить свои цели, смыслы, свою суть, за что и осуждены русским фольклором в роли надежных-де ориентиров жизни.

Россия (Русь) может двигаться только по уникальной суверенной дороге, которую она ищет и находит в мудрости Великой Неизвестности. Все страны уже пришли к самим себе, к своим домам, и теперь заняты вопросами обустройства этих домов, их богатств, и лишь Россия идет дорогой к невиданному-неслыханному земным человечеством Дому — миру Иному, который есть либо будет создан только потому, что это невозможно, ибо Россия всерьез занимается только невозможным, недостижимым, но поэтому-то и настоящим. В этом особое предназначение и тяжкая доля России. Особое значение России доказывается той незримой и непостижимой силой, которая охраняет ее в гибельные эпохи ее истории, спасая ее, вопреки ее собственным намерениям и деяниям. Лишь только чужая лапа коснется ее жизненной субстанции, сразу же возникает убийственный ответный удар, который исходит не только из народа, а является духовным разрядом охраняющих ее сил Духа.

Кто прикасался к библейскому Ковчегу Завета, тот поражался молнией: хазары, поляки, Карл XII, Наполеон, Гитлер, а теперь вот и... И большевизм является молнией Духа, защитившим Россию от германского инферналя. Это тем более странно и грозно, что Германия сама сознательно возбудила эти смертельные молнии Русской империи. Сейчас этим делом занят Запад и его слабоумные тщеславные прислужники, побуждая Россию с изумительной изобретательностью обращать смертоносные удары на тех, от кого они исходят.

Итак, движение России (Руси) к самой себе требует осознания и понимания специфики именно своей, русской, Софии Премудрости, волхвований своих жрецов, своего цельного мировоззрения — софиасофии, которая скрывает и всегда скрывала в нави своего... своего православия, но не христианства, смыслы *откровения самого Откровения*. Познание откровением самого Откровения, мудростью — самой Мудрости приближает Россию к самой себе, к своей неизвестности, охраняя ее от инфернальных нашествий со всех возможных и невозможных сторон. Россия всегда добывает нужные ей сведения не путем экспериментов, не путем внешнего воздействия на предметы, а признавая наличие сознания и ума в каждой реалии, взаимодействуя с ними путем благого чистосердечного душевного общения со всякой тварью, о чем много может рассказать фольклорный софиасоф Иван (дурак, побеждающий всех умников). А ведь дурак — это код, шифр, спасающий от умников.

В-третьих, движение России по пути к самой себе требует радикального изменения ее жизнедеятельности, культуры, организации государственной власти. Страна должна окончательно перейти от экономики на рельсы хозяйствования, используя при этом и финансово-экономические рычаги. Но главное — Россия должна встать на своем пути неоимперией! Ведь любая организация метафизически и физически строится по шаблону империи — явной или скрытой, ибо отсутствие имперской иерархии любое общество превратит в энтропирующую стихию. Сама несокрушимость России доказывает лежащую в ее основе имперскость. Это не римская brutальная империя, не византийская пронырливая и мелочная империя, не британская каннибальская империя, не азиатско-ордынская империя, не карфагенско-финикийская империя, хотя элементы всех этих империй Русь использует в своем госстроительстве.

Россия — «это *российская империя*, вроде бы смешанная по имманентному составу, но все-таки имеющая и свою особенную корневую выраженность — *для-себя-империя* и *сама-себе-империя*, что означает, что сия империя есть не что иное, как особый внутренний строй, может, даже квазиармейский, когда вокруг не для-себя-произвольное бытование граждан, а гражданское для-империи-служение, когда для граждан главным является не личное благополучие, а благоденствие всей страны, когда гражданин служит империи, а империя служит гражданину» [1, 19—20]. Служение, служение, служение — вот в чем видят империя и Россия смысл мимолетной жизни человека на Земле по пути его в неизвестность Великой Вселенной. И создает себе Россия Дом — империю, хранит его, совершенствует, возвышает, ибо так всегда было и так будет, что гарантирует Великая Неизвестность. «Выходит, что Россия, идя к себе самой, идет к... *империи* — *своей* империи, к ее восстановлению (не в прежних границах, а всего лишь как внутреннего себя обустройства), а, возрождая империю, Россия идет к самой себе!» [1, 21]. И сегодня уже не Россия по инерции — или по капризному желанию — устремлена к имперской реализации. «Бытие-История буквально выдавливает из России империю, а из империи — Россию» [1, 21]. Без империи нет России, а без России гаснут все империи истории.

Империя нужна не только России, но и Великой Неизвестности, которая только посредством империй вершит свою историческую волю, питаемую ее неведомой мудростью. Призрак империи — *ghost of the Empire* — бродит по России. Империя и Россия — сестры, а кто из них истории и Великой Неизвестности роднее? В «пространстве России прямо-таки зарождается новый геосубъект, уже не просто носящий имя “Россия”, но и по существу складывающийся как Россия. Здесь имеет место как припоминание Россией бывшей своей исторической субъектности, так и созидание уже новой субъектности — XXI века» [1, 15].

Страна, территория, пространство, воды, ландшафты, социокультурная инфраструктура, оставаясь русскими, обретают высшее и не вполне еще понятное звание — Россия как геополитический субъект. А у субъекта есть неведомые замыслы и цели, прежде всего — метафизические, а они определяют территориальные, географические, демографические, страноведческие, культурные замыслы Великой Неизвестности, которая никогда и никому до известных

времен не позволит узнать цельную фактологическую картину бытия России, теоретический облик ее исторической эволюции.

Мы пока еще не вполне субстанциально русские, а призрачные русские с призрачной Россией с ghost-суверенитетом. Но мы уже и не объекты, ибо в наших душах есть что-то, недоступное и не контролируемое Западом — империя, которая готова сражаться за полное превращение из ghost, из симулякра идеи в реальность со своим перводвигателем. А пока это «что-то» глобализм превращает в кирпичи империи. В отношениях с США нам подходят любые варианты отношений, кроме мира, войны, партнерства, соперничества и дружества. Блеф о влиянии России на США — это война интерпретаций, и нам полезно использовать этот миф, ибо, идя к самой себе, Россия погружается в мистику, которая лишь угадывается великими прозорливцами Руси, которую куют не идеи, а беды, несчастья и напасти. Концепции появляются потом, когда они уже не нужны. Нужны мыслящее сознание и умная совесть, создающие концепции.

На пути к самой себе основным методом познания для России служит не Логос, а София, смысловое, совестливое сознание, которое становится мыслящим перводвигателем России (человечества). И работа такого сознания неизбежно завершится тем, что оно породит свои соборно-имперские структуры, создаст новые институты — МЧС — и новый тип спецслужб — ВЧФК (Всероссийский чрезвычайный финансовый комиссариат), а посредством философии хозяйства станет общенародным эталоном творчества, питаемого справедливостью Великой Неизвестности. Софиасофия — ключ к пониманию бытия и самого понимания. Это знание выходит за рамки разума, работающего в контексте «истина—ложь, неопределенность, вероятность», признавая, что между и над полюсами «истина—ложь» работает «инознание», преобразующее противоречия и путаницу знаний в смысловые единоречия полилектики Правды. Пока единственными образцами этой правды служат «философия хозяйства» и «софиасофия» Ю.М. Осипова, который, выражая творческую волю Премудрости Софии, ее спецслужб (Ничто, Незнания, Тайны), выявил и утверждает инознание мира Иного, который своими смыслами, оценками преодолевает суицид разума, «вразумляет» их животворным хозяйством. Софийное мышление и сознание русского ведизма развернула в смысловую целостность

русская философия, достигшая своей зрелости в софиасофии Ю.М. Осипова.

Наконец, в-четвертых, движение России (Руси) к самой себе означает движение по пути созидания самой необходимой и первоочередной обители жизненного бытия — Дома Справедливости. Справедливости не избежать, она дает мгновенную отдачу во всех сферах деятельности, определяет текущее спасение страны и ее суверенное безопасное развитие. И ядром справедливости, ее защитой и средством всегда был *военно-оборонный комплекс*, который тянул за собой всю жизнедеятельность России.

Движение России как целого к своему творящему началу требует решения своей самой большой проблемы — коррупции. А для этого нужно создать особый институт, который условно, следуя государственной мудрости римлян, можно назвать Народным трибуналом; в его подчинении непременно должен быть институт гибридной инквизиции — орган, ищущий и исследующий в душах людей плевелы коррупции. Работники этого министерства должны быть на полном государственном обеспечении и не иметь никаких личных дел с деньгами. Существующие институты по борьбе с коррупцией заинтересованы в ней, ибо она сохраняет их бытие, да еще неплохо подкармливает. Поэтому они никогда не искоренят это зло. Некоторые исследователи обращаются к опричнине², видя в ней эффективное средство борьбы с государственным воровством.

²«Опричнина исполнила свою историческую миссию. Но почему о ней сохранилось мало фактов (письменных) того периода? Кто и зачем постарался подчищать историю? И что о ней сокрыто? Почему именно о ней столько вылито лжи? Куда, зачем и от кого спрятали опричники легендарную библиотеку Иоанна Грозного? Так востребована ли в современных условиях опричнина? В какой-то мере, но в современных формах, она действительно востребована. Во главе такой опричнины, безусловно, должен стоять сильный, справедливый и благочестивый лидер! Стоит сказать, что опричнина внутри себя имела функциональные подразделения, которые сейчас можно назвать как отдельные ныне действующие ведомства в государстве. Но вот самое главное, что входило в их состав — это нравственная государственно-образующая политика. И, если это применять по отношению народных избранников или чиновников, то стоит поставить перед ними в первую очередь нравственные требования. Перед тем, как занять пост, кандидат обязан вести строгий аскетический образ жизни, наподобие уклада монашеской республики. Если же слуга народа не хочет принимать такие требования, значит он — не патриот Родины. На его место найдутся патриоты-энтузиасты, кто будет выполнять эти правила!» (протоиерей Олег Трофимов, доктор богословия) [3].

Независимо от мнений, Россия должна создать гибридный институт, который сведет коррупцию до минимума. В любом случае никогда нельзя решить проблемы тем умом, теми методами, теми институтами, которые породили эти проблемы. А о мере и справедливости говорить в условиях коррупции попросту неприлично.

Центральный военный совет Китайской Народной Республики, согласно ее Конституции, является высшей властью в стране, подчиняя себе Генштаб НОАК, Китайскую гвардию, Главное политуправление НОАК, Главное управление тыла НОАК, Главное управление вооружения и военной техники НОАК, Госплан и все экономические министерства. Даже интернет темнит о сути и функциях этого совета, который фактически является властью и правительством Дао на Земле, осуществляя посредством неизвестной субстанции этого Дао все проекты КНР. Никакой крупный проект с другими странами не пройдет без экспертизы ЦВСКНР. И это не случайно. Все науки имеют дело с проблемами внутри жизни. Экономика, например, работает в пределах полюсов «прибыль — убыль». И лишь военное мышление решает все проблемы бытия в пределах «жизнь—погибель». Оттого точность и эффективность понимания военными ситуации в стране и в мире, методы решения проблем более глубоки и несопоставимы с другими науками. И Россия в движении к самой себе неизбежно придет к созданию Центрального военного комитета (Совета) русской империи, который только и сможет сохранить страну, выполнив требования мудрости Великой Неизвестности.

Альтернативой военно-хозяйственного комплекса русской справедливости может быть лишь кастовый строй, который в зародыше уже сложился на сырьевом, финансовом, технологическом уровнях. Но полноценный кошмарный кастовый строй утвердится после завершения программы NBICS³, призванной создать для цифрового мира искусственного человека. Но реализация этой программы возможна лишь посредством мировой — или гибридной войны, которая должна сломить сопротивление биологии, морали и духа человека.

³NBISC — совмещение в одной цепочке нано- и биоинженерных, информационных и компьютерных технологий, а также когнитивных ресурсов искусственного разума.

Движение России к своей первопричине невозможно без соответствующей школы, которая должна готовить *кадры*, сочетающие в себе знания, хозяйственные умения и ракетно-военное дело. И в России незаметно создается для грядущих битв новая школьно-образовательная структура, которая соответствует справедливому устройству страны.

Мы живем в мире транзитивно запутанного перехода от однополярного мира к другой модели мироустройства. Возникают новые субъекты, которых уже нельзя пристроить в глобализме. Возникает мир, когда у каждой цивилизации будет свой имперский проект жизнеустройства. Но любой переход связан с большими потерями, с немалой кровью. Обычно люди не обращают внимания на самое главное — это главное находится в Юго-Восточной Азии, где проживает больше половины человечества. Поэтому так важно знать теневую сторону современного мира, ибо тень стала его владыкой. А Юго-Восточная Азия своими сырьевыми, водными и пищевыми ресурсами вскоре уже не сможет обеспечить свою половину человечества — даже суррогатами.

Государства, политика, общество, культура — все это уже почти *nature morte*, нечто, нарисованное на плакатах, чтобы их фальшью прикрыть дорогу в будущее, куда хозяева мира сего не собираются пускать русских. Им нужны только наши ресурсы, наша территория, очищенная от населения, которые, как доказали: русские — единственное в мире, кто может бить Запад и создавать формы не западной цивилизации. Не случайно мондиалисты требуют создания в XXI в. жесткого контроля Запада над ресурсами, водой, пространством и развитием. Многим частям планеты развитие де-факто не будет позволено, они должны оставаться зонами бедности, безработицы и конфликтов, короче говоря — социальным адом.

Начнутся массовая миграция на Запад и смертельная драка за стакан воды и кусок искусственного хлеба. В этом плане уже сейчас надо серьезно ставить в школе дело военной подготовки. Каждый мужчина должен уметь обращаться с огнестрельным оружием. Армия без вооруженного народа не справится с массовым переселением. Надо воспитывать военно-оборонное сознание народа: нужно объяснять молодежи, что мы живем в военное время с угрозами не только с Запада, но и с Юга, и нужно быть готовыми дать отпор, тем кто попытается отнять часть наших земель, их богатств.

Вообще, исторические, геологические, климатические, социальные, духовные, особенно — моральные события на Земле, неисчерпаемое многообразие пороков людей невольно наталкивают на мысль о том, что на деле Земля является всего лишь «тюремной планетой», куда отправляют различных преступников гуманоидного типа с других планет, и все земляне всего лишь отбывают различные сроки своих приговоров. Поэтому кто-то мучается до старости, кого-то убивают, но всех казнят смерть. Те же, кто «честно» отбыл срок, могут после смерти выбраться за пределы Земли на свою родину. Будда много, очень много знал о сансаре, еще больше догадывался о нирване, но смысла этих игиловских истязаний людей он или не знал, или не желал раскрывать. Но невозможно отвергнуть предположения, что во Вселенной за пределами Земли есть обитаемые планеты, жителям которых доступны межпланетные коммуникации, преступления и наказания. Иначе все религии Земли теряют свой смысл, ибо не могут объяснить причин порочной и преступной природы людей.

Не случайно Ветхий Завет проклял Землю, как будто она стала соучастницей муторного вселенского хозяйственного преступления, превращающего даже Небо в деньги, а деньги — во вселенскую пошлость. Да и само название древнейшей книги о Боге, земле и людях «Ветхий» говорит о том, что присущая ей ветхость вскоре прикончит ее реалии вместе с ней. Оттого люди и плачут, чувствуя скорый приход ветхости. А ведь небо и люди призваны принимать смысловой свет неба и передавать его Великой Неизвестности, которая награждает своих жизнеработников счастьем, даря им маленькие и незаметные звездочки, несущие в себе пароли и коды неба.

И в таких условиях Россия (Русь) ищет пути к себе самой. В любом случае худшего не будет. Уже сейчас окружающий природный и исторический мир, их формы, законы, нормы не привлекают особо Россию устроить свое бытие на этих известных началах. Россия ищет пути-дороги в мир Иной, где царит Справедливость Великой Неизвестности. То ли это Золотой Век, то ли Рай, то ли время Кроноса, то ли неведомые магические планеты космоса. В этом мире Россию удерживают пространство, воздух, вода, и земля, но сама по себе она стремится, ищет пути, идет по найденным дорогам в мир Справедливости Иной, ибо она сама не от мира сего.

Мир Иной («Иное Царство» в русском фольклоре) вовсе не означает совершенный и благодатный мир. Нет, в нем будут бедные и богатые, сильные и слабые, праведники и грешники, счастливые и несчастливые, а смерть будет разновидностью сна. Но... но... одно! Все проявления зла в мире Ином будут в рамках Меры, они не будут разрушать социокультурное пространство, а будут служить стимулами для путешествий в царство Великой Необходимости за новыми благами и новыми... бедами, без которых человек тоже не может сохранить себя. Шоколад в качестве единственной пищи быстро приведет человека к неслыханным бедам. Так что «*служение, мобилизация, отпор!*» являются основными творческими стимулами мира Иного, который сокрыт в метафизике, физике России, в Мере и Справедливости Великой Неизвестности. В мир Иной Россия идет и придет... скоро с помощью Софии Премудрости. И посредством мира Иного Россия останется живой и перемелет всех паразитов Земли.

И все же для познания, понимания России не хватает чего-то важного, то ли какого-то фактора, то ли неведомого ее соавтора. Кажется, что России сегодня как будто нет, а есть страна, территория, которая никак не может стать Европой, хотя и не собирается исчезать, а делает что-то свое, русское. И сегодня любое действие в мире вне интересов России приводит к безумию, которое само вынуждено исполнять функции *умия*.

Что-то есть в России глубинно сокрытое и неведомое, служащее ключом к ее смыслам и целям. Поэтому-то Русь идет к себе «снизу», а не «сверху», не в целостном виде. Речь, видимо, идет о том, что Россия (Русь), русскость есть субстанциальный зародыш подлинной религии и веры, основанной на Мере и Справедливости. Именно обращение к этим основаниям Великой Неизвестности в години тяжкие страны давало ей силы, умения, разум, которые и спасали ее от гибели и рабства. Русскость, как сакральный принцип неведомой веры, русскость как сама вера в незримом обличье и служит источником неиссякаемой правды, справедливости и неизбежной их победы в мире Ветхого царства земного. Пока Российская монархия опиралась и взывала к русскости — она держалась, а как только стала «дружить» с Антантой, латышскими стрелками и прочим сбродом — она тут же и рухнула. И революция в России была протестом России против своей нерусскости, против чуждой

ей религии и власти во имя мира своего — Иного, ведомого мудростью Справедливости Великой Неизвестности.

Сталин напрямую возвал к русскому народу, и фашисты не взяли Москву. И социализм в СССР сбросило молчание русскости, чтобы выволить Россию из чужеземного ига. Крым ясно и четко заявил о своей русскости и стал свободным от бандеровских упырей без единого выстрела. А вот на Донбассе, в ЛНР нет прямого обращения к русскости, поэтому кровавая бойня будет там продолжаться. Русскость и совесть России (Руси) не связаны с царем, с социализмом, глобализмом, но ее всегда заставляли работать на антирусские, чужеземные проекты, не зная, что в каждом из нас кипит революционная и сакральная русскость, которая в свое время сбросит внутреннюю и внешнюю антирусскость ради воссоздания мира Иного, его Меры и его Справедливости в тутошней России. России — страна самого невозможного и самого невероятного, но сама Русь никуда не денется. Сегодня Россию толкают на создание театральной империи, чтобы сохранить глобалистское иго, хотя накопленная энергия протеста породит многоголовую монархию, в которой каждая голова будет служить в качестве цельной империи. Ни Бог, ни судьба, ни история, ни наука, ни религия, ни сами русские не знают и не могут установить статус России, ибо в ней рождается новое целостное сакральное мировоззрение, использующее ценности религии, применяющее в качестве средств науки, искусства, власть и творчество.

В России всегда все ее институты, управленческие структуры, законы и системные уставы крайне неорганичны и не соответствуют потребностям русской — софийной — идентичности. Именно поэтому все организационные и регулирующие институты страны всегда неустойчивы, опираются в основном на силовые службы, а не на социальную и коллективную поддержку. Россия — это страна, которая всегда скрывает, прячет свою русскость, свои русскую идентичность и субъектность даже от самой себя, выступая вовне как страна нерусская, позволяя править собой вольно и невольно (до роковой поры!) нерусским и антирусским силам. Есть, есть в этом сокрытии России от самой себя вещей замысел мудрости Великой Неизвестности, выжидающей банкротства всех самозванных властей и правителей, чтобы затем тайная русскость повернула движение России к самой себе, сама стала субъектом своей исторической жизни, спасая при этом еще и самоповерженных недругов.

Россия — страна нерусская — по канонам мира сего, ибо русскость в ней не знают, не признают и отвергают, но она всё-таки хранит свою русскость — для ее расцвета и плодоношения в мире Ином, который уже при дверях. А в мире тутошнем русскость России представляют временно нерусскость и оголтелая, инфернальная антирусскость. Русское сегодня в России лишь то, в чем вроде бы нет ничего русского. Разве лишь Ленин; ведь Ленин — это мы все, не совсем удавшиеся ленинцы, ждущие новую, уже и не социалистическую революцию для пересдачи экзамена.

Сегодня для России остался один-единственный путь — путь движения между Сциллой капитализма и Харибдой глобализма к самой по себе России (Руси), к ее изначальному основанию, к ее истоку, к ее перводвигателю — справедливости, которая служит криптопринципом Великой Неизвестности. Но это движение России к себе есть в то же время и движение к началу, истоку, смыслу человека, человечности вообще. Двигаясь к самой себе, Россия одновременно указывает путь всему человечеству, самой живой матрице человечности. Россия идет в свой Дом не просто к себе, а намечает путь, цель движения и деяний человеческой субстанции всех народов. Великая Неизвестность взвалила на Россию решение столь же великой проблемы — Справедливости, что предчувствовали многие творцы русского мира. Но единое смысловое и геополитическое ядро справедливости и русскости выявил и четко сформулировал И.В. Сталин: «Все это ляжет на плечи Русского народа. Ибо Русский народ — великий народ! Русский народ — это добрый народ! У Русского народа, среди всех народов, наибольшее терпение! У Русского народа — ясный ум. Он как бы рожден помогать другим нациям! Русскому народу присуща великая смелость, особенно в трудные времена, в опасные времена. Он инициативен. У него — стойкий характер. Он мечтательный народ. У него есть цель. Потому ему и тяжелее, чем другим нациям. На него можно положиться в любую беду. Русский народ неодолим, неисчерпаем!» [2, 606—611). А потому Россия (Русь), русскость найдут (почти уже нашли) дорогу к самим себе, к началам, истокам, смысловым образцам человечности, к своему подлинному бытию — бесконечному, самодоста-

точному, не опирающемуся ни на что, кроме самого себя и своей развертывающейся сакральности!⁴

Литература

1. *Осипов Ю.М.* Россия на пути к России // *Философия хозяйства*. 2017. № 6.
2. *Сталин И.В.* Соч. Т. 18. Тверь: Информационно-издательский центр «Союз», 2006. С. 606—611 (Приложение). URL: arctus.livejournal.com/137021.html (дата обращения: 18.05.2016).
3. URL: <http://rosgeroika.ru/podvig-i-v-nasledstvo/2017/february/fenomen-oprichniny?page=4> (дата обращения: 03.12.2017).
4. URL: <http://pravlife.org/content/vera-avraama-i-vera-nasha> (дата обращения: 29.11.2017).

References

1. *Osipov Yu.M.* Rossiya na puti k Rossii // *Filosofiya khozyajstva*. 2017. № 6.
2. *Stalin I.V.* Coch. T. 18. Tver': Informatsionno-izdatel'skij tsentr «Soyuz», 2006. S. 606—611 (Prilozhenie). URL: arctus.livejournal.com/137021.html (data obrashheniya: 18.05.2016).

⁴Удивительное, поразительное, глубокое и нужное нам понимание России дал австрийский поэт Р.-М. Рильке, утешая эмигрантов поневоле: «Решающим в моей жизни была Россия... Россия стала в определенном смысле основой моей жизни и мировосприятия. Она сделала меня тем, что я есть; внутренне я происхожу оттуда, родина моих чувств, мой внутренний исток — там... Все страны граничат друг с другом, и только Россия граничит с Богом... Глубинная, исконная, вечно претерпевающая Россия вернулась ныне к своим потаенным корням, как это было уже с ней однажды под игом татарщины; кто усомнится в том, что она живет и, объята темнотой, незримо и медленно, в святой своей неторопливости, собирается с силами для какого-нибудь еще, быть может, более далекого будущего? Ваше изгнание, изгнание многих бесконечно преданных ей людей питается этим *подготовлением*, которое протекает в известной мере подспудно; и подобно тому, как исконная Россия ушла под землю, скрылась в земле, так и все вы покинули ее лишь для того, чтобы сохранить ей верность сейчас, когда она затаилась...». Великая идея высказана Россией *прямотаки в молитвенном гимне и лишь в нем она находит свою истину*.

Т.И. КОПТЕЛОВА

**Коммерция против искусства:
театрально-эстрадное шоу
в механистической и органической
философских парадигмах***

Аннотация. В статье рассматриваются изменения эстетических идеалов под воздействием коммерческих интересов в современном цивилизованном обществе. Представлен анализ такого «продукта» и «произведения» массовой культуры, как театрально-эстрадное шоу на основе вокального жанра. Анализируются возможности музыкального искусства, сохранившего песенную форму, и особенности театрально-эстрадной постановки вокальной концертной программы с точки зрения механистической и органической философской методологии. Парадигма органической философии позволяет более полно определить феномен творчества и особенности современного музыкального искусства. С точки зрения органической философии дается анализ потенциальным возможностям театрально-эстрадных постановок музыкальных концертных программ в будущем.

Ключевые слова: искусство, коммерция, культура, музыка, парадигма, творчество, театрально-эстрадное шоу, эстетика.

Abstract. The author of the scientific article investigates changes of esthetic ideals under the influence of commercial interests. The analysis of such «product» and «work» of mass culture as a theatrical show on the basis of a vocal genre is submitted. Possibilities of the musical art which has kept a song form, and features of a theatrical performance of the vocal concert program from the point of view of mechanistic and organic philosophical methodology are analyzed. The Paradigm of Organic Philosophy allows to define more fully a phenomenon of creativity and feature of modern musical art. From the point of view of Organic Philosophy the analysis is given to potential opportunities of theatrical performances of musical concert programs in the future.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Коптелова Т.И. Коммерция против искусства: театрально-эстрадное шоу в механистической и органической философских парадигмах // Философия хозяйства. 2018. № 2. С. 39—48.

Keywords: art, commerce, culture, music, paradigm, creativity, theatrical show, esthetics.

УДК 18
ББК 85, 87

Коммерция предполагает торговлю и манипулирование существующими материальными благами. В качестве творческих задатков коммерция особо чтит «деловую хватку», «предприимчивую хитрость», «математическую смекалку», но торговля всегда предполагает наличие спроса и потребителя, стремление к увеличению прибыли, она не творит произведения искусства для будущих поколений, поскольку занята вопросами дня текущего. Все, что поддается математическому расчету, прекращает свою жизнь, развитие, после исчисления. Искусство неотъемлемо по своей природе от человеческого творчества, оно говорит преимущественно на динамическом языке художественного образа, и статическое выражение его форм достаточно пластично, так как вмещает в себя вечные вопросы и смыслы, актуальные для всех поколений и эпох. Именно вечные духовные ценности — истина, красота, благо (добро) — воплощают в себе нечто общечеловеческое, общеродовое, что будет творчески прочитано и воплощено в судьбе отдельного человека или целого народа. Коммерческие устремления, напротив, ориентированы на математически выверенный результат, отстраняясь от прошлого и будущего в заботе о максимальной прибыли в день текущий. Превращение духовного творчества в товар — это уничтожение подлинного искусства. И коммерческий настрой самой передовой, цивилизованной, части человечества не лишен авантюризма однодневных ценностей и сиюминутных интересов. При этом цивилизация тиражирует, а не творит. Копии произведений искусства теряют динамическое наполнение — способность говорить с будущими поколениями на новом, современном для них языке.

Материальные интересы современного развитого общества не отражают реальные потребности человека и порой гипертрофируют их, навязывая гораздо больше, чем необходимо для нормальной жизни, или заставляя потреблять то, что вообще несовместимо с полноценным развитием и ведет к гибели. При этом массово потребляемый продукт современного искусства — это шоу (само слово, как известно, происходит от английского show — «показ»),

«представление»): телевизионные программы, театральные постановки, музыкальные и другие конкурсы, концертные выступления артистов, видеоклипы и т. д. Насколько массовые зрелища начала XXI в. могут быть разрушительными для национальных культур, индивидуального и общественного стереотипа поведения? Всем известно, что стало с Римской империей, когда население ее крупных городов видело смысл жизни лишь в «хлебе и зрелищах». Несет ли современное искусство такие идеалы, которые способствуют жизни будущих поколений и будут творчески восприняты ими? На эти вопросы можно ответить, рассматривая конкретные «произведения» искусства начала XXI в., искусства, возникшего при взаимодействии различных эпох и национальных культур, современных технологий и традиционных ценностей, примером которого являются театральные постановки.

Особенно интересны многочисленные театральные постановки шоу на основе вокального жанра. С одной стороны, эстрадные шоу предполагают зрелищность и массовость, доступность и дешевизну, что, безусловно, отвечает коммерческим интересам современного общества. С другой стороны, всевозможные шоу стали неотъемлемой частью жизни отдельного человека, а индивидуальность и сам феномен личности предполагают неповторимость творчества. Поэтому шоу приобретают не только национальные оттенки, но порою воплощают индивидуальность артиста или режиссера — своего создателя. Эстрадные шоу отражают не только дух времени, но и предлагают зрителю новые идеалы, способные нести в себе силу разрушения или созидания. При этом массовые зрелища характеризуют определенный этап в развитии народов: достижение высокого уровня технического развития средств коммуникации и материального благосостояния.

Рассматривая национальные черты театральные постановки, можно отметить массовость и безличность западно-европейской модели шоу, которые накладываются в России на традицию соборности. Именно в случае сочетания национальных традиций и новейших средств массовой коммуникации содержание музыкальных концертных постановок приобретает творческую глубину и возможность индивидуальной интерпретации. Театральные постановки вокальных концертных программ особенно распространены в современной России. Может ли эстрада обрести подлинную театральную глубину, сравнимую с древнейшими тра-

дициями драматургии? Возможна ли эстрадная классика? Как превратить шоу в созидательно-творческое действие и артистов, и зрителей? На все эти вопросы можно ответить с позиции парадигмы органической философии. Дело в том, что феномен творчества как неотъемлемой части жизни наиболее полно раскрыт в парадигме органической философии. Органическая философия, существующая в отечественной и зарубежной интеллектуальных традициях, способствует возрождению самого понимания творчества как неотъемлемой части полноценной жизни человека и общества [4, 259—260]. Логика органического (живого) позволяет выявить следующие особенности существования культуры: 1) закон саморазвития утверждает, что жизнеспособность нового произведения искусства определяется его цельностью; 2) закон многообразия показывает, что полноценное развитие создает предпосылки для проявления многогранности; 3) закон одновременного действия двух детерминаций (идушей от прошлого — причинной, и детерминации будущего — целевой) позволяет приоткрыть загадку спонтанности в рождении нового произведения искусства [5, 525—528]. Поэтому современным деятелям искусства необходимо помнить, что важнейший признак творчества — это не только свобода самовыражения, но и альтруизм (жертвенность во имя благополучия и счастья, всего многообразия жизни существующей сейчас и жизни будущих поколений).

Механистическая философская парадигма отражает коммерческие интересы общества и акцентирует внимание на возможности манипуляции в искусстве, конструировании, математической вычисляемости эстетических идеалов [7, 138—139]. При этом можно выделить следующие парадигмы существования искусства в истории европейской цивилизации: 1) «наивно органическую» (по времени включает в себя Античность и Средневековье, с VI в. до н. э. по XIV в. н. э.); 2) «механистически-органическую» — период недолгой гармонии разума и чувства (XV—XVI вв. — эпоха Возрождения); 3) «механистическую» (Европа XVII—XX вв.); 4) «трансмеханистическую» (конец XX—начало XXI в.).

Для «наивно-органического» видения мира характерно представление об искусстве как способности выражать и состояния природы, и различные формы духа (человеческие страсти) через человеческое переживание. И музыка выступает здесь как возможность воспроизведения гармонии космоса, природы преимущественно через песенную форму. Именно песенная форма с ее природным

гармоническим сочетанием ритма строк и каденций (конечной цельностью произведения) сохраняет историческую память об изначальном триединстве музыки, поэзии и танца. При этом сама музыка в эпоху Античности выступает как явление рациональное, воплощаемое при помощи математики, и иррациональное, указывающее на то, что в музыке есть нечто воспринимаемое и переживаемое индивидуально, творчески изменяемое. Возможно поэтому в греческих музыкальных трактатах допускались иррациональные стопы и длительности более чем в две доли — «трисемос», «тетрасемос», что позднее практически отсутствует в трактатах латинских грамматиков [2].

«Механистически-органическая» парадигма музыкального искусства, представленная эпохой Возрождения, приводит к рождению классической музыки, рождению оперы. Триумф классической музыкальной гармонии оживляет некоторое время «механистическую» парадигму. И в XX в. механистический подход в изучении музыки применяется достаточно широко. Так, например, В.Д. Конен в книге «Театр и симфония, роль оперы в формировании классической симфонии» на основе механистического подхода выделяет следующие этапы становления и развития классической музыки: 1) возникновение театра и оперы, использующих музыкальные средства выражения для создания определенных художественных образов (скорби, восторга, печали, гнева, любви и т. д.); 2) формирование постоянных значений музыкальных высказываний (прежде всего, интонационно-мелодических оборотов); 3) превращение интонационно-мелодических образов-красок в самодостаточные элементы за счет освобождения их от поэтической (речевой) и театральной (постановочной) поддержки; 4) свободное комбинирование интонационно-мелодических оборотов в новых произведениях и жанрах; 5) самостоятельное существование интонационно-мелодической палитры красок и чувственных образов как «чистой» музыки в различных жанрах (симфонии, сонате и др.) [3]. При этом механицизм плотно входит в классическую музыку, начиная с третьего этапа (освобождения интонационно-мелодических образов от поэтической и театральной поддержки). С этого момента начинается утрата традиционной песенной формы в классической музыке, что позднее выразится в саморазрушении классики.

«Трансмеханистическая» парадигма существования музыкального искусства конца XX — начала XXI в. выражает глобальное рас-

пространение коммерческих интересов во всех аспектах существования цивилизованного общества. Манипуляция духовными ценностями, происходящая в начале XXI в. ведет к нравственной деградации, тотальному неверию, расщеплению сознания современного человека. Вместе с этим происходит утрата естественных духовных потребностей, целостным выражением которых является человеческое творчество. Поэтому трансмеханицизм не отрицает возможности конструирования музыкального произведения, искусственного наполнения старых форм новым содержанием. «Трансмеханистическая» парадигма современных эстрадных шоу осуществляет попытку эклектически соединить несочетаемое, утвердить универсальность вместо цельности, примитивность вместо естественной простоты. Поэтому, с одной стороны, музыка в наше время все чаще рассматривается не как нечто уникальное и «метафизическое» (божественное, сверхприродное), а как звуковой фон существования мира, фон который нами не переживается, не проходит сквозь всю палитру наших чувств. А с другой стороны, утрата традиционной песенной формы расщепляет природную цельность человеческого творчества в музыкальном искусстве. Поэтому современная музыка все чаще несет в себе дисгармонию и диссонансы. Механистический, а также последующий за ним трансмеханистический подход в понимании музыки лишает ее тайны и волшебства, «выключая» глубину переживаний человеческой души, стремясь подчинить все чувства сначала разуму, а потом технологии. А технологии в начале XXI в. не только бездушны, но они часто становятся и неразумными, теряя классические ориентиры в представлении «истины» и «лжи», «пользы» и «вреда». Механическое конструирование современных шоу, преследующее коммерческие цели, создает «товар», имеющий конкретную ценовую характеристику, но претендующий на выражение вечных смыслов и ценностей. Виртуальный мир технологий при этом как будто оживает, и фоновое (внешнее, несвязанное), фрагментарное, сиюминутное начинает восприниматься современным человеком как смыслообразующее, как главная ценность [6, 125—127].

Органическая парадигма, напротив, предполагает не механическое конструирование, а единовременное цельное рождение единой гармонии произведения искусства и его разнообразных красок в многогранности художественного образа. Поэтому в современных массовых зрелищах органическая парадигма открывает драматургии-

ческую глубину, ориентированную на творчески оптимистическое, созидательное общее переживание и артиста, и зрителя. В данном случае шоу, действительно, можно будет назвать «театральной» постановкой («театрально-эстрадным»), так как музыка в нем, неизменно связанная с другими видами искусства, возвращается к своей первичной цельности, выступает как многомерное явление. Органическая парадигма позволяет преодолеть и фоновый характер современных произведений искусства, так называемую «праздность» (поверхностное восприятие зрителя, коммерческий интерес художника). Осуществляется это преодоление благодаря возрождению оптимистического, живого мироощущения, творческого приобщения к окружающей реальности. Дело в том, что человек как творец, как личность должен жить в каждом произведении подлинного искусства, особенно в музыке, которая обладает наиболее выраженным процессуальным характером. Так, согласно органической парадигме, театрально-эстрадное шоу может обрести свое звучание и действие в сердцах не только актеров, но и зрителей.

В механистической парадигме весь оптимизм коммерции связан с увеличением прибыли, и общественный прогресс при этом ассоциируется исключительно с экономическим ростом. Духовное, нравственное состояние человека и общества уходит на второй план. При этом происходит утрата оптимистического мироощущения, так как коммерцию сопровождает математика, которая, вычисляя, десакрализует реальность, лишает ее загадочности, волшебной тайны. Главный смысл механистической парадигмы — осуществление манипулирования природой, обществом, человеком. Ради чего необходим данный процесс? Для реализации волевых устремлений отдельных людей. Органическая парадигма, напротив, выступает с идеей жизнеутверждения для всех и всего. Она предполагает рождение нового, творческий ответ современности, самобытное прочтение культурных традиций прошлого и предвидение будущего. Так, с точки зрения органической парадигмы артист на суд зрителя должен представить собственное переживание нравственных идеалов, вечных неразрешенных вопросов: что такое жизнь? любовь? успех? Как отличить истину от лжи? И в совместном переживании всей драматичности судеб современного мира артисту и зрителю необходимо объединить свои усилия [8, 98—100]. Только таким образом возможно эмоциональное единство артиста и зрителя во время представления. И всеобъемлющее чувство, способное подчи-

нить все переживания — это любовь. То, что в парадигме органической философии получило название аттрактивности [1, 64—66].

Важнейший закон искусства говорит нам о том, что уникальные произведения создавались гениальными авторами не ради собственной славы и коммерческих интересов, а в результате стремления к высшим идеалам, к «далекому будущему». Это стремление рождается благодаря радостному, оптимистическому восприятию жизни. И творческое приобщение к чему-либо невозможно осуществить на основании денежного интереса, так как здесь необходимо цельное устремление, человек полностью должен посвятить себя избранному делу. Настоящее произведение искусства вмещает в себя всю многогранность своего творца и всю необъятность реальности. Достичь этого невозможно в механистической парадигме, расщепляющей мир. Органическая парадигма раскрывает бесконечность как непрерывность, и жизнеутверждение здесь не отрицает всей трагичности, несовершенства мира, но оно способно видеть дальше, выходить за пределы своего пространства и времени — мыслить многообразные судьбы вселенной, где торжествует созидание, продолжается развитие, есть место надежде на чудо. Возможно, именно жизнеутверждающей аттрактивности не хватает современному искусству, произведения которого создаются в коммерческих целях.

Парадигма органической философии говорит о том, что динамический язык искусства способен передать цельность и многогранность жизни, ее красоту и неповторимость. На таком языке говорит с человеком песня, природно соединяющая различные виды творчества. В театрально-эстрадном представлении именно песня позволяет собрать многообразные жанры искусства в единое целое, наделяя их общим смыслом. Поэтому театрально-эстрадное шоу, основывающееся на вокальном жанре, имеет все шансы на существование в будущем, так как возрождение песенной формы музыкального искусства позволит увидеть не только взаимосвязь классической гармонии с современными мотивами, но и ощутить подлинную трехмерность музыки, где первое измерение - горизонталь мелодии, второе — вертикаль гармонии, третье — глубина не столько сонорика, сколько чуткости человеческого сердца.

Литература

1. *Гумилев Л.Н.* Конец и вновь начало: Популярные лекции по народоведению. М.: Рольф, 2001. 384 с.
2. *Двоскина Е.М.* Античная теория ритма: трактат Аврелия Августина «De música libri sex». Дис. ... канд. искусств. М., 1997. 258 с.
3. *Конен В.Д.* Театр и симфония, роль оперы в формировании классической симфонии. М.: Музыка, 1968. 352 с.
4. *Коптелова Т.И.* Классическая музыка в парадигме органической философии: детерминация будущего // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2016. № 3. С. 259—269.
5. *Коптелова Т.И.* Органический принцип евразийства и предпосылки изменения господствующего в современной науке стиля мышления // Российский гуманитарный журнал. 2015. Т. 4. № 6. С. 524—533.
6. *Коптелова Т.И.* Органическая методология как способ преодоления противоречий постнеклассической парадигмы // Философия хозяйства. 2017. № 6. С. 123—132.
7. *Коптелова Т.И.* Рациональная сущность эстетического идеала с точки зрения логики органического и экологии духа // Философия хозяйства. 2017. № 3. С. 137—146.
8. *Коптелова Т.И.* Театрально-эстрадное шоу в парадигме органической философии (на примере шоу «Игра» Николая Баскова) // Наука. Мысль. 2017. № 4. С. 96—103.

References

1. *Gumilev L.N.* Konec i vnov' nachalo: Populjarnye lekcii po narodovedeniju. M.: Rol'f, 2001. 384 s.
2. *Dvoskina E.M.* Antichnaja teorija ritma: traktat Avrelija Avgustina «De música libri sex». Dis. ... kand. iskusstv. M., 1997. 258 s.
3. *Konen V.D.* Teatr i simfonija, rol' opery v formirovanii klassicheskoj simfonii. M.: Muzyka, 1968. 352 s.
4. *Koptelova T.I.* Klassicheskaja muzyka v paradigme organicheskoy filosofii: determinacija budushhego // Vestnik LGU im. A.S. Pushkina. 2016. № 3. S. 259—269.
5. *Koptelova T.I.* Organicheskij princip evrazijstva i predposylki

izmenenija gospodstvujushhego v sovremennoj nauke stilja myshlenija // Rossijskij gumanitarnyj zhurnal. 2015. T. 4. № 6. S. 524—533.

6. *Koptelova T.I.* Organicheskaja metodologija kak sposob preodolenija protivorechij postneklassicheskoj paradigmy // Filosofija hozjajstva. 2017. № 6. S. 123—132.

7. *Koptelova T.I.* Racional'naja sushhnost' jesteticheskogo ideala s točki zrenija logiki organicheskogo i jekologii duha // Filosofija hozjajstva. 2017. № 3. S. 137—146.

8. *Koptelova T.I.* Teatral'no-jestradnoe shou v paradigme organicheskij filosofii (na primere shou «Igra» Nikolaja Baskova) // Nauka. Mysl'. 2017. № 4. S. 96—103.

А.Ю. ГОРБАЧЕВ

Религиозный характер советской эпохи*

Аннотация. Советская эпоха была эпохой богоборчества, но не атеизма, и знаменовала собой реформацию православия.

Ключевые слова: вера, советский, коммунистический, идеология, религиозный, «красный».

Abstract. The Soviet epoch was an epoch of theomachy, not atheism, and represented reformation of Orthodox Christianity.

Keywords: faith, soviet, communistic, ideology, religious, «red».

УДК 124

ББК 86

Философия выражает потребность отдельных людей в понимании действительности, идеология — потребность выживания человеческих сообществ. Поэтому философия представляет собой феномен сознательного, идеология — коллективного бессознательно-го. Следовательно, в идеологии отсутствует адекватная рефлексия. «Золотое правило» идеологии гласит: носители идеологии верят в

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Горбачев А.Ю. Религиозный характер советской эпохи // *Философия хозяйства*. 2018. № 2. С. 48—52.

то, что на деле оказывается другим. И, соответственно, называют одно другим (например, финансовую — демократией), путают их.

В целом оценка характера советской эпохи ее современниками и их наследниками является идеологической, насыщенной мифологическими интерпретациями. Следовательно, и на нее распространяется «золотое правило» идеологии. Рассмотрим и подвергнем сомнению чрезвычайно популярную идеологему атеистичности советской эпохи, или, проще говоря, миф о советском атеизме. На этом мифе держится интегральная оценка советизма. От того, насколько она будет правдивой, зависит наше отношение к прошлому, а также наш сегодняшний и завтрашний день.

Советский период отечественной истории традиционно признается атеистическим. Формально для бытования такой точки зрения есть основания. Советская власть в лице ее многочисленных представителей словом и делом демонстрировала негативное отношение к религиозным и, шире, мистическим идеям и институтам, существовавшим до нее и возникавшим в XX в. Она открыто декларировала свой атеизм и нередко именовала его воинствующим.

Однако учтем, во-первых, что советской власти была присуща идеологическая нетерпимость, сфера распространения которой выходила далеко за пределы религиозных и мистических феноменов.

Во-вторых, не нужно опрометчиво солидаризироваться с советскими идеологами и теми, кто разделяют их позицию: ведь богоборчество сигнализирует о смене религиозной парадигмы, а не о ее упразднении.

В-третьих, советские идеологи не проводили четкого разграничения между принципиально разными вещами — атеизмом и богоборчеством. Именно последнее упорно внедрялось в советскую повседневность. Советские идеологи были богоборцами, т. е. верующими иначе и в иное, чем те, кому они противостояли, причем богоборцами с фанатическим уклоном, тогда как атеисты являются неверующими и, конечно же, — людьми не фанатического склада.

Богоборчество — иноверие, а не безверие. Советская идеология, официально называвшаяся коммунистической, была иноверием. В этом качестве она представляла собой оппозицию не просто по отношению к отличным от нее системам идей, а прежде всего к той из них, которая служила олицетворением «старого мира», доок-

тябрьской России, — к православию. Сказанное отнюдь не означает антиправославной направленности советской идеологии и советской власти. И не только потому, что объектами их неприязни были все религиозные и мистические доктрины, за исключением коммунистической, а не одно православие, но в первую очередь потому, что советская идеология, а также базировавшаяся на ней пропаганда и практика коммунистического воспитания и коммунистического строительства совокупно являлись элементами грандиозного процесса — реформации православия. (Обратим внимание на то, что вопреки официально провозглашенному в СССР материализму там процветал махровый идеализм, отчетливо прослеживалось движение от идеологии к общественной практике, от надстройки к базису, — движение, показательное для попыток внедрить в жизнь социума утопические (мистические) проекты, среди которых приоритетное место занимают религиозные.)

Религиозно-реформаторский характер советская эпоха приобрела изначально. Хронологически Октябрьская революция 1917 г. совпала с 400-летием Реформации в Германии (если это случайность, то та, в которой обнаруживает себя скрытая закономерность); ее вождь Владимир Ленин стал русским Мартином Лютером, инициатором «красной» Реформации, «крестителем» России в «красную» веру.

Символ новой веры, как и старой, — крест. Разумеется, протестантски модифицированный: во-первых, крест, крест, во-вторых, он изображал не орудие казни, а орудия труда — серп и молот. Тем самым «красная» Реформация стремилась выгодно отличаться от предшественников и одновременно обозначала свои мировоззренческие и классовые приоритеты (предпочтение отдавалось представителям социальных низов, что коррелирует с православным вероучением).

Адепты «красной» веры должны были доблестным трудом приближать светлое будущее, которое ассоциировалось с коммунизмом. Однако коммунизм оказался утопическим идеалом, трансцендентным феноменом, гипотетически актуальным для грядущих поколений, — иначе говоря, аналогом рая в религиозных концепциях, его перелицованным вариантом.

Христианская вера в бессмертие души в советских условиях трансформировалась в догму бессмертия коммунистических идей.

Священными книгами советской эпохи были тома сочинений классиков марксизма-ленинизма. Как и полагается сакральным текстам, эти сочинения обильно и часто цитировались «красными» проповедниками.

В качестве заповедей новой веры выступал моральный кодекс строителя коммунизма.

Храмами советской эпохи стали дворцы съездов и помещения, в которых проводились партийные собрания; церковными проповедями — речи коммунистов, как правило, высокопоставленных и/или титулованных, на этих съездах и собраниях.

Обряд крещения изменился по названию и форме, но не по сути. Как и принято у протестантов, новорожденных не крестили. Советских людей приобщали к «красной» вере в более зрелом возрасте и в четыре этапа, в соответствии с четырьмя стадиями посвящения в таинство: октябрята, пионеры, комсомольцы, коммунисты.

Пасхальный крестный ход советского образца выглядел как демонстрации трудящихся 1 мая и 7 ноября (заметна обновленческая тенденция к мультиплицированию религиозных обрядов и ритуалов: четырехступенчатое крещение, крестный ход — в два этапа...).

Иконы сменились портретами основоположников «красной» веры (Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина: в данном случае эффекту мультиплицирования подверглась святая троица; впрочем, с изъятием из приведенного списка последней фамилии произошло возвращение к канонической цифре), вождей коммунистической партии и советских святых.

Кремлевская стена в Москве превратилась в место захоронения святых мощей, роль которых отводилась урнам с прахом героев советской эпохи. В мавзолее упокоилось тело Ленина, рядом с мавзолеем ровно двенадцать могил «красных апостолов» (очередное «странное сближенье» либо все-таки воплощение религиозной сущности советизма, не важно, намеренное или нечаянное?).

Советскими святыми считались не только основоположники «красной» веры и отдельные партийные вожди, но и герои новой эпохи: Алексей Стаханов, Павлик Морозов, Александр Матросов, Зоя Космодемьянская, Юрий Гагарин и многие другие.

В советском обществе царил атмосфера своеобразного «красного шариата», когда тоталитарными методами насаждалась коммунистическая идеология, согласно которой регламентировались официальная жизнь людей и их бытовое поведение, вплоть до формы одежды и причесок.

Культивировались «красная» соборность под именем коллективизма и «красный» аскетизм, сопряженный с дискриминацией по отношению к частной собственности и с постоянным дефицитом предметов личного потребления.

По сравнению с реформированным ею православием «красная» вера несла в себе более ярко выраженное секулярное начало, но эта черта вполне вписывается в ряд тенденций протестантизма.

В заключение расскажу об одном знаменательном событии моей студенческой молодости. Итоговым государственным экзаменом за университетский курс у меня был научный коммунизм. Я обычно начинал осваивать учебные дисциплины с уяснения их логической схемы; в противном случае моя память работала со сбоями, функционируя в мерцательном режиме вместо стабильного. Логическая схема научного коммунизма явственно приглашала к изнурительному путешествию по лабиринтам алогизма. От самого названия этой дисциплины веяло мистицизмом: коммунизма еще нет, а он уже научный.

Предстоящий экзамен грозил превратиться в насилие над логикой и тягостное бремя для совести. Я должен был сделать то, от чего за время учебы успешно уклонялся: овладеть озвучиванием ритуальных фраз и не гнушаться произносить заклинания.

Однако корпение над учебником вкупе с конспектированием лекций и работой на практических занятиях принесли свои плоды. Постепенно выкристаллизовалось опорное слово этой дисциплины — «вера». И тогда до меня начало доходить, в какой стране я живу и в каких идеологических координатах она существует. Это с лихвой окупило затраченные усилия. Логика веры, несмотря на ее оксюморонность, все же логика. А я, простак, пытался одолеть научный коммунизм исходя из тех формально материалистических (атеистических) установок, которыми меня и других советских людей пичкали сызмала. Эти установки удручали своей декларативностью, а главное — оторванностью от доктрины научного коммунизма. Вера, вера и вера — вот ее суть. Вера в светлое будущее, вера в идеалы коммунизма, вера... и ничего, кроме веры.

В результате моя вера в то, что я живу в светском советском государстве, окончательно померкла, опровергнутая реальностью «красного шариата», или православного протестантизма, для которого коммунизм был всего лишь изощренным псевдонимом.

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ**

А.В. КУЗНЕЦОВ

**Россия в глобальной экономике:
аксиологический подход***

Аннотация. В статье рассмотрены основы форматирования глобальной экономики в рамках информационно-денежной цивилизации. Проанализированы защитные механизмы советского строя, выстроенные против расчеловечивания глобального социума. Сделан вывод об исключительной роли России в возврате мировой цивилизации на путь человекоцентричного развития.

Ключевые слова: глобализация, цифровизация, инновации, система ценностей.

Abstract. The article deals with the fundamentals of formatting the global economy within the framework of the information and monetary civilization. The defense mechanisms of the Soviet system, aligned against the dehumanization of the global society, are analyzed. The conclusion is made about Russia's exceptional role in the return of the world civilization to the path of human-centric development.

Keywords: globalization, digitalization, innovation, value system.

УДК 32, 33
ББК 65.5

Процессы, происходящие в глобальной экономике на современном этапе, вполне укладываются в теорию управляемого хаоса. Кризисогенность, геополитические вооруженные конфликты, центробежные тенденции в действующих региональных экономических объединениях, маятниковое перемещение центров экономического развития, галопирующая социальная поляризация внутри крупнейших национальных экономик, падение объемов мировой торговли,

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Кузнецов А.В. Россия в глобальной экономике: аксиологический подход // Философия хозяйства. 2018. № 2. С. 55—66.

цифровизация, трансгуманизация, кластеризация. Список можно продолжить.

Глобальная экономика конвульсирует в рамках диаметрально противоположных императивов — необходимости защиты и сохранения исчерпаемых природных ресурсов и задачи обеспечения устойчивых темпов экономического роста. На развивающиеся экономики приходится половина сбережений в мире. Для преодоления отставания от развитых государств страны с формирующимися рыночными экономиками должны инвестировать значительную часть накопленных финансовых ресурсов в собственное развитие, что на практике не происходит, поскольку эти ресурсы перераспределяются через каналы мирового финансового рынка в пользу развитых стран. Развитые страны последовательно блокируют доступ развивающихся стран к передовым технологиям, облакая последних на конкуренцию в глобальной экономике на основе трудоемких, капиталоемких и экологически вредных производств.

Институты ООН, в первую очередь МВФ и Группа Всемирного банка, демонстрируют свою возрастающую бесполезность в разрешении проблем глобального развития, что стало особенно ощутимо после мирового финансово-экономического кризиса 2008—2009 гг. «Цели развития тысячелетия» ООН, по сути, являющиеся манифестом глобализации, содержат технократический подход к ограничению эксплуатации окружающей среды и не критичны к основной задекларированной цели экономической деятельности — максимизации прибыли (т. е. росту ВВП). Эта цель несопоставима с удовлетворением планетарных потребностей, поскольку платежеспособные запросы владельцев крупного капитала, обслуживаемого транснациональными корпорациями, на которые приходится 2,5% занятых на мировом рынке труда (группа А), существенно отличаются от платежеспособных запросов остального населения мира (группа Б), что ведет к колоссальным диспропорциям. В период 1990—2016 гг. темпы прироста добавленной стоимости ТНК в три раза превышали темпы прироста мирового ВВП [10, 26]. В условиях глобальных дисбалансов и отсутствия наднационального регулирования международного движения капиталов достижение «целей развития» ООН приводит к эскалации политической нестабильности, связанной со стремлением группы А во что бы то ни стало сохранить социально-экономический статус-кво.

Современный этап глобализации проходит в рамках оцифровывания экономики и человека. Цель глобализации — создание управляемого (подконтрольного) социума в интересах англосаксонского мир-системного ядра [4]. Главным инструментом в достижении этой в цели с 1980-х гг. выступает информационно-финансовая инженерия, встраивающая человека в матрицу виртуальной свободы интернета через бесконечное навязывание ему желаний, удовлетворение которых не ограничено нравственными, этическими и эстетическими канонами. «Свобода без ограничений», которая якобы возникает вследствие реализации человеком этих повседневных стереотипных желаний в виртуальном пространстве интернета, обеспечивается благодаря насыщению этого пространства многообразными финансовыми инструментами, при помощи которых создается ощущение абсолютного комфорта и свободы, доставляемых современными технологиями виртуального финансового обогащения. В ходе глобальной виртуализации мирового финансового пространства (начало которой было положено в 1971 г. с отменой конвертируемости доллара США в золото) в глобальной экономике сформировалась гигантская непроизводительная надстройка в виде мирового финансового рынка, все сегменты которого безраздельно контролируются англо-американскими институтами [2].

Роль СССР в создании основ человекоцентричной цивилизации

Итак, с крахом СССР мир форматируется в рамках единой глобальной цивилизации — информационно-денежной [3]. В денежно-цифровом мире все происходящее лишено какого-либо нравственного, качественного или смыслового значения. Открытия физиков и математиков, музыкальные и художественные произведения, спортивные и театрализованные шоу, торговля, производство, преступления, революции, войны значимы ровно настолько, насколько их результаты могут быть коммерциализированы и подведены под единый *цифровой* знаменатель. Миром правят не столько политики, готовящие новый передел сфер своего влияния, не столько идеи, способные сокрушить устоявшийся общественно-политический статус-кво, и даже не тайные общества, действующие в духе теории заговора. Современным миром управляют не совсем люди, а вышедшие из-под их контроля информационно-денежные механизмы (схемы), которые держат человечество в тройной зависимости: 1) от необходимости удовлетворения материальных по-

требностей (сфера производства); 2) от необходимости постоянного внедрения инноваций (сфера обмена); 3) от необходимости обмена реальных ценностей на фиктивные (сфера распределения).

Сфера производства. Информационно-денежная цивилизация (именуемая также технической, или вещественной, цивилизацией) требует гораздо больше сил, времени и ресурсов для своего обслуживания, чем требуют сам человек и человеческое общество для самообслуживания. Доказательством этому служит, например, то, что *жизненный цикл* всех потребительских товаров — от автомобилей до компьютеров (или созданных на их основе программ) — гораздо *короче*, чем *жизненный цикл* человека. Вещи и неодушевленные предметы выходят из строя несравненно чаще, чем человек. Поэтому человек вынужден тратить значительно больше сил и ресурсов для обслуживания информационно-денежной (вещественной) цивилизации, чем для обслуживания себя самого (человеческого общества). Человек, человечество, наряду с природой, являются *единственными* реальными ценностями на планете Земля. Однако, следуя императивам вещественной цивилизации, человечество пренебрегает своей исключительностью, подменяя реальные ценности фиктивными.

В СССР задача направления энергии человека преимущественно в русло собственного развития (а не на воспроизводство вещественного мира фиктивных ценностей) решалась через создание *прочных* вещей, срок эксплуатации многих из которых приблизительно равнялся или превышал продолжительность жизни человека. Это достигалось за счет использования в производстве износостойких материалов, например, мрамора или гранита при строительстве метро; нержавеющей высоколегированной стали в машинах и оборудовании, дорогостоящих металлов — в столовых приборах, кухонной посуде и прочей бытовой утвари, драгоценных металлов — в бытовой и промышленной электронике. Реклама вещей была ограничена. Вещи создавались в минимальном количестве и служили в основном для массового, а не индивидуального пользования, что значительно сокращало ресурсы для их обслуживания.

Сфера обмена. Основным двигателем информационно-денежной цивилизации являются инновации, которые ускоряют процессы удовлетворения материальных потребностей и обмена реальных ценностей (энергии и творческих сил человека, ресурсов природы) на фиктивные (деньги, потребительские товары). Сове-

менные инновации — это феномен финансовой экономики образца последней четверти XX в., когда внутренняя товарная ценность денег окончательно трансформировалась во внешнюю фиктивную потребительную стоимость.

Именно финансовые инновации (а не новые открытия) определяют лидерство США в XXI в. Рассмотрим, к примеру, такой продукт инновационной экономики, как производные финансовые инструменты, глобальная стоимость которых измеряется сотнями триллионов долларов США. Известный американский финансист Уоррен Баффет назвал их «оружием массового поражения». С момента выхода на рынок в 1980-х гг. производные финансовые продукты значительно трансформировались. Если производные 1-го поколения основывались на будущей цене акций, например, индекса S&P 500 (фондовой корзины из 500 американских компаний с наибольшей капитализацией), то производные 2-го поколения уже представляли собой фьючерсный контракт на индекс S&P 500, производные 3-го поколения всплыли в форме опционов на фьючерсный контракт S&P 500, производные 4-го поколения стали заключаться на волатильность опционов на фьючерсный контракт S&P 500, а производные 5-го поколения представляют собой фьючерсные контракты на индекс волатильности указанных опционов. Мистика.

Цифровая экономика многократно форсирует инновационные процессы. Скрещивание финансового рынка, математического моделирования и информационных технологий дало рождение новому понятию — алгоритмизированному трейдингу, который пробрался в самое сердце капиталистической экономики — на биржу. Отныне не человек, а роботы и программы осуществляют торговлю виртуализированными финансовыми инструментами, анализируют финансовые новости и создают необходимые импульсы, влияющие на ход биржевых торгов. В глобальном распространении финансовых инноваций ключевую роль играют метафизические факторы, когда на рынке предлагаются и пользуются головокружительным успехом восхищенной публики такие совершенно фантазмагорические продукты, как финтех, биткойн и блокчейн. Все это напоминает XVII в., когда предметом иррационального обожествления служили луковицы тюльпанов на фондовом рынке Голландии.

На глобальном уровне ключевой жертвой инноваций выступает Китай, который в наибольших объемах вынужден обменивать

реальные ценности на фиктивные (например, в форме всемирного тиражирования продукции Запада или хранения своих экспортных поступлений в долларовых валютных резервах). В условиях торжества подложных ценностей уже начинает прорисовываться и та роль, которая уготовлена Западом Китаю в процессах глобализации. При сохранении текущих опережающих темпов экономического роста в течение десятилетия Китай имеет шансы стать крупнейшей экономикой мира. Но уже сейчас можно предположить, что условная смена экономического лидера не повлечет за собой соответствующую трансформацию господствующей в мире системы ценностей. Страны Запада просто не допустят насаждение в планетарных масштабах социалистических идеалов по образцу китайской модели общественного развития. Элиты западных стран не готовы жертвовать комфортным и безбедным существованием во имя торжества идеалов гармонии и социальной справедливости. Гораздо проще уступить Китаю первенство по объему ВВП, но при этом вынудить его и дальше поддерживать функционирование модели глобального неравенства в интересах золотого миллиарда [5, 150].

Данная гипотеза не лишена оснований, поскольку до сих пор Китай так и не представил альтернативной модели мирового развития. Даже сам термин «Пекинский консенсус», якобы противопоставляемый «Вашингтонскому консенсусу», вошел в обиход после одноименной публикации *британского* Центра иностранной политики [8]. Несмотря на наибольшую долю в общей численности населения мира, голос Китая слабо присутствует в глобальном информационном пространстве. В частности, это связано с тем, что общепризнанным языком международного общения выступает английский, а глобальные СМИ, включая интернет, фактически подконтрольны англосаксонским мультимедийным конгломератам.

В течение тысячелетней истории своего развития Китай зарекомендовал себя как самодостаточная и неагрессивная цивилизация. Вопреки первенству в изобретении военно-торгового флота и пороха, Китай не смог дать отпор Британии в опиумных войнах, Япония с легкостью завладела «управленческим центром» Китая — Манчжурией, и если бы не помощь СССР, Китай, возможно, по сей день пребывал бы в статусе американско-европейской полуколонии в полном смысле этого слова. С учетом беспрецедентного послушания и высокой производительности труда китайских работников полный переход Китая на капиталистическую модель (что по сути уже про-

изошло) гипотетически мог бы на долгие годы продлить жизнь западной потребительской модели.

Сегодня западные СМИ нередко выставляют Китай в довольно неприглядном свете — страны с авторитарным режимом и смертной казнью, глобального загрязнителя окружающей среды и потенциального агрессора с крупнейшей в мире армией, которая готовится к захвату всего остального мира. При этом, правда, за кадром зачастую остается тот факт, что Китай не имеет опыта успешного проведения международных военных операций, сопоставимого с опытом других мировых держав, а армия, вполне возможно, создается не столько для противостояния внешним противникам, сколько для эффективного подавления социальных беспорядков внутри страны.

Итак, несмотря на стремительное продвижение Китая на Олимп мировой экономики, место и роль Поднебесной империи в процессах глобализации могут быть окончательно сведены к функции беспрекословного, прилежного и неприхотливого исполнителя. Реальные же рычаги по управлению глобальными процессами могут остаться неподконтрольными Китаю. Хотя КНР и заимствовал систему государственного управления у СССР, как «мастерская мира» сегодня КНР выступает передовиком материального производства и является крупнейшим денежным эмитентом (денежная масса Китая по агрегату M2 в долларовом эквиваленте на 40% превышает аналогичный показатель США).

Напротив, в СССР перенаправление творческого потенциала человека из сферы материального производства в сферу собственного развития решалась через ограничение денежного обращения и создание дефицита материальных благ. Развитие самого человека устраняло до определенной степени необходимость в обмене, поскольку при дефиците материальных благ и ограничении сферы денежного обращения возможности подмены реальных ценностей фиктивными находились в узких рамках. В сфере производства действовала двухконтурная система денежного обращения, которая не позволяла трансформировать реальные производственные ресурсы в фиктивные финансовые (потребительные). Одной из ключевых долгосрочных целей развития было создание «безденежного» общества.

Сами деньги в СССР выполняли довольно специфическую роль, поскольку в СССР сектор финансовых услуг практически от-

существовал. Деньги — это соглашение в обществе принимать что-либо в качестве средства обмена. В этом понимании в СССР даже дети могли создавать «деньги» — марки, значки, солдатик, пуговицы, книги — все это выступало средством обмена, расширяющим контакты и взаимодействие между детьми. Дефицит товаров породил следующую цепочку причинно-следственных связей: изобилие свободного времени → общение → энергия → кружки по интересам → непрофессиональные ассоциации → развитие. Нередко ценность человека формировалась за рамками его профессии. Непрофессиональный принцип можно было бы положить в основу современной интеграции России в систему международных отношений, если принять, что уникальность России состоит не в производстве материальных благ (как, например, продукции ТЭК), а в воспроизводстве человека уникальной системы ценностей.

Сфера распределения. Основой вещественной цивилизации является глобальный рынок, на котором осуществляется принудительный обмен реальных ценностей на фиктивные. Это происходит благодаря существованию так называемых институциональных монополий — правил и стандартов, при помощи которых в системе международного разделения труда устанавливаются и поддерживаются условия для неравного обмена. Институциональные монополии ответственны за поддержание глобальных дисбалансов сбережений и потреблений, дисбалансов внешнего долга, дисбалансов, связанных с глобальным характером рынка и преимущественно национальной природой его регулирования. Институциональные монополии носят неформальный характер, не попадают под регулирование в рамках системы ООН и не являются предметом каких-либо межгосударственных соглашений. Они находятся практически под полным англо-американским контролем. К ним возможно отнести: бумажно-валютный (-долларовый) стандарт; биржевое ценообразование на рынках глобальных ресурсов; монополию валютной торговли (рынок ФОРЕКС); монополию на рынках денег и кредита (ставка ЛИБОР и рейтинговые агентства Moody's, S&P, Fitch); англо-американское право; англо-американские стандарты финансовой отчетности; офшорные юрисдикции; контроль глобальных корпоративных активов; контроль глобального информационного и кибернетического пространства [1]. Доллар США играет роль перфокарты, на которой воспроизводится код информационно-денежной цивилизации.

На протяжении последних пятнадцати лет число международных мигрантов во всем мире продолжало расти активными темпами. По оценкам ООН, общая численность международных мигрантов в 2015 г. достигла 244 млн по сравнению с 173 млн в 2000 г. [7]. В условиях полномасштабного формирования глобальной экономики и ужесточения конкуренции «человеческий капитал» превратился в один из наиболее востребованных в мире ресурсов. Для содействия приезду высококвалифицированных профессионалов правительства США, Великобритании, Канады, Австралии еще в начале 1990-х гг. разработали специальные программы по широкому привлечению иностранных специалистов в свои экономики [2, 27]. Сегодня в этих странах проживает 30% от общего числа международных мигрантов. США продолжают оставаться наиболее привлекательным центром международной миграции (47 млн). Из семей мигрантов происходят 37% новорожденных Лондона и Нью-Йорка. В центре мировых финансов — лондонском Сити мигрантам принадлежат две трети рабочих мест. Денежные переводы трудовых мигрантов выше размера международной официальной помощи развитию развивающимся странам и являются вторыми по объему финансовыми потоками после прямых иностранных инвестиций. В 2013 г. их размер составил 398,4 млрд дол. [9, 330]. Так через распределительный механизм глобальной экономики происходит обмен реальных ценностей (человека) на фиктивные (денежный перевод).

В СССР действовали государственная валютная монополия и государственная монополия внешней торговли, которые эффективно противодействовали образованию надгосударственных институциональных монополий. СССР был интегрирован в международную торговлю через систему переводного рубля и Совет экономической взаимопомощи. Это в определенной степени уберегало СССР от прямого воздействия механизмов неэквивалентного обмена и позволяло сохранять финансовый и экономический суверенитет.

Таким образом, в СССР была доказана возможность концентрации энергии человека на работе над собой путем создания условий для развития человека нематериального, неэкономического и даже в каком-то смысле непрофессионального. Через отмену частной собственности на средства производства в СССР в значительной степени была решена проблема социальной отчужденности, неудовлетворенности, несправедливости и насилия. СССР был раз-

рушен через создание иллюзорных представлений о возможностях расширения жизненного пространства человека на планете Земля через подмену реальных ценностей фиктивными. В первую очередь это произошло через отрицание Бога как создателя и хранителя реальных ценностей на Земле. Следование этой иллюзии приостановило движение человечества к самому себе и привело к его отчуждению и порабощению в рамках информационно-денежной цивилизации.

«Холодную» войну проиграл не советский народ, а его элита, которая своим примером развратила обывателя. Стремление к комфорту и красивой жизни пробили брешь в некогда монолитной аскетической цитадели советского строя. Погоня за дешевыми удовольствиями и преходящими развлечениями превратили свободного советского человека в беспрекословного раба фиктивных ценностей. Преклонение перед западным образом жизни предопределило приоритет физиологического услаждения над духовным совершенствованием, сиюминутной выгоды над вечным смыслом. После смерти И.В. Сталина в СССР так и не удалось создать элитарную западнезависимую систему образования. Именно поэтому система советского (а теперь уже российского) образования несет всю полноту ответственности за трансформацию реальных ценностей в фиктивные. Следовательно, планетарный разворот к человекоцентричной цивилизации должен начаться с российской образовательной системы, которой необходимо выступить глобальным миссионером публичного разоблачения подложных ценностей современного мира.

Богатство общества определяется количеством свободного времени его граждан. В данном контексте СССР на много поколений опередил современность. Следовательно, СССР — это ворота не в иллюзорное, а во вполне реальное будущее. Именно потому сегодня СССР следует рассматривать не как утрату, а как величайшее приобретение и проверенный на практике путеводитель человечества в грядущий завтрашний день.

Литература

1. *Звонова Е.А., Кузнецов А.В.* Институциональные подходы к монополизации мировой экономики и мировых финансов // *Философия хозяйства*. 2017. № 6. С. 90—108.
2. *Кузнецов А.В.* Глобальные дисбалансы: институциональный подход // *Философия хозяйства*. 2016. № 1. С. 157—165.
3. *Кузнецов А.В.* Судьба англосаксонского глобализма // *Мир перемен*. 2015. № 3. С. 133—148.
4. *Кузнецов А.В.* Финансовая глобализация: политэкономический дискурс // *Вопросы политической экономии*. 2015. № 2. С. 58—62.
5. *Кузнецов А.В.* Экспансионизм КНР в условиях глобализации // *Общество и экономика*. 2013. № 3. С. 150—163.
6. *Попов А.К., Соболевская А.А.* Миграция ученых и специалистов // *Труд за рубежом*. 2008. № 2. С. 19—40.
7. International Migration Report 2015. Highlights. United Nations. URL: http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/migrationreport/docs/MigrationReport2015_Highlights.pdf.
8. *Ramo J.C.* The Beijing Consensus. The Foreign Policy Centre. London, 2004. 79 p.
9. UNCTAD Handbook of Statistics 2015. 398 p.
10. World Investment Report 2017: Investment and Digital Economy. UNCTAD, 2017. 252 p.

References

1. *Zvonova E.A., Kuznecov A.V.* Institucional'nye podhody k monopolizacii mirovoj ehkonomiki i mirovyh finansov // *Filosofiya hozhajstva*. 2017. № 6. С. 90—108.
2. *Kuznecov A.V.* Global'nye disbalansy: institucional'-nyj podhod // *Filosofiya hozhajstva*. 2016. № 1. S. 157—165.
3. *Kuznecov A.V.* Sud'ba anglosaksonskogo globalizma // *Mir peremen*. 2015. № 3. S. 133—148.
4. *Kuznecov A.V.* Finansovaya globalizaciya: politehkonomichekij diskurs // *Voprosy politicheskoj ehkonomii*. 2015. № 2. S. 58—62.

5. *Kuznetsov A.V.* Ekspansionizm KNR v usloviyah globalizatsii // *Obshchestvo i ekonomika*. 2013. № 3. S. 150—163.

6. *Popov A.K., Sobolevskaya A.A.* Migratsiya uchenyh i spetsialistov // *Trud za rubezhom*. 2008. № 2. S. 19—40.

В.В. БИРЮКОВ

Нормативно-культурологический поворот и смена парадигмы развития экономической науки*

Аннотация. В статье анализируются проблемы, связанные с радикальным изменением видения экономической реальности под влиянием нормативно-культурологического поворота в рамках конструктивистской парадигмы. В соответствии представленным системным подходом к анализу культуры рассмотрены способы ее корректного инкорпорирования в экономику, а также двойственный характер экономико-культурных ценностей и их роль в формировании поведенческих характеристик субъектов экономики. Предложен подход к интерпретации этико-экономических ценностей и норм как важнейших составляющих экономической реальности. Исходя из этого обосновывается альтернативная доминирующей целерациональной модели ценностно-рациональная модель экономического поведения, способствующая перемещению фокуса исследований на новую предметную область, что позволяет выявлять определенные, зачастую скрытые свойства, принципы, механизмы развития экономики.

Ключевые слова: методология экономической науки, когнитивно-культурологический поворот, конструктивистская парадигма, экономическая реальность, культура, этика, экономические ценности, экономические институты.

Abstract. The article analyzes the problems associated with radical change in the vision of economic reality under the influence of normative cultural turn within the framework of the constructivist paradigm.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Бирюков В.В. Нормативно-культурологический поворот и смена парадигмы развития экономической науки // *Философия хозяйства*. 2018. № 2. С. 66—76.

In line presents a systematic approach to the analysis of culture examines the ways its correct incorporation into the economy, as well as the dual nature of economic and cultural values and their role in shaping the behavioral characteristics of economic agents. The proposed approach to the interpretation of the ethico-economic values and norms as essential components of economic reality. Based on this, substantiates the dominant celebrational alternative models of value-rational model of economic behavior that contribute to the focus of research on a new subject area that allows you to detect specific, often hidden properties, principles, mechanisms of development of the economy.

Keywords: economic methodology, cognitive / cultural turn, the constructivist paradigm, economic reality, culture, ethics, economic values, economic institutions.

УДК 330
ББК 65.01

Осмысление складывающихся в современной экономике динамичных и многоплановых изменений осуществляется экономической наукой разными путями. Вместе с тем в рамках доминирующих теорий не удастся разработать удовлетворительное видение картины экономической реальности. Как отмечает Ю.М. Осипов, «экономика как действительная реальность *совсем не такая*, какой ее представляет концептуальная экономическая наука... а поэтому экономика как реальность требует какого-то *иного* о ней целостно-отвлеченного представления» [11, 12].

Опора ортодоксальной экономической теории на принцип методологического индивидуализма обуславливает использование рабочей модели экономического поведения, модификация которой возможна в рамках способа целеполагания, соответствующего неоклассической интерпретации рациональности. Неоклассическая модель «принимает цели, мотивы и предпочтения индивидов как данные и допускает лишь рассуждения о средствах... Проблема ценностей как проблема выбора между разными целями, как вопрос о том, по каким критериям совершать этот выбор, методологически исключается» [9, 40]. В связи с этим эволюция экономических теорий мейнстрима сопровождается фактически изменениям только инструментальной составляющей модели рационального поведения.

Совершенный в последние десятилетия методологический «поворот к культуре» предполагает разрыв с позитивизмом и связан с формированием конструктивистской парадигмы. Данный поворот позволил гуманитарным и социальным наукам радикально переосмыслить теоретико-методологический инструментарий исследований и их понятийный аппарат. Сегодня все новые институциональные теории основываются на конструктивистской парадигме, которая предлагает использовать логику коммуникативного действия, в рамках которой во взаимодействие вступают ценностно-рациональные субъекты; они обмениваются идеями и формируют совместное знание, лежащее в основе согласия о ценностях и институтах [16].

В связи с этим в зарубежных странах в последние годы намечилось появление новой волны экономических исследований, направленных на парадигмальное изменение видения реальности и разработку конструктивистской институциональной экономики. Указывая на рождение данной волны, О.И. Ананьин утверждает, что «фактически речь идет о более радикальной революции, нежели маржиналистская. Последняя перефокусировала внимание на причинно-следственные связи, которые ранее не были непосредственным предметом изучения... Когнитивно-культурологический поворот... требует введения в картину экономической реальности качественно новой причинно-следственной цепочки, связанной с поддержаниями культурных кодов, составляющих содержание институциональной среды экономической деятельности» [1, 96—97].

Обсуждение роли культуры в экономической науке требует прояснения этого понятия с учетом сложившихся современных подходов. Сегодня в социологической и философско-культурологической литературе распространено понимание культуры как сложной, исторически развивающейся системы, выраженной в символических формах, с помощью которых хранятся, транслируются и генерируются знания и представления о мире, используемые при решении практических проблем и адаптации к материальной и социальной среде [7, 106]. Культура как феномен сознания присутствует во всех сферах человеческой деятельности, она обуславливает институциональные практики и коммуникативные действия, и, в свою очередь, меняется под их влиянием. Когнитивно-культурологический поворот приводит к появлению познавательных условий, позволяющих радикально переосмыслить упрощен-

ные представления о разделении общественной жизни на отдельные сферы — культуру, экономику, право, политику и т. д.

В связи с этим важно принимать во внимание идеи, высказанные еще С.Н. Булгаковым о необходимости инкорпорирования культурного измерения в структуру экономики, так как в «хозяйстве творится культура», экономика является специфическим бытием культуры, особой сферой культурного творчества и культурной деятельности [4, 257]. По мнению ученого, смысловое начало действий людей и социальных явлений формируют ценности, которые представляют собой результат творческой активности личностей. Признание значимости культурных ценностей не отменяет необходимости причинных объяснений этих действий и явлений, но только с помощью ценностей можно обнаружить их смысл [5, 169].

Важное значение для понимания сложных взаимосвязей культурных ценностей с экономикой, политикой и другими сферами общества имеет выработанный П. Сорокиным ценностно-ориентированный подход к цивилизациям как динамическим и интерактивным культурным целостностям, который, по мнению Э.Н. Таракьяна, только недавно возрожден в качестве одной из центральных тем [14, 19]. В конце прошлого века на его основе стала разрабатываться теория многомерной модернизации (Ш. Эйзенштадт, Э. Таракьян, П. Штомпка, Р. Инглхарт и др.), в рамках которой направления социально-экономических перемен связывается с культурными ценностями и историческими паттернами их институционализации.

Указывая на формирование новой волны исследования культурных ценностей, Таракьян отмечает, что «хотя ценность весьма значимо раскрыта в концепциях классиков... она стала неуловимым, “дремлющим” концептом», когда социальные исследования стали представляться свободными от ценностей. «Вместе со смежной областью — “моралью”, они обе стали подозрительными как влияющие “иррациональность” или, по крайней мере, субъективность, которые могут негативно влиять на научные исследования. Поправка могла быть сделана в случае крупномасштабных международных исследований подобных тем, что вел Р. Инглхарт... В новом столетии новое поколение... возобновляет эмпирические исследования и теоретизирование по поводу ценностей и норм» [14, 22].

Конструктивистская парадигма позволяет разрабатывать системно-динамический подход к культуре. Своеобразие поведенческих моделей акторов в разных сферах общества выражает сложную взаимосвязь общих и отличительных характеристик, используемых в коммуникативных практиках ментальных конструкций, формирующихся в рамках общего культурно-ценностного пространства. В связи с этим, хотя культура и пронизывает все без исключения сферы общественной жизни, однако, во-первых, в каждой из них складываются свои частные виды культурных представлений, ценностей и норм; во-вторых, имеется особая часть реальности, которая характеризует возникшие в единых мировоззренческих рамках общие ментальные конструкции и нормы, поддерживающие системную целостность коммуникативных действий и институциональных практик, осуществляемых в разных сферах общества. Происходящие в обществе изменения нормативных, институциональных и коммуникативных практик выступают проявлением процесса сложного взаимодействия образующей ядро социокультурной системы центральной ценностно-нормативной сферы с другими сферами, которые располагаются вокруг социокультурного ядра и которые выражают своеобразие сложившихся в этих сферах видов культурной деятельности и соответствующих институциональных структур. На данной основе формируется системная целостность процессов ценностно-когнитивного осмысления реальности, а также создаются предпочтительные и требуемые способы адаптации в каждой сфере человеческой деятельности. При этом центр испытывает воздействие со стороны других сфер и меняется под влиянием возникающих угроз и вызовов.

Экономическая реальность выражает сложные процессы взаимодействия акторов, обладающих определенной экономической культурой, сочетающей общие и индивидуальные элементы, а разнообразные модели поведения акторов и создаваемые ими на основе коммуникативных практик экономические институты выступают формой проявления экономической культуры как составной части культуры общества; данные экономические модели и институты включены в единую ткань социальной реальности и меняются в рамках общего вектора ее изменений.

Субъекты экономики, исходя из сложившейся экономической культуры и полученных новых знаний, оценивают меняющуюся реальность с помощью сформировавшихся на данной основе систе-

мы экономико-культурных ценностей, а также в соответствии с этой системой конструируют экономические цели и способы их достижения; экономическое оценивание включает ценностную составляющую, в которой «ценностную природу имеют категоризация (что включено в оценку, а что — нет) и система мер (удовлетворения, желания, доход, ресурсы)» [13, 59]. Складывающаяся у субъектов сложная и динамичная совокупность экономических ценностей, в некоторой степени соответствующая неоднородной и трансформирующейся реальности, характеризует меняющуюся во времени и пространстве систему экономических предпочтений и соответствующее множество экономических мотивов, которыми руководствуются субъекты в своих экономических действиях и взаимодействиях. Признание наличия у субъектов экономических ценностей как смысловой ядра их экономических поступков позволяет преодолеть ограниченность исследовательских стратегий, игнорирующих «бесконечное разнообразие способов, которыми в экономическое оценивание можно ввести ценностную составляющую» [13, 59].

Важнейшей составляющей экономико-культурных ценностей являются этико-экономические ценности, которые формируют внутренний каркас экономической культуры и экономической реальности. Ориентированные на рассмотрение места этики в структуре единой реальности, современные этические теории стремятся преодолеть односторонность ценностно-нейтрального и морализаторского подходов, указывая на то, что этико-культурные ценности в практических взаимодействиях выполняют свою основную функцию, выступая универсальным способом согласования различных интересов. Этико-экономические ценности формируют платформу для согласования взаимосвязанной и взаимозависимой в силу разделения труда экономической деятельности людей, ориентируя ее на производство наибольших общих, групповых и индивидуальных выгод исходя из разделяемых представлений о справедливом их сочетании. Понятия эффективности организации экономической деятельности «носит этический характер не потому, что исключает справедливость... а потому, что в нее включены ценностные ориентации» [13, 59].

Конструктивистский подход предполагает, что экономические нормы и институты возникают на основе разделяемых ценностей; их легитимность означает, что они признаются как желательные и взаимовыгодные для различных акторов, как морально и ра-

ционально оправданные при сложившихся реалиях. Рассмотрение в рамках конструктивистской парадигмы моральных ценностей как универсального способа согласования различных интересов и регуляции коммуникативных практик приводит к пониманию неформальных и формальных институтов как ценностей, которые должны быть широко распространены, что и создает преимущества такого подхода, связанного со значительной объясняющей силой норм [17].

Расхождение между доминирующими в экономике этико-экономическими убеждениями и реальностью обуславливает появление дисфункциональных этико-экономических норм и институциональных правил, которые, в свою очередь, способствуют воспроизводству искаженного видения экономической реальности, поддержанию диспропорций в национальной экономике и распределении создаваемых под влиянием кумулятивно-синергетических эффектов результатов совместной деятельности. Особенности модели нормативно-институционального устройства, сложившегося в экономике баланса традиционных и новых ценностей, определяют своеобразие траектории ее развития [3].

В связи с тем, что экономическое поведение структурно, институционально и культурно обусловлено, данное понятие приобретает специфический содержательный смысл. Как отмечал еще М. Вебер, «понятие содержательной рациональности в высшей степени многозначительно... по отношению к хозяйству применяются этические, политические, утилитарные, гедонистические, сословные и эгалитарные или какие-либо иные критерии, и с ними ценностно-рационально или содержательно рационально соизмеряют результаты хозяйствования» [6, 811]. Парадигмальное изменение видения экономической реальности в соответствии с ее intersubъективной природой требует использования альтернативной целерациональной модели ценностно-рациональной модели поведения, которая характеризуется следующими отличительными особенностями [2].

Во-первых, ценностные предпочтения, мотивы, цели и интересы экономической деятельности акторов выражают противоречивое единство индивидуальных и общих характеристик, сложившихся в условиях разделения труда и ограниченности знаний о реальности. Об уязвимости принципа методологического индивидуализма, как отмечает Ю. Князев, говорят многие, «но почти никто не ставит его под сомнение на том основании, что он не учитывает двой-

ственной природы человека, в котором сочетаются два противоречивых начала — индивидуализм и коллективизм... Однако при этом остается без ответа вопрос о происхождении общественных интересов, о том, откуда они появляются в обществе индивидуалистов, руководствующихся лишь эгоистическими интересами» [8, 24]. Вместе с тем важно принимать во внимание, что двойственная природа человека проявляется не только в том, что у него имеются экономические и неэкономические мотивы, но и в том, что двойственны и сами экономические мотивы индивидуальных и коллективных субъектов, в том числе фирм, корпораций и др.

Во-вторых, акторы являются не только носителями сложившейся в ходе коммуникативных практик экономической культуры и образующих ее центральную зону экономических ценностей, но и их создателями. Они конструируют экономико-культурные предпочтения и способы их реализации на основе накопленных знаний и ожидаемых перемен в экономической реальности. В «конструктивистской» традиции, отмечает Д. Родрик, понимание интересов возникает эндогенно из норм, идеологий и каузальных представлений. На самом деле интересы суть разновидность идей. Как только будет осознана изменчивая природа интересов, они в значительно меньшей степени будут рассматриваться как определяющие факторы, и пространство возможных исходов станет намного шире [12, 23—25].

В-третьих, поведение акторов определяется множеством мотивов и соответствующим множеством экономических ценностей как правил предпочтения, по которым происходит выбор экономических действий. В связи с этим, отмечает Л. Тевено, важно реализовать подход, в котором признается наличие множества причин, лежащих в основе мотиваций, а также множества способов координации; рациональность, мотивирующая рыночный обмен, является одним из множества способов обоснования действия. Различные модели координации отличаются способом обоснования ценностей и предполагают собственную постановку задачи о принятии решения в условиях неопределенности и свой механизм его реализации [15, 69].

Использование ценностно-рациональной модели позволяет рассматривать экономическую реальность как особую сферу культурного творчества акторов, обладающих экономико-культурными предпочтениями, а также выйти на новое видение проблемного поля

с учетом того, что на основе доминирующих экономических ценностей создаются смысло-причинные связи, обуславливающие конструктивные особенности модели развития экономики, границы ее изменений и роста производительности.

Происходящая в настоящее время смена технико-экономической парадигмы порождает сложные проблемы, которые требуют отказа от неолиберальной ценностно-институциональной модели построения экономики, связанной с пониманием индивидуализма как основополагающей движущей силой развития экономики и абсолютизацией роли таких ценностей, как частная собственность, свобода предпринимательства и конкуренция; эти ценности эксплуатируются в интересах немногих для легитимации неэквивалентного движения ресурсов и продуктов. Сегодня, как отмечает Гж. Колодко, «в процесс экономического воспроизводства следует внести новые ценности, но при этом нельзя забывать о прагматизме, являющемся имманентной чертой рационального ведения хозяйства» [9, 47].

Сложившиеся в российской экономике в результате накопления негативных последствий реализации неолиберальной модели угрозы, достигающие критического уровня, обусловлены возрастающим отрывом данной модели от реальности и кризисом ее ценностно-экономических основ, порождающим кризис институциональных, управленческих и хозяйственных практик. В настоящее время российская экономика столкнулась со сложными нормативно-институциональными вызовами, предполагающими в качестве успешного ответа осуществление перехода от неолиберальной парадигмы к отвечающей новым реалиям неэкономической парадигме. При этом усиливается значимость решения ценностно-нормативной проблемы, поскольку трансформирующаяся экономика не содержит готовых институциональных механизмов согласования различных частных интересов.

Литература

1. *Ананьин О.* Экономические онтологии и экономические институты // Федерализм. 2013. № 1. С. 75—100.
2. *Бирюков В.В.* Ценностно-рациональное поведение и системно-эволюционная парадигма структуризации экономики // Вестник СибАДИ. 2016. № 3 (49). С. 119—132.

3. *Бирюков В.В.* Власть и институциональные перемены в экономике // Вестник Омского университета. Сер. Экономика. 2017. № 3 (59). С. 5—12.
4. *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства. М.: Наука, 1990.
5. *Булгаков С.Н.* Два града: исследования о природе общественных идеалов. М.: Астрель, 2008.
6. *Вебер М.* Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
7. *Гириц К.* Интерпретация культур. М.: РОССПЭК, 2004.
8. *Князев Ю.К.* Особенности исследования современной экономики // Журнал экономической теории. 2015. № 1. С. 23—30.
9. *Козловски П.* Этика капитализма. Эволюция и общество. СПб.: Экономическая школа, 1996.
10. *Колодко Г.* Куда идет мир: политическая экономия будущего. М.: Магистр, 2014.
11. *Осинов Ю.М.* Экономика как есть (философско-нефизический взгляд) // Философия хозяйства. 2017. № 4. С. 11—28.
12. *Родрик Д.* Когда идеи важнее интересов: предпочтения, взгляды на мир и инновации в экономической политике // Вопросы экономики. 2015. №1. С. 22—44.
13. *Ставерен И. ван.* Этика эффективности // Вопросы экономики. 2009. № 12. С. 38—71.
14. *Таракьян Э.Н.* Осовременивая Сорокина // Социологические исследования. 2016. № 3. С. 13—23.
15. *Тевено Л.* Множественность способов координации: равновесие и рациональность в сложном мире // Вопросы экономики. 1997. № 10. С. 69—84.
16. *Флигстин Н.* Поля, власть и социальные навыки: критический анализ новых институциональных течений // Экономическая социология: Новые подходы к институциональному и сетевому анализу. М.: РОССПЭК. 2002. С. 119—156.
17. *Shteynberg G., Gelfand M.J., Kim K.* Peering into the «magnum-mysterium» of culture: The explanatory power of descriptive norms // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2009. Vol. 40. No. 1. P. 46—69.

References

1. *Ananyin O.* Economic ontology, and economic institutions. Federalism. 2013. № 1. S. 75—100.

2. *Birjukov V.V.* Value-rational behavior and the systemic-evolutionary paradigm the structure of the economy // Vestnik SibADI. 2016. № 3 (49). S. 119—132.
3. *Birjukov V.V.* Power and institutional change in the economy // Herald of Omsk University. Series «Economics». 2017. № 3(59). S. 5—12.
4. *Bulgakov S.N.* Dva grada: issledovanija o prirode obshhestvennyh idealov. Moscow.: Astrel', 2008.
5. *Bulgakov S. N.* Filosofija hozjajstva. Moscow: Nauka, 1990.
6. *Veber M.* Selected works. Moscow: Progress, 1990.
7. *Geertz K.* The interpretation of cultures. Moscow: ROSSPJEK, 2004.
8. *Knyazev Yu.K.* Especially the study of modern Economics. Journal of economic theory. 2015. № 1. S. 23—30.
9. *Koslowski P.* The ethics of capitalism. Evolution and society. St.- Petersburg: The economic school, 1996.
10. *Kolodko G.* Whither the world: political economy of the future. Moscow: Magistr, 2014.
11. *Osipov Ju.M.* Jekonomika kak est' (filosofsko-nefizicheskij vzgljad) // Filosofija hozjajstva. 2017. № 4. S. 11—28.
12. *Rodrik D.* When Ideas Trump Interests: Preferences, and Worldviews and Policy Innovations // Voprosy Ekonomiki. 2015. № 1. S. 22—44.
13. *Staveren I. van.* Ethics of efficiency. Voprosy Ekonomiki. 2009. № 12. S. 38—71.
14. *Tarakjan Je.N.* Osovremenivaja Sorokina // Sociologicheskie issledovanija. 2016. № 3. S.13—23.
15. *Teveno L.* The multiplicity of methods of coordination: balance and rationality in a complex world // Voprosy Ekonomiki. 1997. № 10. S. 69—84.
16. *Fligstin N.* Fields, power and social skill: a critical analysis of new institutional flows. Economic sociology: New approaches to institutional and network analysis. Moscow: ROSSPJEK, 2002.

Л.В. РЕШЕТОВА

**Механизм взаимодействия разделения труда
и монетарных отношений при переходе
к цифровому экономическому укладу***

Аннотация. В статье рассматриваются разделение труда и глобальные монетарные отношения как сущностные черты экономического уклада, объединенные механизмами взаимодействия. С одной стороны, характеризуются тенденции в изменении разделения труда, способствующие совершенствованию денежной системы, с другой — проводится анализ изменений монетарных отношений способствующих формированию перспективного для России разделения труда, исключающего одностороннюю сырьевую специализацию России в глобальной экономике. Используется методология классической политической экономии и институционализма. Цель работы — показать схему «кругового инвестирования», которая может способствовать решению проблемы, создания вертикально-интегрированных комплексов, а значит, и оптимизации разделения труда. Введение расчетных платежных средств, например, соответствующих технологии блокчейн, будет способствовать созданию независимой финансовой системы России или макрорегиона. Финансовый суверенитет в единстве с оптимальным разделением труда представляет собой целевой экономический уклад — общественно-государственную сетевую систему.

Ключевые слова: разделение труда, монетарные отношения, цифровой экономический уклад, общественно-государственная сеть.

Abstract. The article considers the division of labor and global monetary relations as essential features of the economic structure, united by mechanisms of interaction. On the one hand, there are tendencies in changing the division of labor, contributing to the improvement of the monetary system. On the other hand, an analysis is made of changes in monetary relations that contribute to the formation of a promising divi-

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Решетова Л.В. Механизм взаимодействия разделения труда и монетарных отношений при переходе к цифровому экономическому укладу // *Философия хозяйства*. 2018. № 2. С. 77—89.

sion of labor for Russia. The methodology of classical political economy and institutionalism is used. The purpose of the work is to show a scheme of «circular investment», which can contribute to solving the problem, creating vertically integrated complexes, and thus optimizing the division of labor. The introduction of settlement payment means, for example, of the appropriate blockchain technology, will contribute to the creation of an independent financial system of Russia or a macroregion. Financial sovereignty in unity with the optimal division of labor is a target economic structure - the public-state network system.

Keywords: division of labor, monetary relations, the digital economic structure, public-state network.

УДК 330.342
ББК 65в1

Согласно классической политической экономии А. Смита и К. Маркса, можно предположить, что разделение труда (РТ) — характеристика и производительных сил, и производственных отношений, а глобальные монетарные отношения — элемент производственных отношений, значительно влияющий на производительные силы. Понятия производственных отношений и институтов соотносятся как сущностное (абстрактное) и поверхностное (конкретное, надстроечное), следовательно, классический и институциональный подход взаимно дополняют друг друга. РТ и глобальные монетарные отношения можно рассматривать как сущностные черты экономического уклада, объединенные механизмами взаимодействия. Эти механизмы взаимодействия и являются объектом изучения в данной работе.

Под экономическим укладом здесь понимается определенное, ограниченное особыми производственными технологиями и социальными условиями, состояние способа производства, экономической системы. Современный экономический уклад, представляется не просто рыночным, капиталистическим. Учитывая преобладание сегодня сетевых технологий, он является сетевой системой РТ на базе глобального монополизированного производства. Этот уклад обеспечен отношениями глобального капитала [3], существующими в виде определенных глобально-монетарных финансовых институтов. Судя по снижающейся доле российской экономики в мировой, российская система неэффективна в условиях глобального монетар-

ного рынка и соответствующего РТ. Следовательно, нужно использовать все возможности для изменения современного сетевого глобально-монетарного уклада в России в целях его приближения к новому, соответствующему конкурентным преимуществам России.

С одной стороны, необходимо исследовать все тенденции в изменении РТ, способствующие созданию новой монетарной системы, обеспечивающей финансовый суверенитет России. С другой стороны, требуются анализ и регулирование монетарных отношений с целью формирования перспективного для России РТ, исключая одностороннюю сырьевую специализацию России в глобальной экономике. Сочетание финансового суверенитета России и оптимального РТ может быть достигнуто в рамках целевого экономического уклада — общественно-государственной сетевой системы. Предположительно РТ этого уклада будет определяться на уровне макрорегиона (интеграционного объединения стран) или государства сетью общественных структур с использованием преимущественно не глобальных монетарных инструментов, а экономических автоматических систем управления, единой информационной системы расчетов.

В условиях нынешнего, сетевого глобально-монетарного уклада, который упрощенно называют рыночным, в России сложилась относительно низкая эффективность производства и использования ресурсов.

Это связано, во-первых, с объективными географическими особенностями. Преимущественно континентальный климат, недостаток морских портов, низкая плотность населения и культурно-политические особенности России не позволяют использовать эффект масштаба производства как основной фактор конкурентоспособности в условиях сложившегося глобального рынка и РТ. Экономический эффект в России достигался или в условиях мобилизационной экономики 1930-х — 1950-х гг., или при создании сложной, зачастую единичной продукции, например, в оборонно-промышленном комплексе, который действует в значительной мере по законам мобилизационной экономики.

Во-вторых, экономика России уже встроена в глобально-монетарную систему институтов, долларовую систему РТ как сырьевая, зависимая. Обусловленные этим низкий коэффициент монетизации ВВП РФ, относительно высокая ставка процента делают почти невозможными отечественные частные капиталовложения, а

внешние санкции ограничивают иностранные инвестиции. В результате наблюдается чистый отток сырья и капиталов из России, что приводит к снижению экономического потенциала России по сравнению со странами «центра».

В-третьих, в экономике России велика роль нерыночных отношений. Здесь экономический рост происходит обычно при выходе за рамки традиционного рынка, например, при реализации государственных инвестиционных проектов. Интеграция эффективна не на глобальном, а на макрорегиональном уровне со странами, близкими по культурно-политическим особенностям [7, 11—19].

Изменения РТ, воздействующие на монетарную систему

С учетом негативной оценки существующей сырьевой специализации России рассмотрим альтернативные тенденции РТ и научно-технического прогресса (НТП), способствующие диверсификации производства. Они связаны с формированием макрорегиональной системы РТ на основе макрорегионального протекционизма, гармонизации централизованного планирования и рыночного механизма с опорой на государственную инфраструктуру, финансы, институты развития.

Первая тенденция — переход от углубления специализации к объединению различных видов деятельности и, тем самым, переход от доллароцентричной, монетарной, к макрорегиональной, основанной на единой информационной системе расчетов модели реального технологического развития.

Роботизированные и 3D-системы могут производить большой ассортимент товаров. Логистические расходы накладывают значительные ограничения, и с какого-то предела уже не выгодно дальнейшее деление на отдельные виды деятельности, а выгодно «собрать доходы» с различных отраслей, т. е. выгодны диверсификация, конгломерация в рамках макрорегиона. Так, РТ зачастую определяется не конкурентной экономической целесообразностью, а стремлением монополизировать важнейшие сферы жизнеобеспечения.

Ранее страны «центра» специализировались преимущественно на создании технологий, а страны «периферии» — на производстве простых, сырьевых товаров. Сейчас страны «центра» стали в большей мере сами экспортировать сырье, продовольствие, пытаются монополизировать эти рынки, а страны «периферии» переходят к выпуску готовой продукции с использованием собственных техно-

логий и собираются переходить на альтернативные, макрорегиональные валюты.

Вторая тенденция заключается в том, что некоторые глобальные институты, транснациональные корпорации (ТНК) сохраняют жизненно необходимые технологии и формируют РТ, соответствующее требованиям НТП, за счет перехода на планомерный, регламентированный государством характер их развития, на автоматические системы управления. Это происходит путем осуществления в рамках промышленной политики субсидирования, финансирования как инновационного производства, так и потребления при помощи гарантирования государством кредитов, контролирования ставок процентов и налогов. Такая тенденция с позиций институционально-эволюционной теории контрактов проявляется в становлении фирмы как развивающейся и самообучающейся организации, способной к выстраиванию вертикально-интеграционных связей [1]. Согласно современным политэкономическим представлениям, государство должно стимулировать создание элементов производительных сил и производственных отношений, таких как вертикально-интегрированные компании [5, 46], «госкорпорации», соответствующих современному экономическому укладу. Новый, цифровой уклад, возможно, будет «строиться» не на ТНК, а на «платформах с открытой архитектурой» [6], которые шире, чем ТНК, и основаны на сетевом принципе. Они призваны работать в современных глобальных или макрорегиональных системах РТ.

Представляется, что, несмотря на общую тенденцию глобализации, сохранится и тенденция к макрорегионализации. Действительно, при повышении общего материального благосостояния население зачастую предъявляет спрос не на самый дешевый массовый продукт, а на продукт, соответствующий определенным культурно-идеологическим установкам страны. Поэтому у производства, основанного на макрорегиональном и внутригосударственном РТ, есть шанс противостоять глобальной конкуренции. При необходимости государство должно само создавать аналоги ТНК и «платформы с открытой архитектурой», в том числе на основе частногосударственного партнерства.

Так, можно констатировать тенденцию к преобразованию РТ из внешнего, межгосударственного, межфирменного рыночного процесса во внутрифирменный, контрактный. Экономическая система РТ встраивается в социально-профессиональное РТ по созда-

нию технологий и знаний. Горизонтальное РТ по производству продукта дополняется и даже замещается вертикальным РТ по производству всех тех технологий, типовых проектов, которые нужны для производства этого продукта [6]. Внутрифирменные трансакции в рамках вертикального РТ требуют соответствующих не денежных, а расчетных платежей.

Сущность денег и механизм их влияния на РТ

Для классической политической экономии деньги — актив, который выполняет определенные функции, главной из которых является «мера стоимости». Деньги как самовозрастающая стоимость являются капиталом. Известно, что товар, деньги и капитал — это производственные отношения. Если при капитализме деньги — прообраз капитала, отношений эксплуатации, дисбаланса производства и потребления, то в альтернативном укладе расчетные деньги могут стать основой отношений сбалансированности.

В соответствии с неинституциональной моделью функционирования денег связано с экономией на трансакционных издержках. Деньги сокращают количество обменных пунктов, и упрощают схему обмена, снижают расходы на посредников [2, 118—121], определяют поведенческие решения, принимаемые рациональными экономическими агентами. Финансовые институты определяют правила создания и использования денежной массы, например, ограничивают возможности расширения бумажной денежной массы, не соответствующей динамике реального сектора экономики.

С позиций мир-системного анализа [9], деньги можно рассматривать как средство расширения производственных возможностей общества и фактор экономического роста, фактор углубления РТ. Действительно, количество денег влияет на величину товарной массы. Деньги как качественное и количественное понятие отражают процесс РТ и через возможное количество обменов (трансакций) устанавливают уровень, или глубину РТ и, соответственно, многообразие товаров. Чем больше денежная масса, тем большее количество трансакций может состояться, тем больше может быть отдельных звеньев РТ, тем глубже РТ и разнообразнее товарная масса. Напротив, недостаток денег приводит к бартерному, а значит, ограниченному обмену и к натурализации производства — антиподу РТ. Деньги и РТ можно рассматривать как две стороны

одного процесса, а расширение денежной массы является отражением углубления РТ.

Следовательно, достижение таких целей РТ, как повышение эффективности общественного производства, появление новых видов труда и новых видов продуктов и услуг, зависит от отношений, или институтов, включаемых в понятие «деньги». Одни институты определяют качественную сущность денег, их способность выполнять свои функции, а другие — количественную сторону денег, величину денежной массы. Деньги являются одним из базовых производственных отношений, звеном, в котором отражаются все отношения, нормы и правила современного экономического уклада, его валютной и денежно-кредитной системы.

При переходе к цифровым технологиям стало возможным автоматическое создание расчетных денег вертикально-интегрированными производственными звеньями в сфере реального производства.

Создаются платежные средства для автономных хозяйственных систем — это электронные деньги. Взаимный контроль над движением электронных денег обеспечивается через механизмы блокчейна, выполняющие координирующую институциональную функцию. Целевое использование денег можно гарантировать. Сеть блокчейн заменяет собой традиционную рыночную сеть и формирует структуру РТ через электронные деньги.

Такая модель денежного обращения — это независимая от коммерческих банков система макрорегионального сетевого регулирования на основе цифровых технологий. Механизм блокчейна может обеспечить насыщение экономики платежными средствами, дать возможность для привлечения новых инструментов финансирования, инвестиций. Блокчейн можно рассматривать как ключевой инструмент нового цифрового уклада, системы монетарных институтов, позволяющий обеспечивать взаимное соблюдение обязательств — прежде всего в инвестиционной деятельности — без опасения санкций и недостатка ликвидности. Однако необходимо учитывать и негативные последствия цифровых технологий, заключающиеся в возможной дегуманизации экономики.

Монополизм долларовой системы «снимается» созданием альтернативной денежно-кредитной системы. Преобразование экономических агентов на уровне макрорегионов предполагает ограничение сферы использования доллара, создание независимой, осно-

ванной на внутренних потребностях, кредитно-денежной системы. Стимулирование эффективного спроса значительно упрощается при огосударствлении процесса эмиссии денег, например, в случае огосударствления процесса создания электронных кредитных денег на уровне национальной экономики. Деньги как институт можно рассматривать в качестве средства расширения производственных возможностей общества и фактор влияния на РТ и НТП.

В настоящее время создаются условия для позитивных изменений в системе институтов РТ, связанных с использованием цифровых технологий. Смысл новой системы монетарных институтов заключается в замещении доллара в международных расчетах другими валютами и электронными деньгами, автоматическими системами управления (проект Киберсин, ОГАС [5], единая информационная система расчетов по государственному оборонному заказу, электронные расчеты на базе блокчейна).

Объединение механизмов прямого и обратного взаимодействия РТ и глобально-монетарных отношений

С позиций мир-системного анализа взаимодействие осуществляется при постепенной смене долларовой монетарной системы расчетной, сбалансированной с возможностью использования цифровых технологий, например, технологий блокчейн. Действительно, производительные силы объективно усложняются, вызывая необходимость изменений производственных отношений, в частности отношений обмена. Происходит расширение границ денежного предложения и выход за рамки долларо-центричной финансовой системы. Соответственно меняется и экономический уклад. Производственные отношения во все большей мере характеризуются планованностью, сбалансированностью. В экономической теории уже выработана неоиндустриальная парадигма современного развития: «вертикальная интеграция собственности и неоиндустриализация производительных сил» [5, 43].

Сеть блокчейн заменяет собой традиционную рыночную сеть и формирует структуру РТ через электронные деньги. На базе блокчейна можно создавать различные конструкции, такие как, «умные контракты», которые позволяют регулировать последствия сделки в зависимости от тех или иных условий, заданных при ее конструкции. Технологию блокчейн можно будет внедрить на всех циклах производства товара, распределения (оплата за товар и транспорти-

ровка) и потребления как внутри одного государства, так и между государствами. Она позволит всем участникам процесса производить взаиморасчеты, обрабатывать большие массивы информации.

Блокчейн преобразует традиционный рынок, делает его схожим с организованной системой, а при централизованном управлении — с планом. Это может позволить развивать как рыночные, так и нерыночные сегменты российской экономики в их единстве.

Платежи в безналичных (электронных) национальных валютах внутри «замкнутого контура» могут стать альтернативой долларовой финансовой расчетной сети типа SWIFT. Вместо эмиссии доллара блокчейн позволяет как бы «раздавать деньги», например, в качестве «вознаграждения за использование определенного приложения», или в качестве комиссии за «распределенный майнинг», или за предоставление «ценности сети».

Тем самым возникает основание для выплаты, например, безусловного базового дохода и создания соответствующего спроса. Появляются и новые экономические «блокчейн-сети» РТ, удовлетворяющие новый спрос. Обработка больших данных может позволить выявить предпочтения потребителей и обеспечить достаточно точные целевые показатели спроса, а значит и возможного планирования. Новое вертикальное РТ способствует преодолению отчуждения человека, так как новые звенья могут представлять собой центры реализации творческого труда. Если социалистические идеалы сложно реализовать путем перераспределения фиатных денег, то добиться справедливости легче через создание денег по технологии блокчейн под контролем государства.

Главное в том, что в качестве блоков в цепи информации можно включить звенья вертикально-интегрированного комплекса как звенья вертикального РТ. Тогда цепь предприятий строится, исходя из конкретной цели, например, цели обеспечения производства определенной сложной продукции: создаются малые прорывные команды, сетевые структуры.

Для взаимных платежей в рамках таких сетевых структур можно сформировать собственную платежную систему с собственной расчетной валютой. Так, она может быть удобным средством расчета между подразделениями вертикально интегрированного комплекса. Каждому пользователю после регистрации будет передаваться определенная сумма, которую он может использовать для создания собственного спроса — следующего звена сети. Получен-

ные, например, от государства в виде ассигнований ресурсы будут распределяться, создавая тем самым другие звенья, потребителей технологий и готового продукта. Можно даже создать обменный пункт, подконтрольный государству эмиссионный центр. Технологии создания собственных расчетных средств позволят компенсировать недостаток инвестиционных ресурсов.

Так, в Швейцарии аналогичная специальная валюта WIR объединяет 65 тыс. предприятий. В зависимости от фазы цикла, объем и количество транзакций в WIR увеличиваются или уменьшаются, что стабилизирует экономику.

Государство может «запускать» или контролировать сеть вертикально-интегрированного комплекса, например, по схеме «кругового авансирования» вертикально-интегрированных звеньев (рис. 1).

Приведенная схема позволяет использовать различные расчетные деньги: криптовалюту, безналичные «промышленные деньги», кредиты главных инновационных звеньев по пониженной ставке, внутрикорпорационные кредиты, позволяет вводить в оборот реальные деньги после создания готового продукта. В последнем случае налоги выплачиваются в реальных деньгах, а в других случаях налоги имеют расчетный, безналичный характер и могут быть отменены.

Реализация схемы «кругового инвестирования» как одного из вариантов использования расчетных денег способствует переходу к общественно-государственной сетевой системе РТ. Этот механизм усилит координирующую функцию государства (межгосударственного блока) и будет способствовать формированию экономической киберсистемы, предполагающей планирование и организацию. Аналогичная рассматриваемой схеме «кругового финансирования» имеет свои препятствия и ограничения, некоторые из которых нами уже проанализированы [8, 135].

По сути, согласно схеме, государство или какая-то другая структура определяет и субсидирует не только предложение, но и спрос. Поэтому важным представляется наличие института, который способен спрогнозировать потребность в тех или иных благах. Таким институтом может стать Фонд перспективных исследований (ФПИ), проводящий анализ больших данных на базе технологии блокчейн.

Рис. 1. Схема «кругового авансирования» вертикально-интегрированных звеньев

Общественно-государственная сеть — это новый субъект экономики, являющийся коллективным собственником, берущим на себя некоторые функции государства по управлению, планирова-

нию производства и обеспечению граждан. Представители этой сети взаимодействуют друг с другом и выстраивают иерархическую структуру. Этот субъект вертикального и горизонтального РТ способен изменить производительные силы и производственные отношения в соответствии с указанными выше тенденциями. Так может реализоваться переход к новому цифровому экономическому укладу, в котором возможно более полное раскрытие конкурентных преимуществ России, в частности связанных с потребностью населения в образовании и в творческом, интеллектуальном труде.

Литература

1. *Аузан А.А.* Институциональная экономика: Новая институциональная экономическая теория: Учебник. М.: ИНФРА, 2011.
2. *Блауг М.* Клауэр, Роберт Уэйн // 100 великих экономистов после Кейнса. СПб.: Экономикс, 2009. 384 с.
3. *Бузалин А.В., Колганов А.И.* Глобальный капитал: В 2 т. Т. 1. Методология: по ту сторону позитивизма, постмодернизма и экономического империализма (Маркс re-loaded). 3-е изд., испр. и сущ. доп. М.: ЛЕНАНД, 2015.
4. *Глушков В.М.* Макроэкономические модели и принципы построения ОГАС. М.: Статистика, 1975. 159 с.
5. *Губанов С.С.* Философия развития России в контексте системных ограничений // Глобальная экономика в XXI веке: диалектика идеалов и реалии конфронтации: кол. авторов; под ред. М.Л. Альпидовской, А.Г. Грязновой, О.В. Карамовой, Д.П. Соколова. М.: РУСАЙНС, 2017. С. 37—47.
6. *Задорожный А.* Петр Щедровицкий: почему российская экономика и образование не успевают за остальным миром // https://www.znak.com/2017-12-12/petr_chedrovickiy_pochemu_rossiyskaya_ekonomika_i_obrazovanie_ne_uspevayut_zh_ostalnym_mirom.
7. *Осинов Ю.М.* Криптопатэкономика как достояние творящего человечества // Философия хозяйства. 2017. № 3 (111). С. 11—19.
8. *Решетова Л.В.* Социально экономические аспекты формирования модели реального технологического развития России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. Т. 13. № 3 (348). С. 491—503.

9. *Wallerstein I.* The Modern World-System. T. I. 1974; T. II. 1988; T. III. 1989.

References

1. *Auzan A.A.* Institutsional'naya ehkonomika: Novaya institutsional'naya ehkonomicheskaya teoriya: Uchebnik. M.: INFRA, 2011
2. *Blaug M.* Klauehr, Robert Uehjn // 100 velikikh ehkonomistov posle Kejnza. SPb.: EHkonomikus, 2009. 384 s.
3. *Buzgalin A.V., Kolganov A.I.* Global'nyj kapital: V 2 t. T. 1. Metodologiya: po tu storonu pozitivizma, postmodernizma i ehkonomicheskogo imperializma (Marks re-loaded). 3-e izd., ispr. i sushh. dop. M.: LENAND, 2015.
4. *Glushkov V.M.* Makroehkonomicheskie modeli i printsipy postroeniya OGAS. M.: Statistika, 1975. 159 s.
5. *Gubanov S.S.* Filosofiya razvitiya Rossii v kontekste sistemnykh ogranichenij // Global'naya ehkonomika v XXI veke: dialektika idealov i realii konfrontatsii: kol. avtorov; pod red. M.L. Al'pidovskoj, A.G. Gryaznoj, O.V. Karamovoj, D.P. Sokolova. M.: RUSAJNS, 2017. S. 37—47.
6. *Zadorozhnyj A.* Petr SHHedrovitskij: pochemu rossijskaya ehkonomika i obrazovanie ne uspevayut za ostal'nyim mirom // https://www.znak.com/2017-12-12/petr_chedrovickiy_pochemu_rossiyskaya_ekonomika_i_obrazovanie_ne_uspevayut_zh_ostalnym_mirom.
7. *Osipov Yu.M.* Kriptopatoehkonomika kak dostoyanie tvor-yashhego chelovechestva // Filosofiya khozyajstva. 2017. № 3 (111). S. 11—19.
8. *Reshetova L.V.* Sotsial'no ehkonomicheskie aspekty formirovaniya modeli real'nogo tekhnologicheskogo razvitiya Rossii // Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'. 2017. T. 13. № 3 (348). S. 491—503.

М.И. БОРОДИНА, В.В. СТОЛЯРЕНКО

Политическая экономия сегодня: наука ради науки?*

Аннотация: В статье в шуточной форме задается вопрос что же такое политическая экономия, является ли эта наука пост-наукой, и имеет ли она практическое применение, и что же является базисом и надстройкой.

Ключевые слова: политическая экономия, политическая наука, базис.

Abstract. In the article in an ironic form asks the question what is political economy a science post-science and if it has a practical application, what is base and superstructure.

Keywords: political economy, political science, basis.

УДК 330

ББК 65

«Кризис политической экономии...», «Политическая экономия сегодня...», «Политическая экономия стала гонимой наукой...» и т. д. и т. п. — темы проводимых дискуссий в научном и околонаучном обществе, вызванные к жизни в 2012 г. незабвенным экономическим кризисом.

Споры начинаются с выяснения таких моментов: что же такое «политическая экономия», «экономикс», в чем их различия, существует ли подмена понятия «политическая экономия» нейтральной вывеской «экономическая теория», и заканчиваются всеобщим призывом к возрождению политической экономии, появлению новых «работающих» теорий, поскольку очередной кризис доказал, что в большинстве своем существующие теории не работают, не способны предвидеть и устранить последствия негативных явлений.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Бородина М.И., Столяренко В.В. Политическая экономия сегодня: наука ради науки? // Философия хозяйства. 2018. № 1. С. 90—93.

Тысячи ученых мужей выдвигают свои концепции, доклады, теории о дальнейшей судьбе политической экономии. Все они невероятно интересны, логически структурированы, подкреплены доказательствами, да и достижения, опыт и регалии ученых вызывают уважение к публикуемым текстам и заставляют прислушаться и задуматься над данной проблемой.

Но порождает все это не только уважение, интерес, но и вопрос. Нет, это не критика, не сомнение, не глумление, это вопрос. Что же сейчас есть такое «политическая экономия», чем была она?.. — Это наука, предметом которой являются производственные отношения и законы, управляющие их историческим развитием... Интересно же не ее определение, а сущность как таковая.

Это наука ради науки. Согласны? Даже если рассмотреть самое обычное определение политической экономии, мы увидим «производственные отношения и законы, *управляющие их историческим развитием*», еще раз — *управляющие их историческим развитием!* То есть изучаются отношения и законы, которые действовали в определенный, но уже прошедший период времени. Историю изучают постфактум! Ее можно предвидеть, но сложно. И могут предвидеть только те, кто делает выводы из уроков истории, проводит аналогии и параллели. Таких единицы. Мы же — скорее «граблеходители» и «граблейскатели», учимся в основном на своих ошибках, помним историю 100-летней давности, но в упор не видим историю в настоящем.

Значит, политическая экономия — это постнаука, изучение того, что уже свершилось. Значит, она также сложна — как история, поскольку не все могут понимать и принимать историю. Из этого следует огромное теоретическое значение «политической экономии», но увы, не практическое. Будет новый кризис — возникнет новая теория, но, уже постфактум. Придет еще новый кризис, попробуем применить инструменты разработанной ранее теории, но забудем учесть все поправки действительности, и теория опять не сработает...

В общем, все как в истории...

В масштабе страны, мира существование и развитие политической экономии необходимы, значение велико — даже как науки ради науки, поскольку эффективный менеджмент способен выбрать и применить предлагаемые политической экономией меры в рамках каких-либо теорий и скорректировать их, и реализовать. И реализо-

вать так, как необходимо — причем, как необходимо, а не согласно именно нашему видению процесса.

А на уровне микро-?.. Все мы изучаем в вузах основы экономической теории, историю политических учений, читаем Смита, Рикардо, Маркса... и т. д. В ходе учебного процесса нам говорят о том, что понятие политической экономии впервые было использовано в трудах А. Монкретьена, а как таковым основоположником считают А. Смита. И мы это запоминаем и верим.

Но, господа, а как же Платон и его «Государство»? Разве вы не прочитали на страницах этого шедевра о разделении труда, о его причинах, о выстраивании трудовых отношений и об иных категориях политической экономии?

Может, и вся проблема в том, как и в случае с историей, что мы обращаемся не к истокам, не к моменту зарождения, а к моменту зрелости данного понятия и явления?

«Государство» — это не философия, это экономика, политика, общество, ну да — и философия.

И еще к вопросу о достоверности теорий в политической экономии. Так, например, во всем известном марксизме (изучение которого и наполнило весь курс политической экономии в определенный исторический период нашего государства), в качестве базиса выступает экономический строй общества, а в качестве надстройки — политические, правовые, религиозные взгляды общества.

А действительно ли экономика, экономический строй — базис?

Это базис для глобальных интересов, базис для передела мира и господства над ресурсами, но не базис отдельного государства, его населения. Вспомните первое стратегическое правило завоевателей — морально разложить население, превратить его в массу, которой удобно управлять. *Не в стадо, не в животных, а в массу!* Одни инстинкты и их удовлетворение, но не животные. Животные никогда не нападут на другое живое существо, если не голодны и не чувствуют опасности, у них нет желания унижать, загонять в тупик. Животные едят только тогда, когда испытывают голод, а не аппетит. Животные не бросают своих детенышей.

А в человеке есть бессознательное и сознательное, и самое страшное, когда своему сознательному он дает полную свободу, без рамок, без норм, без совести, без правил — можно все! И бессознательное, соединяясь с таким сознательным, превращает человека

в... А группу таких людей — в массу, как болото. Так как же на таком основании строить что-то? — Не устоит ничего — ни экономический строй, ни политический, никакой! Поэтому главное — не базис экономический, а базис моральный, если хотите моральная почва, твердая, устойчивая — грунт, на котором можно возвести и базис, и надстройку. Так что первична не экономика — первична мораль, первична внутренняя сущность. Разружьте человека изнутри, одного, двух, десять, тысячу — и вы разрушите общество, вы разрушите государство. Но не постройте ничего, в болоте все тонет.

Это к слову об истоках и достоверности, но вернемся к значению политэкономии на микроуровне, например, прикладном применении на уровне отдельно человека. Многие ли из ваших знакомых, даже планируя бюджет семьи, считает не просто затраты, а альтернативные издержки, многие ли, покупая продукты питания в магазинах, выбирают продукцию производителей своего города, региона, своей страны? Многие ли думают в этот момент о том, что он лучше вложит свои финансовые средства в родную экономику, а не в экономику чужого государства?

И многие ли из вас, господа, рассуждая о судьбе политической экономии, в том числе российской, планируя свой отпуск, предпочитают оставить финансы в стране, а не отвезти на зарубежный курорт? У нас дороже, нет таких условий — так откуда же у нас будет дешевле и появятся условия, если 3/5 финансовых средств, потраченных на туризм, вкладываются в развитие зарубежной экономики. Вы же работаете в этой стране, получаете оплату за свой труд в этой стране, так и вложите в развитие своей страны. Где же оказывается в эти моменты наше и Ваше политэкономическое мышление? Где же преломление теории в практику? Где же здесь именно *российская политэкономическая мысль*? Она не возникает вовсе, значит ее нет, либо она негодна или просто теоретична.

Чтобы быть необходимой, возродиться, нужно быть практически реализуемой, даже на уровне отдельного человека, не то что в масштабах отдельной страны. Государство — отдельный механизм, но государство — это и совокупность людей, это и каждый отдельный человек, потому что и каждый отдельный человек — микрогосударство, государство в государстве.

А без практической реализации вся дискуссия сводится к высказыванию, печатанию и забвению докладов, текстов, афоризмов.

Господа, чтобы возродить политическую экономию к жизни, нужно начать с себя, своего образа мыслей и поступков. Начинаем?

Г.А. МАСЛОВ

Творческий труд: предпосылка теоретической революции? *

Аннотация. Статья посвящена вопросу возможностей фактора креативного труда кардинальным образом повлиять на развитие экономической науки, сместить с главенствующих позиций современные мейнстримные теории за счет изменения характера функционирования экономической системы. Показывается увеличение творческой составляющей в производственной деятельности работников, ее стремительный рост в последние годы в развитых странах. Ограничения общественного спроса и предложения, тем не менее, предопределяют пределы для распространения креативных производств. Отмечается некорректность полного смешения терминов квалифицированного и творческого труда, зачастую имеющее место в теоретических работах по этой теме, что приводит к преувеличению творческой компоненты. Делается вывод о потенциале явления креативного труда изменить содержание экономической теории, однако это изменение не станет революционным.

Ключевые слова: креативный труд, квалифицированный труд, экономическая система, экономическая теория, экономика, промышленная революция.

Abstract. The article is focused on the issue concerned creative labour as a factor that is able to influence economic science, displace mainstream theories from dominant positions as a consequence of economic system's nature of functioning. An increased creative component in worker's productive activities with its rapid growth in developed countries in the last years is noted. Nevertheless, there are constraints of aggregate demand and supply which predetermine limits for spread of creative industries. Incorrectness of equalizing terms of high-skilled labour and creative labour that is often exists in theoretical reports dedicated to this topic is shown. It leads to exaggeration of creative component. The conclusion proposes that potential of creative labour to change content of economic theory. However, such change is likely to not become revolutionary.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Маслов Г.А. Творческий труд: предпосылка теоретической революции? // *Философия хозяйства*. 2018. № 2. С. 94—109.

Keywords: creative labour, high-skilled labour, economic system, economic theory, economics, industrial revolution

УДК 330.88
ББК 65.01

Современный этап развития экономической системы характеризуется повышенным вниманием к технологическим сдвигам, влекущим изменение структуры производства и характера отношений на рынке. Третья промышленная (информационная) революция стала предпосылкой разрастания сферы услуг, внедрения автоматизированных систем производства на основе информационно-вычислительной техники, что заметно повлияло на состав рабочей силы, особенно в развитых странах. Как отмечает С.Д. Бодрунов [2], в настоящее время имеет место ускорение использования знаниеемких новшеств в производстве.

В наше время, когда достижения информационной революции проявили себя в еще большей степени, и, как отмечается на самом высоком уровне, общество стоит на пороге новой промышленной революции¹, не будет преувеличением сказать, что вопросы структуры новой экономики, рабочей силы, содержания труда и т. д. важны для рассмотрения в качестве одних из главных тем академической повестки.

Данная статья посвящена вопросу творческого, креативного труда с точки зрения проблемы соответствия между объективно обусловленным новым содержанием труда, современными рыночными отношениями и господствующими парадигмами в экономической теории. При изменении экономической реальности логично предположить существенный сдвиг в эволюции экономической мысли. Ставится вопрос о том, достаточно ли сильны технико-экономические предпосылки, сформированные фактом увеличения творческой составляющей в общественном труде внутри развитых стран, для того, чтобы подорвать принципы экономического мейн-стрима наших дней. С этим безотрывно связан вопрос действительного объема творческой деятельности в современном производстве.

¹Тема четвертой промышленной революции стала главной на Давосском экономическом форуме в 2016 г. (см.: [18]).

Настоящее и будущее творческого труда в производстве

Используя сформулированную К. Марксом интерпретацию простого и сложного труда [7], с очевидностью можно констатировать возросшую долю последнего, заключенную в стоимости товаров. Выполнение самых простых механических операций все больше автоматизируется, от человека требуется все больше знаний и навыков в своем деле — труд становится более квалифицированным.

Тем не менее, рост значения квалифицированного труда и увеличение знаниеемкости продуктов не обязательно тождественны эквивалентному росту креативного труда. Наличие необходимых знаний и способность применять известные подходы к решению задач не означают сами по себе креативный (творческий) процесс. Необходимо выделить специфические черты непосредственно творческого труда.

Г.С. Батищев, придерживаясь марксистской методологии, выделяет творческий труд как источник новых феноменов культуры [1]. Как указывают А.В. Бузгалин и А.И. Колганов, развивающие этот подход, творческая деятельность по своей сути является субъект-субъектным отношением, создавая, тем самым, особые формы кооперации. «Для того, чтобы “сотворить” некий результат, его автор, творец должен соединить в своей деятельности (в распределении) такой набор культурных феноменов, который позволяет создать новое всеобщее, целостное качество реальной жизни» [4, 98]. Такая интерпретация креативного труда охватывает различные его стороны и обращается к самой основе, сущности творческой деятельности.

Западные теоретики зачастую ориентированы на прагматизм и большую операциональность при формулировке определений, что обуславливает появление дефиниций, затрагивающих отдельную область проявления креативного труда. Предлагаются такие подходы, которые удобны для квантификации и получения статистических данных.

Современные статистические методы учета количества занятых креативным трудом и влияния творческих индустрий на всю экономику несовершенны, но в то же время они наглядно иллюстрируют определенные тенденции.

Таблица 1

**Состав различных классов в экономике США, 1900 — 2015 гг.,
в % (100% — все занятое население)**

Год	Креативные профессионалы	Супер-креативное ядро	Рабочий класс	Обслуживающий класс	Сельское хозяйство	Креативный класс
1900	7,6	2,4	35,8	16,7	37,5	10
1920	8,7	3	40,2	21,1	27	11,7
1940	10,2	4	39,8	28,6	17,4	14,2
1960	12,5	5,4	37,7	33,3	6,1	17,9
1980	10,5	8,2	31,7	46,2	2,8	18,7
1999	18,4	11,7	26,1	43,4	0,4	30,1
2015	18,15	13,06	24,56	43,9	0,33	31,21

Источник: [5, 118].

Таблица 1 составлена по данным Р. Флориды на основе его методологии [9]. Она основана на отраслевом подходе, т. е. определенные сферы производства признаются креативными. В данном случае происходит внутреннее деление по степени интенсивности использования креативных технологий и творческого труда (суперкреативное ядро, креативные профессионалы). Можно согласиться с Д.Б. Джабборовым, критикующим такую систему оценки за слишком большое обобщение (не все работники в данных отраслях занимаются действительно творческой деятельностью [5]). Кроме того, в «нетворческих» сферах, пусть и в меньшей степени, но существует креативная составляющая.

А. Фриман отмечает в качестве главной отличительной особенности творческого труда его незаменимость машинами, невозможность механизации [10]. Кроме того, создаваемый продукт характеризуется своей уникальностью, более сложными контрактными системами при его производстве, обмене, защите прав собственности (прежде всего интеллектуальной), высокая доля стоимости имеет нематериальную природу. Таким образом, выделяется не-

сколько разнородных (хотя и взаимосвязанных) критериев: соответствие одновременно каждому из них позволяет ту или иную сферу деятельности признать креативной.

Подразумевается, что в процессе творческой деятельности человек совершает нерутинные операции, формулирует и решает новые задачи, хотя, безусловно, необходимость следования шаблонам, устоявшимся алгоритмам не исчезает совсем. Также нужно отметить принципиальное различие отношений креативной сферы сравнительно с отношениями, условно говоря, классической индустриальной системы, в период доминирования которой формировались методологические основы современного мейнстрима. Так, экономика стала фокусироваться на проблеме максимально полного обеспечения ограниченными благами (но многие продукты креативного труда, не имея материальной формы, по сути безграничны). Товары и процесс их производства в рамках экономики стандартизированы (что противоположно ситуации в творческих «индустриях»), и, следовательно, многое поддается математическому описанию. Это лишь пара примеров.

Согласно оценке департамента культуры, СМИ и спорта Великобритании, сделавшему расчеты по Соединенному Королевству (А. Фриман придерживается схожего подхода) доля творческой составляющей в труде британцев становится все больше, и темпы этого роста высоки.

В 2016 г., по сравнению с 2011 г., занятость в творческих отраслях выросла на 25,4% [13, 7].

В данном случае отмечаются не только «творческие» отрасли, внутри которых трудятся множество сотрудников, труд которых сложно назвать креативным, но и творческие профессии внутри них. Ключевой критерий выделения этих профессий — невозможность замены работников машинами.

Наблюдаются и качественные изменения: становится больше занятых без привязки к рабочему месту и даже работодателю, используются новые ресурсы, распределяемые зачастую нерыночным путем (информация, находящаяся в свободном доступе). Необходимость поддержки ряда креативных сфер побуждает государство выполнять функции куратора, распределяющего средства, и спонсора. Перечисление можно продолжить.

Таблица 2

**Творческая насыщенность креативной индустрии
Великобритании, чел. (приблизительная оценка, 2011 г.)**

Творческий сектор	Творческие профессии	Другие профессии	Все профессии	Интенсивность (творческие профессии/все профессии)
Реклама	45900	69400	115300	40%
Архитектура	67800	36200	103500	65%
Искусство и древнее искусство	500	8300	8800	6%
Дизайн	56400	42100	98500	57%
Дизайн моды	3700	2900	6600	56%
Фильмы, видео и фотография	28700	29500	58200	49%
Музыка, визуальные и изобразительные искусства	138400	52800	191300	72%
Издательство	71300	111500	182700	39%
Электронное и программное издательство	900	22300	23200	4%
Цифровые и развлекательные медиа	2000	11200	13200	15%
ТВ и радио	61700	34200	96000	64%
Все креативные индустрии (определение 2011 г.)	476800	420500	897300	53%

Источник: [12].

Тем не менее, такие изменения пока остаются локальными, не приведшими к кардинальному слому законов функционирования всей системы в целом. Более того, капитализм в значительной степени “переваривает” новые условия, формирующиеся из объектив-

ного процесса технологического развития, и ставит их себе на службу, обновляясь, даже частично отрицая себя, но в конечном счете стабильно выполняя свое предназначение генерации прибыли.

Как отмечает Д. Лэйн, коммерческие организации «вписывают технологическое развитие в контекст глобальных корпораций. Они основаны на частной собственности и управляются в соответствии со стремлением к прибыли» [6, 13]. При этом творческие работники становятся элитной рабочей силой, действующей по законам функционирования фирмы в неолиберальной среде. Сферы искусства, развлечения также в большой степени находятся под контролем частных компаний.

В какой мере будет справедливым сказать, используя марксистские термины, что производственные отношения опаздывают за новыми производительными силами, что современная экономика действует по устаревшим правилам, выгодным, вероятно, элитам, но подавляющим потенциал развития всего общества? Или существует переоценка значимости новых явлений и их возможности привести к качественному скачку? Реализуется ли такая тенденция роста креативной сферы, которая в недалеком будущем все же изменит общественную систему кардинальным образом? В рамках данной работы акцент делается на втором и третьем вопросе.

Важнейший момент, зачастую упускаемый из виду, состоит в не совсем корректном смещении квалифицированного и непосредственно творческого труда. Это можно проиллюстрировать несколькими примерами далее.

При появлении новых технических разработок, первый опыт их применения связан с большим объемом действительно творческой работы, меняющей мир. Например, когда разрабатывались первые телефоны, первые звонки были революционным действием, сопровождавшимся внимательным изучением каждой мелочи. Прокладка первых телефонных сетей требовала от их создателей большого объема творческого созидания. Затем, с отработкой технологий, поддержка телефонного сообщения нуждалась в квалифицированных профессионалах, понимавших изнутри суть всей технологии, но им уже было достаточно идти проторенной дорогой. В наше же время телефонное сообщение стало абсолютно естественным. Большинству обслуживающего персонала достаточно, грубо говоря, просто знать, на какие кнопки нажать, чтобы все работало. Соответственно, при удовлетворении одной и той же потребности основная

масса работников — создателей продукта в течение времени проходит цепочку от креативности до воспроизводства простых операций.

Таким образом, с одной стороны, имеет место долгосрочная тенденция роста креативности в мировой экономике, с другой — внутри этого процесса есть и обратное движение: результатом творчества становится создание сферы рутинной деятельности, сокращающей долю творческого труда, особенно если многие проблемы за человека начинает решать хорошо запрограммированный гаджет. Однако вышеуказанный пример в данный момент важен в первую очередь не для демонстрации динамики, а для проведения грани между творческим созиданием и квалифицированным, требующим образования, знаний и набора навыков, но воспроизводимым, в значительной степени рутинным трудом.

В качестве другого примера можно использовать профессию таксиста. Ее сложно назвать творческой, для устройства на нее никогда не требовались высокие университетские оценки и прочие образовательные регалии. Однако до повсеместного внедрения навигаторов таксист обладал колоссальными для обычного человека знаниями города, «встроенной в голову» детальной картой, сведениями о различных возможных маршрутах и т. д. Объем знаний, квалификация со временем прирастают до поистине впечатляющих масштабов — так, нейробиологами было отмечено значительное изменение структуры мозга и рост интенсификации связей между его частями [15]. Это наглядно иллюстрирует наличие выполнения квалифицированной работы, основанной на постоянной обучаемости, пополнении знаний, но при этом такую работу сложно отнести к творческой.

В современной «сервисной» экономике развитых стран значительное число работников при высокой степени своей образованности, тем не менее, не ушли от рутинности. Переводчик должен приложить много усилий, чтобы выучить язык, но в процессе перевода он воспроизводит уже имеющиеся знания. Офисный клерк в хорошо изученной программе осуществляет повторяющиеся действия с ней. Безусловно, периодически необходимо делать нестандартное действие, «проявлять фантазию», например, подумать, как перевести необычный речевой оборот или особенным образом составить запрос программе. И таких новых задач у «офисного планктона» больше, чем у рабочего конвейера образца первой половины

XX в. Однако дорога до абстрактной модели полноценного творца, как представляется, у него по-прежнему существенно длиннее, чем до классического «машиноподобного» индустриального рабочего. Теоретические работы, посвященные трансформации производственных отношений, зачастую не проводят грань между творческой и квалифицированной видами деятельности, по сути, делая это единым целым. Такой подход переоценивает креативную составляющую в производстве и, следовательно, преувеличивает степень изменения всей экономической системы.

Рост требований к квалификации работников и творческим навыкам в последние десятилетия, несомненно, высок. Роботизация и информационные технологии высвобождают трудовые ресурсы, позволяя решать новые производственные задачи. По состоянию на 2015 г. зарегистрировано почти 20 000 патентов (в странах ОЭСР) в сфере разработок искусственного интеллекта (в 2005 г. было немногим более 10 000 [16, 22]). Обслуживание этой техники требует от работников широкого разнообразия компетенций, что отражено в соответствующем отчете ОЭСР [16].

Тем не менее, тенденция роста креативной составляющей в общественном труде во многом отталкивается от низкой базы. Сейчас, если взять пример Великобритании, доля занятых креативным трудом колеблется в диапазоне от 5 до 10% (исходя из данных, представленных выше) при вероятном преувеличении действительного творческого труда, о чем говорилось ранее. Стоит вопрос будущего этой тенденции и возможностей ее влияния на всю экономическую систему и, как следствие, экономическую теорию.

При стремительности технического прогресса существуют ограничения потенциала увеличения творческого труда, которые способны как минимум значительно снизить скорость его распространения.

Нужно отметить, что креативные продукты теоретиками экономики знаний, как правило, признаются уникальными. Это во многом справедливо — достаточно обратиться к востребованности изучения вопросов защиты интеллектуальной собственности, брендирования, патентному праву по отношению к этим товарам. В то же время немалая часть таких товаров в глазах потребителя фактически имеет свои субституты. Например, двух одинаковых фильмов не бывает в отличие от одинаковых или очень похожих штанов... Однако фактически ценитель кино в связи с ограниченностью вре-

мени будет выбирать малую часть фильмов для просмотра, рассматривая остальные как альтернативные товары-заменители. Аналогично любитель книг прочтет только избранное в рамках своих жанровых/авторских предпочтений. Таким образом, немало творческих продуктов в вопросе потребительского выбора имеют те же свойства субституттов, что и материальные воспроизводимые товары.

Учитывая, что существенная часть творческого продукта (знания, фильмы, книги) распространяется практически без издержек (и потребляются зачастую бесплатно или за незначительные деньги) и вне пространства, то потребитель будет действовать по простой логике «выбрать что лучше». Один и тот же фильм можно найти и посмотреть практически везде, причем различия в ценовых диапазонах незначительны (если его можно скачать бесплатно, то их вообще нет). Следовательно, покупателю остается принимать во внимание только качество фильма.

Количество снимаемых фильмов имеет, таким образом, свои пределы. Условно говоря, в наше время худшие из фильмов все же находят своего зрителя, отбивая затраты на производство, но после достижения определенного предела дальнейшее расширение индустрии будет регулярно банкротить наименее успешных, создавая количественные ограничения на отрасль в целом.

Проявление вышеописанного свойства усиливается в условиях ограниченной потребительской информации.

В экономической науке, как отмечают Ф. Глётцль и Э. Айгнер, имеется большое неравенство в распределении цитирований журналов. Коэффициент Джини составляет 0,72, на топ-5 журналов приходится 27,7% цитат — концентрация намного выше, чем в журналах по физике [14]². Экономика, в отличие от физики, неточная наука, в которой очень мало постоянных и абсолютных истин. Следовательно, разные теории и мнения могут пытаться осветить один и тот же вопрос — в таком случае их можно условно назвать мнениями-субститутами, которые конкурируют между собой за научное признание. Причем, что важно, наука, стремясь к поиску истины, не может признать таковой сразу несколько мнений одновременно, поэтому остаться «теориями-победителями» могут только немногие. В конечном счете, эти «победители» забирают на

²Авторы рассматривали базу данных Web of Science.

себя львиную долю цитат, оставляя «проигравшим» совсем немного. Кроме того, ситуация усугубляется тем, что по причине ограниченности информации многие просто остаются неслышанными. Как показали М. Айстлетнер, Дж. Капеллер, С. Штейнербергер, многие работы становятся популярными во многом благодаря предыдущему опыту и репутации: люди скорее найдут, прочитают, сошлутся на престижное издание, автора, который просто «на слуху», независимо от того, есть ли более качественные статьи по данному вопросу из менее известных изданий и за авторством менее известного экономиста [11]. Таким образом, численность экономистов так же имеет свою границу, так как в противном случае предельная научная результативность будет падать.

В физике доказанное знание не вызывает дискуссий по поводу своей верности (в данном случае абстрагируемся от редко происходящих научных революций, когда предыдущие знания переоцениваются), поэтому в публикациях фиксируется новое знание по новому вопросу. В этом смысле результат креативного труда физика действительно уникален. Следовательно, научная работа ранее неизвестного автора, опубликованная в каком-нибудь провинциальном журнале, имеет хорошие шансы пробить себе дорогу наверх.

Физика и другие точные науки, в таком случае, потенциально могут расширяться безгранично, но это будет означать такой рост специализации, который приведет к существенному увеличению рутинных процедур, выполняемых отдельным работником, в меньшей степени делая эту профессию креативной. Рост числа ученых в экономике, имеющий пределы расширения, стал одной из главных, если не самой главной, причиной высокой специализации экономистов, ищущих новые области для получения научной значимости своих работ. Возможно экономика уже подошла к своему пределу — либо дальнейшее увеличение численности ученых сделает его непродуктивным, либо еще большая специализация будет вымывать творческую составляющую в труде экономистов.

Означает ли все вышеизложенное, что креатосфера, ограничившись в своих масштабах, неизбежно должна стать неким замкнутым элитарным клубом? Безусловно, нет. Стоит приветствовать свободное распространение информации, достижений культуры, общедоступное качественное образование на разных этапах в интересах социально-экономического развития общества и обеспечения подлинного равенства между людьми — равенства исходных

возможностей. Следует согласиться с А.В. Бузгалиным в том, что в противном случае мир станет еще более иерархичным, содержащим очень высокие социальные барьеры, и это, в конечном счете, будет тормозить прогресс всего общества в целом [3]. Речь о том, что общественная потребность в творческом труде ограничена, не каждому в итоге суждено будет стать ученым, музыкантом, писателем. В данном случае общедоступное качественное образование выступает не как основание того, чтобы в будущем каждый второй стал доктором наук, а для предоставления шанса для всех, что позволит самым талантливым, трудолюбивым и целеустремленным в конечном счете занять не столь многочисленные позиции в творческих профессиях³. При этом творчество никоим образом не может быть закрыто для остального населения, оно лишь не будет непосредственно связано с профессией.

Технологическое развитие способно удовлетворить большой объем потребностей, экономя рабочее время, но в то же время технологии вызывают риск сокращения рабочих мест. По прогнозу Американской ассоциации содействия развитию науки [17], в ближайшие десятилетия роботизация способна привести к скачку структурной безработицы, и есть вероятность появления социальной поляризации: кто-то будет получать огромные доходы на высококвалифицированных должностях, а кто-то застрянет в ловушке безработицы. Ответить на этот вызов общество может не отраслевым перетоком работников, а сокращением объема рабочего времени. Тем самым не произойдет дисбаланса между предложением труда и общественными потребностями, население получит больше свободного времени для приятной деятельности⁴. Кроме того, ориентация на увеличение времени отдыха вместо дополнительного производства поспособствует решению актуальных экологических проблем. Экономическая система, таким образом, выйдя на новый уровень производительности, может принципиально не изменить законов своего функционирования.

³Образование в качестве средства развития человеческих качеств как самоцели (а не только ради нужд производства), безусловно, тоже имеет абсолютную ценность, но в данном случае делается акцент на другом.

⁴ В том числе и творческой. Но творчество, как и другая созидательная деятельность вне рабочего времени, не входит в предмет исследования экономической науки современного вида, так как это лежит вне пределов рынка.

Принимая во внимание фактор ограниченности спроса на креативные блага, можно сделать вывод и об ограниченности их потенциального предложения. Кроме того, не стоит забывать, что креативный труд требует своей «рутинной» поддержки. Следовательно, тенденция к росту творческой деятельности, наблюдаемая в последнее время, имеет свои пределы, что «удержит» глобальную экономическую систему от революции в своем функционировании.

Потенциал влияния фактора креативного труда на экономическую теорию: основные выводы

Информация, человеческий потенциал есть и будут ключевыми факторами производства, начиная с конца XX в. и в последующие времена. Экономическая теория вследствие этого проявляет повышенное внимание к особенностям человеческого поведения, общественных отношений внутри различных институтов, предлагает новые системы организации труда, стимулирования работников и т. д. С развитием естественных наук о человеке перспективными и актуальными становятся междисциплинарные исследования со значительной естественнонаучной составляющей [8]. Эти направления, особенно нейробиология, способны кардинально продвинуть экономику и в области исследования творческого труда, в частности, развить методологию в интерпретации самого термина.

Однако новые технологические условия, создавая своим существованием новые вызовы для теории, как представляется, все же недостаточны по степени влияния для слома главенствующих теоретических парадигм. Современный труд, основанный на знаниях, требует более высокой квалификации. Но он сохраняет основные черты менее интеллектуально емкого труда прошлой эпохи, состоящие в выполнении стандартизированных операций в рамках своей специализации. Тем самым, остается основа и прежнего взаимоотношения экономических агентов, хотя в отдельных областях, локально, и создаются иные формы взаимодействия.

Творческий труд, который, как подчеркнуто выше, не является синонимом высококвалифицированного и интеллектуального труда, потенциально способен породить базис для других производственных отношений. Однако, во-первых, творческий элемент выглядит преувеличенным в рамках современных методологий его оценки и, во-вторых, он имеет пределы своего расширения, хотя в настоящее время тенденция еще остается устойчиво возрастающей,

и это оказывает свое влияние на экономику и науку, ее исследующую.

Это предопределяет ограниченность возможностей креативной производственной деятельности в изменении «лица» экономической науки, в смещении с теоретического олимпа современных направлений мейнстрима, хотя развитие отдельных школ (в частности, в рамках институционализма, обновленной политической экономии) в связи с этим неизбежно. В то же время, если такой прогноз и реализуется, нынешний мейнстрим это никак не обезопасит от возможных «атак» других объективно (технологически) обусловленных явлений, в том числе рожденных наступающей Четвертой промышленной революцией.

Впрочем, развитие мировой экономической системы и теории остается сложным и труднопредсказуемым. Возможно отдельные составляющие факторы креативного труда, не кажущиеся по отдельности достаточными для резких перемен, в итоге сложатся в такую комбинацию, которая ознаменует собой наступление новых времен.

Литература

1. *Батищев Г.С.* Введение в диалектику творчества. URL:<http://marxistphilosophy.org/SovPhil/Batishchev97.html>.
2. *Бодрунов С.Д.* Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. М.: Культурная революция, 2016.
3. *Бузгалин А.В.* Креативная экономика: почему и как может быть ограничена частная интеллектуальная собственность // Социологические исследования. 2017. № 8. С. 20—31.
4. *Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Глобальный капитал. В 2 т. Т. 2 Теория: Глобальная гегемония капитала и ее пределы («Капитал» re-loaded). Изд. 3-е, испр. и сущ. доп. М.: ЛЕНАНД, 2015. 912 с.
5. *Джабборов Д.Б.* Трансформация отношений товарного производства под влиянием креативного труда. Дис. ... канд. экон. наук. МГУ имени М.В. Ломоносова. 2017.
6. *Лэйн Д.* «Пост-капитализм» как новая экономическая система: критика // Вопросы политической экономии. 2016. № 3.
7. *Маркс К.* Капитал. Т. I // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23.

8. *Ольсевич Ю.Я.* О психогенетических и психосоциальных основах экономического поведения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 6: Экономика. 2008. № 1. С. 3—15.
9. *Флорида Р.* Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Классика-XXI, 2005. 430 с.
10. *Фриман А.* Сумерки машинокрайического подхода: незаменимый труд и будущее производства // Вопросы политической экономики. 2016. № 1.
11. *Aistletner M., Kapeller J., Steinerberger S.* The Power of Scientometrics and the Development of Economics // ICAE Working Paper. Series No. 46. 2016. March.
12. DCMS Creative Industries Economic Estimates. L.: DCMS, 2011.
13. DCMS Sectors Economic Estimates 2017: Employment and Trade. L.: DCMS, 2017.
14. *Glötzl F., Aigner E.* Six Dimensions of Concentration in Economics: Scientometric Evidence from a Large-Scale Data Set // Ecological Economic Papers. WU Vienna University of Economics and Business. Vienna, 2017. No. 15.
15. *Maguire E.A., Gadian D.G., Johnsrude I.S., Good C.D., Ashburner J., Frackowiak R.S., Frith C.D.* Navigation-related structural change in the hippocampi of taxi drivers // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America, 2000.
16. OECD Science, Technology and Industry Scoreboard 2017 The Digital Transformation / OECD, 2017.
17. Американская ассоциация содействия науки. URL: <https://www.aaas.org/news/increasing-use-autonomous-systems-could-threaten-jobs>.
18. Euronews. URL: <http://ru.euronews.com/2016/01/20/fourth-industrial-revolution-tsunami-warning-in-davos/>.

References

1. *Batishhev G.S.* Vvedenie v dialektiku tvorчества // URL:<http://marxistphilosophy.org/SovPhil/Batishchev97.html>.
2. *Bodrunov S.D.* Gryadushhee. Novoe industrial'noe obshhestvo: perezagruzka. M.: Kul'turnaya revolyutsiya, 2016.

3. *Buzgalin A.V.* Kreativnaya ehkonomika: pochemu i kak mozhnet byt' ogranichena chastnaya intellektual'naya sobstvennost' // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2017. № 8. S. 20—31.
4. *Buzgalin A.V., Kolganov A.I.* Global'nyj kapital. V 2 t. T. 2 Teoriya: Global'naya gegemoniya kapitala i ee predely («Kapital» reloaded). Izd. 3-e, ispr. i sushh. dop. M.: LENAND, 2015. 912 s.
5. *Dzhabborov D.B.* Transformatsiya otnoshenij tovarnogo proizvodstva pod vliyaniem kreativnogo truda. Diss. ... uch. st. kand. ehkon. n. MGU imeni M.V. Lomonosova. 2017.
6. *Lehjn D.* «Post-kapitalizm» kak novaya ehkonomicheskaya sistema: kritika // Voprosy politicheskoy ehkonomii. 2016. № 3.
7. *Marks K.* Kapital. T. I // Marks K., EHngel's F. Soch. 2-e izd. T. 23.
8. *Ol'sevich YU.YA.* O psikhogeneticheskikh i psikhosotsial'nykh osnovakh ehkonomicheskogo povedeniya // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6: EHkonomika. 2008. № 1. S. 3—15.
9. *Florida R.* Kreativnyj klass: lyudi, kotorye menyayut budushhee. M.: Klassika-XXI, 2005. 430 s.
10. *Friman A.* Sumerki mashinokraticeskogo podkhoda: nezamenimyj trud i budushhee proizvodstva // Voprosy politicheskoy ehkonomii. 2016. № 1.

О.В. НИФАЕВА

Об эволюции экономической теории во взаимосвязи с этикой*

Аннотация. Рассмотрен процесс эволюции предмета экономической теории с точки зрения ее связи с этикой. Выделены два направления в развитии экономической теории с учетом различных толкований понятия и функций этики. Показана смена онтологических представлений в экономической теории через усиление научного интереса к этике и многомерной природе человека, что составляет фундамент научной революции в экономической теории.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Нифаева О.В. Об эволюции экономической теории во взаимосвязи с этикой // Философия хозяйства. 2018. № 2. С. 109—119.

Ключевые слова: этика, мораль, научная революция, дисциплинарная онтология.

Abstract. The process of evolution of the subject of economics in regard to its connection to ethics is considered. Two branches in economic science development are worked out taking into account different interpretations of the concept and functions of ethics. Through scientific interest to ethics and multi-dimensional nature of man, strengthening the change of ontological views in economic science is shown, that forms the foundation of scientific revolution in economic science.

Keywords: ethics, morality, scientific revolution, disciplinary ontology.

УДК 330.101
ББК 65.01

Возникновение теоретической экономической науки происходило в недрах этико-философских воззрений Древнего мира. Хозяйственные вопросы первоначально не были предметом самостоятельного исследования, однако были связаны с этическими, религиозными, политическими нормами. До Нового времени преобладающее значение имели политическая и религиозная сферы жизни общества, мыслители создавали проекты идеального государственного устройства, размышляли о добродетелях человека, давали различные наставления правителям или по мере появления новых явлений хозяйственной жизни корректировали этические и религиозные нормы, изложенные в канонических текстах. Те или иные экономические вопросы рассматривались преимущественно с точки зрения их этической и религиозной приемлемости.

В эпоху первоначального накопления капитала произошел постепенный перенос центра тяжести общественной жизни с политической и религиозной сфер в сферу экономическую, возникла необходимость в самостоятельной науке, задачами которой стали бы поиск и обоснование путей увеличения богатства страны. Стремление к безмерному росту материального благосостояния, олицетворение человека с материальными объектами (что соответствует продуктовой дисциплинарной картине мира [2]), осуждаемое до этого времени всеми крупнейшими философами, теперь стало целью государства, получило статус рационального поведения.

Преобразование системы ценностей общества выразилось в том числе в изменениях во взглядах на экономические явления: то, что раньше отрицалось с этической и религиозной точек зрения, в XVI—XVII вв. получило оправдание. Это время знаменует собой начало процесса обособления экономической теории от этики и формирования в экономической науке двух полюсов, направлений в зависимости от того или иного ракурса рассмотрения этики⁵. На одном из полюсов экономика уступила место хрематистике, ученых-экономистов стало больше интересоваться увеличением материального богатства, денежных доходов, количественный экономический рост. Все больше отдаляясь от этики, религии и философии, становясь самостоятельной научной дисциплиной, экономическая теория переходила от изучения отношений людей к изучению отношений между вещами, превращенными формами, экономическими показателями. На этом полюсе экономической теории человека с его противоречивой, но полной жизни внутренней природой, духовными побуждениями сменил безликий субъект, которого интересуется лишь внешняя сторона явлений, имеющая денежный эквивалент и легко поддающаяся формализации. В результате сложились условия для усиления степени абстрактности и формализованности экономических моделей и теорий с целью решения технических, а не социальных задач, получения непротиворечивых, логически стройных, ориентированных на естественнонаучный образец теоретических построений, за бортом которых остался многомерный человек. Потенциально формализуемыми сферами экономического анализа стали проблемы информационной асимметрии, велферизма, «провалов» рынка. Так происходило овеществление лиц и персонафикация вещей. Экономическая теория заменила человека богатством, материальными объектами, линиями, цифрами, ценами.

Вплоть до начала XX в. экономическая теория определялась как наука о деятельности человека в процессе создания и использования материальных благ с акцентом в разное время на разных фа-

⁵При этом необходимо учесть, что в истории экономической мысли сфера этического ассоциировалась с предметом этики — моралью и нравственностью, общественным идеалом или природой личности. Соответственно, значимость этики в развитии экономической науки проявляется в регулировании хозяйственной деятельности, разработке целей и критериев развития экономики и общества, а также познании природы человека и учета этого обстоятельства при решении методологических проблем.

зах воспроизводственного процесса (от сферы обращения у меркантилистов до сферы обмена и потребления у маржиналистов) [12, 5]. Само богатство трактовалось гедонистически как сумма «полезных и приятных вещей» для удовлетворения потребностей в «комфорте» и «удовольствиях», «наслаждений» человеческой жизни, имеющих меновую ценность и требующих затрат труда. Считалось, что человек не может обойтись без богатства; стремление к его увеличению, хотя и в разной степени, заложено с рождения в каждом человеке и исчезает только с его смертью [11; 20].

В то же время в истории экономической мысли оформилась другая ветвь, в которой этика и экономика не разделялись, а дихотомия нормативного и позитивного не была столь ярко выражена. Представители этой ветви стремились расширить предмет экономической теории, придать ему более реалистичный, человеческий и человеческий характер. В частности, в трудах экономистов-романтиков рост материального благосостояния трактовался не как самоцель, а как условие более справедливого распределения общественного продукта, повышения уровня жизни наиболее угнетенного большинства населения.

Представители немецкой исторической школы, традиционного институционализма, неоавстрийской школы, большинство российских ученых XIX — начала XX в. предлагали расширить предмет исследования экономической теории путем совершенствования модели человека и привлечения достижений других общественных и гуманитарных наук, прежде всего, антропологии, этики, психологии. Эти идеи во многом стимулировали формирование онтологических представлений об экономике с позиций поведения экономических субъектов и роли институтов. Т. Веблен, Дж.К. Гэлбрейт и Л. Мизес писали о том, что спрос на материальные блага, которые, казалось бы, удовлетворяют первичные потребности, во многом зависит от этических, религиозных факторов, обычаев, привычек, моды, т. е., по сути, от потребностей более высокого уровня (вторичных потребностей). По их мнению, сводя предмет экономической теории только к материальным аспектам, ученые упускают из вида большую часть экономической реальности [4; 6; 22]. Мизес считал, что экономическая наука должна исследовать поведение и деятельность реальных людей, а не идеальные миры [10, 335]. Согласно Й. Шумпетеру, экономическая наука помимо экономической

теории включает еще три составляющие: экономическую историю, статистику и экономическую социологию [19].

«Старые» и «новые» немецкие экономисты-историки делали акцент на национальном характере политической экономии. Так, Г. Шмоллер в качестве предмета политической экономии называл народное хозяйство как совокупность взаимосвязанных индивидуальных и корпоративных хозяйств. Задачу политической экономии он видел в том, чтобы описать и выявить причины народнохозяйственных явлений. Он разделил политическую экономию на две части, обе из которых теснейшим образом связаны с этикой: общую (философско-социологическую), исследующую взаимосвязь хозяйственных явлений с другими явлениями общественной жизни, и специальную (историческую и практически-административно-правовую), изучающую хозяйство отдельных эпох, государств и отраслей [18]. М. Вебер как представитель «новой» исторической школы выступал за создание социальной экономии, предметом которой было бы все многообразие культурных факторов социально-экономических процессов [3, 361].

А. Чупров в «Курсе политической экономии» определил ее как общественную науку, науку о народном хозяйстве [17]. С. Витте считал неправильным отделение понятий человека и нации, сведение политической экономии к материалистическим поискам путей увеличения меновых ценностей. Он связывал решение задач политической экономии с широким контекстом географических, политических, правовых, религиозных, этических факторов [5]. По М. Туган-Барановскому, политическая экономия изучает народное хозяйство в его развитии. Ее цель — выявлять естественные законы этого развития, формулировать общественные идеалы и предвидеть будущее. Но в отличие от естественных наук политическая экономия есть также наука историческая (она изучает товарное хозяйство как один из исторических этапов развития) и общественная (изучает отношения между людьми) [16]. Для российских ученых-экономистов в целом характерен отказ от сугубо материальной трактовки предмета и назначения экономической науки в пользу целостного этико-ориентированного взгляда на экономику [7; 8].

Своеобразным откликом на призыв расширить предмет экономической теории стало контрнаступление неоклассики в сферу других общественных и гуманитарных наук, получившее название экономического империализма. Предмет экономической теории,

оптимизационное поведение, был распространен на сферу политологии, социологии, права, истории, демографии [1, 41]. К числу основателей «экономического подхода» относят Л. Роббинса и Г. Беккера. Роббинс заявил о том, что в любой деятельности присутствует экономическая составляющая в виде альтернативных издержек и редкости ресурсов, что позволяет анализировать ее с экономической точки зрения [21]. Последствия экономического империализма были двойственными. С одной стороны, с помощью инструментов экономического анализа стало возможным исследовать многие явления социальной действительности, с другой стороны, экономическая теория лишилась собственного предмета исследования, превратилась в один из подходов (как, например, процессный или ситуационный), за пределами экономической теории оказались многие виды деятельности и экономические явления, не укладывающиеся в формальные рамки [1, 17; 14, 25; 15, 104].

Ограниченность определения предмета экономической теории как максимизационного, оптимизационного поведения не давала покоя многим исследователям, даже работающим в русле неоклассики. Ранее А. Маршалл писал, что экономическая наука исследует «нормальную деятельность» людей, не переходящую разумные пределы, не связанную с алчностью, наживой, крупными операциями, захватом конкурентов. Такое определение предмета А. Маршалла сближало его с концепцией экономики и хрематистики Аристотеля, придавая ему этический оттенок. В то же время Маршалл остался на позициях неоклассики. Он предлагал сконцентрироваться в экономических исследованиях на самом сильном мотиве хозяйственной деятельности, несмотря на наличие многих других, — получении платы за труд, которая потом может быть использована на любые цели (эгоистические или альтруистические) [9]. Этический компонент в определении предмета экономической теории прослеживается и у других ученых. Так, Ф. Уикстид писал, что богатство не обязательно является целью человека, как правило, это средство для достижения других целей [23, 170]. По А. Маршаллу, богатство также есть средство удовлетворения потребностей и результат труда [9]. Человек в реальной жизни всегда (осознанно или нет) соизмеряет цели и средства, альтруистические и эгоистические мотивы, экономические и неэкономические факторы, в то время как неоклассическая экономическая теория вменяет ему только одну цель и предлагает выбрать лишь между ограниченны-

ми средствами [21]. Весьма примечательным обстоятельством, по нашему мнению, на которое крайне редко обращают внимание, является следующее. Определяя предмет экономической теории как оптимизационное поведение, неоклассики стоят на позициях этической нейтральности экономической теории. Однако, если принять во внимание один из основных вопросов этики о том, как должно поступать, и сравнивать его с определением предмета экономической теории, которое дал Л. Роббинс (по сути, как лучше распределить ограниченные ресурсы между альтернативными целями), то мы получаем противоречие, «парадокс Роббинса»: изгоняя этическую компоненту из позитивной экономической теории, неоклассики фактически формулируют предмет экономической теории как ключевой вопрос этики. В этом же ракурсе можно рассмотреть и знаменитые вопросы «что, как и для кого производить», ответы на которые требуют, скорее, выбора между целями (расстановки приоритетов), чем распределения средств. Все это подтверждает наличие этической, ценностной составляющей в любой науке или теории, относящейся к человеку.

Традиционно выделяемым «предметам» экономической теории присущи некоторые недостатки. Так, формальный, аналитический подход (как назвал его Л. Роббинс) превратил экономическую теорию в практическое приложение к математике, в его основе лежали предпосылки индивидуализма, эгоизма и гедонизма, явно не соответствующие истории человечества и экономической реальности. Национальное хозяйство как предмет исследования исторической школы страдало излишним коллективизмом, отрывом от интересов личности, в то время как предмет классиков и неоклассиков имел противоположный недостаток — слишком материалистичный, статичный, внеисторический и космополитичный характер. Ограниченное определение предмета политической экономии (и микроэкономики) выражалось в том, что ученые все время концентрировали свое внимание на определенных событиях, одностороннем преувеличении роли какого-либо одного фактора социально-экономических процессов, поиске единственной причины без учета исторического контекста. Как следствие, одно и то же явление могло получать самые разные интерпретации. Особенно это видно на примере всевозможных моделей homo oeconomicus и различного описания поведения человека в общественных и гуманитарных науках, что оправдывается потребностями специализации наук.

Аналитический, формалистский экономический подход привел к измельчению тематики экономических работ [1; 2; 13], фактическому отказу от исследования отношений людей и их многогранной природы. В настоящее время в период становления постнеклассической науки категории богатства, деятельности, поведения уже не могут служить адекватным отражением предмета экономической теории и тем более самой экономической реальности. Сложность, противоречивость, многофакторность, взаимозависимость всех социально-экономических явлений, усиление влияния политических, социальных, демографических, идеологических факторов на хозяйственные процессы в условиях глобализации требуют пересмотра содержания предмета экономической теории, обращения к этическим корням и историческому наследию экономической науки.

Таким образом, исследование эволюции предмета экономической теории показывает, как менялись ее онтологические основания, как в настоящее время происходит переход к дисциплинарной онтологии, базирующейся на синтезе представлений о сложных социально-экономических системах, в центре которых находится человек. Тем самым возрастает необходимость в исследовании природы человека, не только средств, но и целей его деятельности, ценностных ориентаций, убеждений человека, которыми он руководствуется в хозяйственной сфере. Таким образом, усиливается интерес к этике как науке о человеке, а не моральному кодексу или недостижимому идеалу. В результате возникают новые грани предмета экономической теории, которая становится действительно наукой о человеке и для человека, общественной, практически и социально ориентированной наукой, когда призывы к нравственности и разработка сценариев будущего экономического развития получают методологическое обоснование с позиций эволюции природы человека. В этом, по нашему мнению, заключаются предпосылки научной революции в экономической теории начала XXI в., состоящей в переосмыслении дисциплинарной картины мира на базе синтеза гуманистических и системно-синергетических онтологических представлений.

Литература

1. Автономов В.С. Модель человека в экономической науке. СПб.: Экономическая школа, 1998.

2. *Ананьин О.И.* Структура экономико-теоретического знания: методологический анализ. М.: Наука, 2005.
3. *Вебер М.* Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
4. *Веблен Т.* Ограниченность теории предельной полезности // Вопросы экономики. 2007. № 7.
5. *Витте С.Ю.* Национальная экономия и Фридрих Лист. Киев: тип. «Киев. слова», 1889.
6. *Гэлбрейт Дж.К.* Новое индустриальное общество. М.: Прогресс, 1969.
7. *Игнатова Т.В., Мартыненко Т.В.* Влияние православия на концепцию государственной собственности в русской школе экономической мысли // Философия хозяйства. 2017. № 1 (109).
8. *Королев В.К.* «Философия хозяйства» С. Н. Булгакова и «диатрибическая» традиция // Философия хозяйства. 2017. № 1 (109).
9. *Маршалл А.* Принципы экономической науки. Т. 1. М.: Прогресс, 1993.
10. *Мизес Л. фон.* Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории. Челябинск: Социум, 2008.
11. *Милль Дж.С.* Основы политической экономии с некоторыми приложениями к социальной философии. М.: Эксмо, 2007.
12. *Нуреев Р.М.* Новая политическая экономия: становление и развитие // Научные труды ДонНТУ. Серия: Экономическая. 2011. Вып. 1 (40).
13. *Осипов Ю.М.* Экономика как творящий хаос // Философия хозяйства. 2017. № 1 (109).
14. Очерки экономической антропологии. М.: Наука, 1999.
15. *Полтерович В. М.* Становление общего социального анализа // Общественные науки и современность. 2011. № 3.
16. *Туган-Барановский М.И.* Очерки из новейшей истории политической экономии. СПб.: Издание журнала «Мир Божий»; тип. И.Н. Скороходова, 1903.
17. *Чупров А.И.* Курс политической экономии. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1913.
18. *Шмоллер Г.* Наука о народном хозяйстве. Ее предмет и метод. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1897.
19. *Шумпетер Й.А.* История экономического анализа. СПб.: Экономическая школа, 2001.

20. *McCulloch J.R.* A Discourse on the Rise, Progress, Peculiar Objects, and Importance of Political Economy. Edinburgh: Archibald Constable & Co, 1824.

21. *Robbins L.* An Essay on the Nature and Significance of Economic Science. L.: Macmillan, 1935.

22. *Veblen T.B.* The Theory of the Leisure Class: An Economic Study in the Evolution of Institutions. N.Y.: Macmillan, 1899.

23. *Wicksteed P.H.* The Common Sense of Political Economy. L. Macmillan & Co, 1910.

References

1. *Avtonomov V.S.* Model cheloveka v ekonomicheskoy nauke. SPb.: Ekonomicheskaya shkola, 1998.

2. *Ananyin O.I.* Struktura ekonomiko-teoreticheskogo znaniya: metodologicheskij analiz. M.: Nauka, 2005.

3. *Weber M.* Izbrannye proizvedeniya. M.: Progress, 1990.

4. *Veblen T.* Ogranichennost teorii predelnoy poleznosti // *Voprosy ekonomiki*. 2007. No 7.

5. *Vitte S.Yu.* Natsionalnaya ekonomiya i Fridrikh List. Kiev: tip. «Kiev. slova», 1889.

6. *Galbraith J.K.* Novoe industrialnoye obstchestvo. M.: Progress, 1969.

7. *Ignatova T.V., Martynenko T. V.* Vliyanie pravoslaviya na kontseptsiyu gosudarstvennoy sobstvennosti v russkoy shkole ekonomicheskoy mysli // *Filosofiya khozyaystva*. 2017. № 1 (109).

8. *Korolyov V.K.* «Filosofiya khozyaystva» S. N. Bulgakova i «diatribicheskaya» traditsiya // *Filosofiya khozyaystva*. 2017. № 1 (109).

9. *Marshall A.* Printsipy ekonomicheskoy nauki. M.: Progress, 1993.

10. *Mises L. von.* Chelovecheskaya deyatelnost: Traktat po ekonomicheskoy teorii. Chelyabinsk: Sotsium, 2008.

11. *Mill J.S.* Osnovy politicheskoy ekonomii s nekotorymi prilozheniyami k sotsialnoy filosofii. M.: Exmo, 2007.

12. *Nureev R.M.* Novaya politicheskaya ekonomiya: stanovlenie i razvitie // *Nauchnye trudy DonNTU. Seriya: Ekonomicheskaya*. 2011. No 1 (40).

13. *Ocherki ekonomicheskoy antropologii*. M.: Nauka, 1999.

14. *Polterovich V.M.* Stanovlenie obshchego sotsialnogo analiza // *Obshchestvennyye nauki i sovremennost.* 2011. No 3.
15. *Osipov Yu.M.* Ekonomika kak tvoryastchiy khaos // *Filosofiya khozyaystva.* 2017. № 1 (109).
16. *Tugan-Baranovskiy M.I.* Ocherki iz noveyshey istorii politicheskoy ekonomii. SPb.: Izdanie zhurnala «Mir Bozhiy»; tip. I. N. Skorokhodova, 1903.
17. *Chuprov A.I.* Kurs politicheskoy ekonomii. M.: Izdanie M. i S. Sabashnikovoykh, 1913.
18. *Schmoller G.* Nauka o narodnom khozyaystve. Eyo predmet i metod. M.: Izdanie M. i S. Sabashnikovoykh, 1897.
19. *Schumpeter J.A.* Istoriya ekonomicheskogo analiza. SPb.: Ekonomicheskaya shkola, 2001.
20. *McCulloch J.R.* A Discourse on the Rise, Progress, Peculiar Objects, and Importance of Political Economy. Edinburgh: Archibald Constable & Co, 1824.
21. *Robbins L.* An Essay on the Nature and Significance of Economic Science. L.: Macmillan, 1935.
22. *Veblen T.B.* The Theory of the Leisure Class: An Economic Study in the Evolution of Institutions. N. Y.: Macmillan, 1899.
23. *Wicksteed P.H.* The Common Sense of Political Economy. L. Macmillan & Co, 1910.

**АКТУАЛЬНАЯ
ФИЛОСОФИЯ**

Ф.И. ГИРЕНОК

Философия хозяйства и антропогенез*

Аннотация. В статье рассматривается философия хозяйства как знание о возникновении человека экономического и его исчезновении. С этой точки зрения представлены антропогенез, когнитология и цивилизация современного человека.

Ключевые слова: человек экономический, философия хозяйства, антропогенез, когнитология.

Abstract. The article is devoted to the philosophy of economy as the knowledge of origin of economic person and his disappearance. Anthropogenesis, cognitology and civilization of modern person are analyzed from this point of view.

Keywords: economic person, philosophy of economy, anthropogenesis, cognitology.

УДК 101

ББК 65в

1. Человек экономический

Философия хозяйства — это рассказ о том, как возникает человек экономический и как он затем исчезает. Человек экономический возникает в эпоху технической воспроизводимости объективных условий своего существования, а исчезает он в момент технической воспроизводимости субъективных условий его существования. Вместе с воспроизводимостью субъективности исчезает и сама субъективность. Вслед за ней исчезает значимость таких феноменов, как цена, прибыль, стоимость, товар. Человек теряет чувство реальности, а вместе с ним и реальность. Исчезновение человека экономического не означает исчезновение человека вообще.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Гиренок Ф.И. Философия хозяйства и антропогенез // Философия хозяйства. 2018. № 2. С. 123—129.

Оно означает, что человек продолжает существовать, но только уже в согласии с природой, как плохой робот. Хороший робот возможен за пределами органического. Робот кладет конец господству человека в экономике и принуждает его вновь вернуться к самому себе как к чистой субъективности.

Так для человека возникает дилемма: вернуться к себе или умереть. Что значит умереть? Это значит превратить себя в чистую позитивность, содержание которой требует согласования с природой и не требует согласований с воображаемым. Позитивен только тот человек, у которого нет распри с самим собой, у кого есть согласие с реальностью. Согласование с природой нуждается в числе, в цифре, а не в образе, в субъективности.

Из вышесказанного следует, во-первых, понимание того, что интеллект не имеет никакого отношения к сознанию. А также понимание того, что когда-то можно было стать человеком, только обменяв интеллект на сознание. Что здесь имеется в виду под сознанием? Сознание — это не ум, а неестественная реакция человека на самообман, на свою раздвоенность. Любое живое существо готово к обману, к ловушке, устроенной ему природой. Никто не готов к встрече с самообманом. Сознание человека порождено самообманом как внутренняя защита человека от воздействия внутренних образов. Воздействие на нас наших внутренних образов почти невозможно отличить от внешнего воздействия. Образы всегда даны нам прямо, непосредственно, минуя чувства. Мы воспринимаем их как реальность. Как некое внешнее воздействие. Поэтому мы все шизофреники.

Во-вторых, сознание — это, конечно, привилегия немногих, прежде всего, это привилегия художника. Представление о том, что один человек — это всегда одно сознание ошибочно. Для того, чтобы возникло сознание у одного человека, требуется много людей без сознания, но с интеллектом.

В-третьих, интеллект — это нечеловеческое свойство, которое может быть легко закреплено за роботом. Появление робототехнических систем кладет конец господству технологического детерминизма. Машина производит только машину. Человек производит человека. И вместе этим процессам не сойтись. Человеку остаются субъективность и творчество. Машине остаются логика и ра-

бота. Не труд создал человека, а праздность, возможность быть предоставленным самому себе. Прогресс техники не ведет к прогрессу сознания — и наоборот. Вся история человека — это история о том, что происходит после того, как человек начнет относиться к своим галлюцинациям как к реальности. Человек — это не труд, не интеллект, не мозг, не прямохождение. Не тот, кто прежде всего научился оббивать гальку, не тот, кто говорит, а тот, кто грезит.

Когнитологи

Когнитивные психологи, такие, как Стивен Миттен, написавший книгу «Поющие неандертальцы», нам говорят, что человек разумный появился 100 тысяч лет назад. По внешнему виду он был человеком, хотя само это человеческое никак в нем не проявлялось. И для антропологов остается загадкой: почему его называют разумным? Ведь его мозг ничем не отличается от мозга обезьяны и, как скажет Шеррингтон, от мозга крысы он также ничем не отличается.

Иными словами, 50 тыс. лет человек, если, конечно, верить антропологам, жил как животное. Сам же он себя еще никак не выделял из природы. Как животное, он использовал только камень или дерево для изготовления топора. У него не было специальных составных орудий и проч. Но 50 тыс. лет тому назад вдруг, ни с того ни с сего он неожиданно проявил активную деятельность — стал использовать в своей работе для изготовления своих инструментов кость, бивни, у него появились сложносоставные орудия, бусы, запасы пищи, он изготовил из кости странные фигурки человека-льва, т. е. с телом человека и головой льва. Он изобрел лодку и поплыл, доплыв до Австралии, потом до Америки. И антропологи недоумевают, зачем ему это было нужно? Может быть, он отправился на поиски пищи? Но еды хватало всем.

На мой взгляд, 50 тыс. лет назад случилось страшное — взорвались галлюцинации и человек раздвоился, положив себя, свои галлюцинации в основание новой цепочки связей между причиной и действием. И мир для него тоже раздвоился. Для него теперь существовал не просто камень, который отсылал к какому-то другому предмету, а существовал камень, отсылающий к образу камня. А образ мог включать в себя уже и кость, и бивень, и что угодно. Почему? Потому что у человека появились цели. Ведь что такое цель?

Цель — это галлюцинация, согласованная с воображаемым. У животных нет целей. Нет видений, которые могли бы длиться не только в данный момент, но и в следующий момент времени. Видение существует при условии, что кто-то хочет, чтобы оно было. Появление цели ведет к учреждению средства, появляется специальный инструмент. Топоры делаются не как у животных, не вообще, а для чего-то, т. е. для какой-то цели. Появляется первое изображение человека — человека с головой льва. Соединение тела человека с головой льва — это продукт воображения, соединения воображаемого и реального. Появляются бусы и тотемные животные, появляются элементы первого хозяйства человека. Главным признаком появления человека является кукла, а также наскальная живопись.

Демография

Теперь несколько слов о воображаемой демографии. Во времена позднего палеолита нас было всего 100 тыс. человек. И мы разбрелись по миру. Почему? Потому что, как говорит Поршневу, трудно существовать с себе подобными. А почему трудно существовать с себе подобными? Потому что люди — каннибалы. Приведу такой пример из недавней истории.

1972 г., рейс 571, летит команда Уругвая по регби. Произошла жесткая посадка в Андах. 9 человек погибли. Оставшиеся в живых ели их два месяца, потом они были спасены, и дальше они продолжили жить, как ни в чем не бывало.

Люди очень легко могут потерять сознание и вернуться к интеллекту, который характерен для животных. Как говорят ученые, животные весом до 100 кг составляют популяцию, обычно не превышающую 100 тыс. особей. Например, волков сегодня всего 100 тысяч, кабанов тоже 100 тыс. Больше этой цифры ни волки, ни кабаны не выживут. Но ведь и человек весит тоже примерно 100 кг. Почему же нас больше критического числа?

В свое время Мальтус придумал закон, в соответствии с которым люди должны были бы размножаться по экспоненте, в геометрической прогрессии. Но по экспоненте размножаются не люди, а микробы в питательном бульоне. Люди согласуют свое поведение не только с реальностью, но еще и с воображаемым. Поэтому размножаясь 50 тыс. лет 100 тыс. человек породили 100 млн человек к

моменту рождения Христа. За 2000 лет эти сто миллионов породили уже 6 млрд человек, в 2017 г. нас стало 7 млрд. По подсчетам Капицы, наш потолок — 10 млрд человек, больше нас не будет, потому что будут нарушены биологические законы. Биосфера не вынесет такой нагрузки. Но стоит ли верить ученым?

Приведу два примера. Однажды анатому-антропологу Рудольфу Вирхову принесли череп для оценки. Он его изучил и сказал, что это череп русского казака, погибшего в Неандертальской долине во время войны с Наполеоном. Через некоторое время было установлено, что это не череп казака, а первая находка останков древних людей, которых называли по имени долины неандертальцами. Что из этого следует? Что ученые могут ошибаться.

Человек — не физическое существо, а ментальное, раздвоенное. Все люди шизофреники. Эта шизофрения сформировала у нас чувство реальности. У животных нет этого чувства. У них нет никакой реальности. Или, как говорит Плеснер, шизофрения выкинула человека из биологической колеи. Мозг человека стал производить галлюцинации, он стал паразитом тела. А сознание человека — это не что иное, как самообман вырождающегося существа.

Второй пример. Попытка Павлова отличить человека от животного. Она тоже не увенчалась успехом. Павлов полагал, что человека от животного отличают условные рефлексы, потом оказалось, что условные рефлексы есть у животных. Тогда Павлов сказал, что у человека есть вторая сигнальная система, язык. Но с точки зрения неврологии, мозг человека ничем не отличается от мозга животного, никакого специального центра у него нет. Есть зона Брока и зона Вернике, но они есть и у животных. Павлов проводил такие эксперименты — обезьяне нужно было достать лакомства из ящика. В ящике три отверстия — треугольное, квадратное и круглое. И положил три палки — треугольную квадратную и круглую. Обезьяна совала поочередно все палки в одну и ту же форму, пока не находила нужную. Павлов говорит, что у нее не было понятия формы. А у человека есть понятие такой формы. Но если у человека есть такая форма, тогда нужно объяснить, почему люди, как обезьяны, каждый день начинают жить сначала. Ответ прост: потому что через них каждый день идут токи воображаемого. А воображение предшествует мышлению в понятиях.

Кошмар цивилизованной жизни

Природа — это не храм, а мастерская. И человек в ней работник. Чем больше эта мысль проникала в сознание человека, тем меньше в мире оставалось места дикой природе. О том, что она была, нам вечно будут напоминать только звездное небо над нами и категорический императив внутри нас.

Разрыв между сущностью и существованием человека в условиях, когда он, по словам Вернадского, превратился в решающую геологическую силу на Земле, ведет к цивилизованному кошмару. Например, чтобы выпить утром стакан молока, нужно где-то сжечь полстакана дизельного топлива. Человечество сжигает сейчас более 3 млрд т нефти в год. Нефти не хватает, но отказаться от нее не так уж и легко, ибо 80% всех технологических процессов, станков и машин обеспечиваются энергией, получаемой за счет сжигания нефти, газа и угля. Конечно, мы можем развивать ядерную энергетику, но на этом пути всегда будет вырисовываться силуэт Чернобыля.

Дикая природа задыхается от побочных продуктов деятельности человека. Ежегодное количество отходов на Земле приближается к 1 млрд т. Если один человек вдыхает за год 9 т. кислорода, то один автомобиль за год сжигает 4 т кислорода. Постепенно уменьшается площадь пахотной земли на одного жителя планеты. В настоящее время на каждого человека приходится чуть более 0,3 га пашни. Население Земли увеличивается примерно на 80 млн человек в год. Площадь земель, не пригодных для сельскохозяйственного использования, вырастает на 21 млн га в год. На Земле, кроме Байкала, не осталось, пожалуй, чистой пресной воды. Примерно 15% всего речного стока на Земле изымается для производственных нужд. Чтобы получить тонну полимерных материалов, нужно использовать до 5 тыс. т. пресной воды.

В последнее время изучаются возможные последствия изменения генофонда живых организмов, нарушение биосферных связей. Особую тревогу вызывает процесс накопления в окружающей среде и в организме человека вредных для его здоровья химических соединений. Так, резко увеличилось содержание железа и таких высокотоксичных элементов, как свинец, кадмий, ртуть. Ежегодно около 7 тыс. т ртути попадает в отходы и загрязняет природу. С це-

люю повышения продуктивности сельского хозяйства применяются различные ядохимикаты. Применение ядохимикатов позволяет увеличить урожайность сельскохозяйственных культур в 1,5—2 раза. Но остатки пестицидов, токсичные элементы аккумулируются в зеленых частях и плодах растений, в почве, смываются в водоемы. В конечном итоге они попадают в организм человека.

В свое время переход от собирательства к земледелию повысил производительность труда в 400—600 раз. Охота уступила место скотоводству, и производительность труда человека увеличилась в 20 раз. В древнем Шумере для обработки одного гектара требовалось 40—50 рабочих дней, но урожай мог прокормить 3 семьи. Коренным австралийцам нужно было трудиться 4—5 часов в день, чтобы обеспечить себя пищей, отвечающей стандартам, установленным национальным исследовательским советом США, а племяни бушмен-кунт — 2,5 дня в неделю. При современной технологии один человек, занятый в сельском хозяйстве, обеспечивает 60—70 человек. Сегодня достаточно трудиться одному человеку, чтобы обеспечить остальных 9 человек всеми необходимыми продуктами. Возникает вопрос: что делать остальным?

Замена лошади трактором и комбайном, примитивного навоза — минеральными удобрениями, появление пестицидов — все это приводит к тому, что количество энергии, затрачиваемой человеком на производство, например, тонны пшеницы, увеличилось за эти 100 лет тоже почти в 100 раз. Урожайность же зерновых увеличилась всего в 3 раза. И так во всем.

Человек превратил в пустыню 7% территории всей поверхности суши, снизил общую биомассу планеты, которая в целом сейчас на 1/3 меньше, чем в доисторическое время. Растет энергоёмкость производства.

Падение темпов роста производительности труда, снижение рентабельности механических технологий, ускорение морального износа производственного оборудования, колоссальные расходы сырья и энергии в традиционных технологических процессах, при которых конечный продукт составляет не более 2% от общей массы природного вещества, вовлекаемого в производство, экологический кризис — все это, вместе взятое, указывает, с одной стороны, на власть техники, а с другой — на экологический кошмар.

О.Н. КАЗАКОВА

**Ценностно-смысловые императивы информационного мира:
антропологический аспект***

Аннотация. Анализируется проблема изменения антропологического статуса и мышления человека в условиях современного информационного общества, в котором доминируют знаковая и символическая системы. Целостность современному миру придает информационное единство, поскольку все объекты и явления рассматриваются как инфообъекты. В этой ситуации субъект становится частью информационного мира, неотделимой от его новых смыслов, которые находят выражение в знаковой форме. Информационный мир является порождением культуры Постмодерна, а ее воплощением — «компьютерная сеть». Она, вопреки ожиданиям, становится фактором «отставания» социальности и человека от развития информационных технологий, что обусловило утверждение новых смыслов культуры и жизни. Это создает «массовую культуру», основанную на «структурах повседневности». В этой ситуации человек осуществляет трансформацию от культурно-ценностных смыслов своего бытия к акценту на первичности биофизического существования. Знаково-символический универсум информационной реальности выступает в этом случае в качестве нового психоанализа, в котором нет места экзистенции и творчеству.

Ключевые слова: информационный мир, знак, символ, смысл, сеть, инфообъект, массовая культура.

Abstract. This paper analyzes the problem of changing the anthropological status and thinking of a person in the modern information society, where the sign and symbolic systems dominate. Integrity to the modern world is given by information unity, since all objects and phenomena are considered as info objects. In this context, the subject becomes a part of the information world, inseparable from his new meanings, which find their expression in a symbolic form. The information

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Казакова О.Н. Ценностно-смысловые императивы информационного мира: антропологический аспект // Философия хозяйства. 2018. № 2. С. 130—140.

world is a product of the Postmodern culture, and its embodiment is a «computer network». This, contrary to expectations, becomes a factor of the «lagging behind» of sociality and person from the information technologies development, and it led to the approval of new meanings of culture and life. This creates a «mass culture» based on «everyday structures». In this situation, a person is transformed from the cultural and value meanings of his being to an emphasis on the primacy of biophysical existence. The sign and symbolic universe of the information reality appears in this case as a new psychoanalysis, in which there is no place for existence and creativity.

Keywords: information world, sign, symbol, meaning, network, information object, mass culture.

УДК 101
ББК 65в

Качественной особенностью современной эпохи является превращение информации в продуктивную силу, что с необходимостью приводит к переходу классической «семиотики знака» на «семиотику человека». Новое измерение информационной реальности обуславливает новый характер деятельности, что порождает новый тип межкультурных связей, ценностных ориентаций и мышления человека. В результате возникают новые смысловые измерения современного информационного общества, они формируют представление о социальной истории как о специфическом процессе развития коммуникации. Содержание экономической, социальной и культурной составляющих напрямую связано с характером содержания коммуникации и качеством существующего в обществе знания. Данная идея составляет по сути основу «информациональных» (М. Кастельс) концепций, рассматривающих социально-исторический процесс в контексте цивилизационного подхода. Основная логика цивилизационного развития осмысливается в ее связи с процессом формирования социальных систем, оптимальных с точки зрения скорости и «чистоты» способов передачи сообщения качества обмена информацией для семиотического воспроизведения и создания образа мира.

Обращаясь к проблеме коммуникации в ее корреляции с потребностями социальной системы, отметим, что каждому этапу цивилизационного развития соответствуют новые принципы знаковой фиксации реальности. Если мы говорим о возникновении самой цивилизации как социального строя, обладающего сложной социальной иерархией, обширными дифференцированными знаниями, развитыми законами, пришедшими на смену варварству, можно утверждать, что его потребности неизбежно вызывают появление «письма», т. е. кодирования в знаках необходимой информации. Как отмечал Ю. Лотман, представить развитую цивилизацию в качестве неграмотной, без письма, не обладающей знаковой системой для фиксации жизненно важной и достаточно объемной и дифференцированной информации, с позиции современного знания, чрезвычайно сложно [8]. Но такое становится возможным, если рассматривать тип коммуникации и формы памяти как производные от того, что считается необходимым для запоминания. Только тогда, когда усиливаются нестабильность, динамизм, непредсказуемость социально-исторических условий, когда повышается интерес к частному, единичному, а не общему, когда право начинает обогащаться прецедентами и фиксировать особые случаи, когда «усиливаются контакты с другой этнической средой, требует разнообразия семиотических и причинно-следственных связей, тогда и возникает письмо как средство передачи информации» [8, 347].

История развития общества неотделима от развития и прогресса способов передачи информации. Сегодня мы живем в обществе, в котором, как известно, основным экономическим, политическим и культурным ресурсом является информация. Более того, мы можем утверждать, что живем в «информационном мире» — Инфомире. В нем «все объекты и явления рассматриваются как инфообъекты, обладая при этом особыми качествами, не свойственными объектам макромира и микромира» [10, 64]. В этом контексте заслуживает внимания мнение У. Эко, для которого основная проблема, связанная с изменением способов трансляции информации, заключается «не в крайней степени ее визуализации, а в сохранении субъектом способности к критическому восприятию и иммунитета к ее убеждающей интенции» [12].

Особые свойства «инфообъектов» заключаются прежде всего в том, что они неделимы. Такие объекты подобны голограммам: их невозможно «разделить» на части (или «собрать» из частей) без потери представления о них. Эти объекты невозможно задать одной или двумя характеристиками, но целесообразно показать их в тройной взаимосвязи «идеализированных объектов: субъект, среда, контент» [10, 65]. В этой триаде отношение между субъектом и средой является аналогом отношения дополнительности. Мир един, поскольку он осознает себя таковым. Целостность мира оказывает само информационное единство. В таком контексте впервые открывается возможность явного включения субъекта (и человека как потенциального субъекта) в научную картину мира на уровне модели. Важны «неэлиминированность субъекта с любого процесса Инфомира, а также способность субъекта создавать когнитивно возможные миры, которые экземплифицируют его и наделены (частично) его картиной мира и его мотивацией» [10, 65]. Это означает, что субъект является частью Инфомира, он неотделим от него и новых смыслов, в частности, тех, которые находят выражение в знаковой форме. В ней реальность отображается не прямо, непосредственно, реалистично, а путем многочисленных интерпретаций. В качестве знака могут выступать не только потенциально обнаружены свойства предмета, но и его потенциальные особенности или отсутствие какой-либо из его признаков.

Ситуация, которая направляет социум на технологический прогресс и экономическую эффективность, обусловила радикальное изменение способов кодирования, хранения и трансляции информации, а также существенное преобразование самой коммуникации. В качестве наиболее эффективного в современном обществе выступает цифровой принцип кодификации информации, существующей как комплекс взаимосвязанных узлов, содержание каждого из которых зависит от характера конкретной сетевой структуры. «Сетевая культура» предстает полностью детерминированным способом кодирования информации, где сообщение выступает как «раскодирование среды, поскольку медиасистема настолько гибкая, что адаптирована для послания любого сообщения любой аудитории» [7, 44].

Сущностные различия между культурой письменности (модерна) и культурой постмодерна, воплощением которой стала «электронная Сеть», были отмечены в работе Ж. Делеза и Ф. Гваттари «Ризома» [13]. Культуры, которые имели горизонтально-вертикальную иерархию, авторы назвали «деревянными». Те культурные системы, структуры которых лишены регулярности, которая позволяет прогнозировать их развитие, и опираются на хаос, беспорядок, случайность как ведущие принципы организации, упомянуты как «ризоматические». Все существующие в ризоматических системах смыслы — автономные, или взаимодействующие между собой, и порождаемые этими смыслами модели выступают на разных уровнях, плоскостях и подлежат другому, децентрализованному, возможно, более универсальному принципу структурирования реальности. Их характерными особенностями, согласно Ж. Делезу и Ф. Гваттари, выступают принципы связи, гетерогенности и множественности как совокупность различных (разнородных) элементов, объединенных в «едином модусе нелинейной процессуальности» [13, 39]. В частности, известный немецкий философ-постмодернист П. Козловски, изучая противопоставление современной социальности, видит сущность имеющихся изменений в переходе от эмпирической трактовки человеческого «Я» как функции общества к «субстанциональному» его толкованию как «пневмы» (души), принятие «как данности космоса самоценной жизни и отказа от инструментальной трактовки природы (в том числе и человеческой)» [7, 65].

Отказ от «линейной логики» и принятие «номадического» движения как основного ризоматического принципа означали возможность восприятия флуктуаций (непредсказуемых и часто случайных) как основы принципиально новых информационных образований.

В результате традиционное социокультурное пространство, которое выступало сегментированным, радиальным, центробежным, уступает недифференцированным структурам с принципиальным отсутствием иерархичности и линейной детерминированности процессов и явлений. Если классическая социальная и культурная реальность структурировалась вокруг непрерывного поиска «единого», «бытия», «первоосновы», то постклассическая демонстрирует отсутствие «генетической основы как глубинной структуры и изна-

чально предполагает гетерогенность, антигенеалогичность, темпоральную изменчивость» [7, 47]. Ведущим становится принцип множественности, уравнивания — семантического и аксиологического — всех имеющихся в культуре компонентов (мировоззрения, мироощущения, мировосприятия), которые проецируются также на искусство, науку, политику, философию.

Важным в данном аспекте является изменение мышления индивида, которое функционирует в предельно интенсивном режиме, в моделях социальной жизни, формируя новый структурно-типологический подход к пониманию современности. «Подвижность и хрупкость реальности настолько сближают ее с иллюзией, что может претендовать на достоверность», — отмечает Н.М. Емельянова [5, 85]. В частности, одной из самых важных функциональных составляющих современной социокультурной реальности является ее органическая способность адаптировать человека к различным условиям существования и гармонизировать ее отношение с социумом, образуя иллюзию естественного решения всех проблем экзистенциального характера. В контексте воздействий информационных технологий возникает ситуация, когда меняется содержание социальности. Здесь, как отмечает Ж. Бодрийяр, восстановление из-за реконструкции «первобытной подлинности» оборачивается уничтожением реальности, а процесс доведения до «совершенного абсолюта» осуществляет и абсолютное подавление («давая нам немного, у нас забирают все») [3, 70]. Но стремление к подлинности, сохранение «первоначальной подлинности», нереализованное в принципе реконструкции формы, приводят к разрушению содержания, где, как отмечал Ж. Бодрийяр, вещь или теряет функциональность и приобретает качества «знака», или включается в контекст потребления и теряет ауру, или «выдает себя за настоящую в рамках системы, основанной вовсе не на подлинности, а на абстрактно вычисляемом знаковом отношении» [2, 62].

Отметим, что для всех форм социокультурного бытия (искусства, религии, морали и т. п.), и тем самым для всех видов и форм языка как их выражения, остается в качестве основного такое же отношение, — все они предусматривают ту же творческую силу функции мышления, хотя бы и отличной так или иначе от функции познания. Ведь все эти формы культурного существования пред-

ставляют собой постоянно возникающие миры, которые развиваются, и в них не просто находит отражение эмпирически данное; наоборот, они вызываются к жизни благодаря особому, достаточному принципу. В силу этого в каждом из этих миров «соответствующая ему основная духовная функция должна иметь возможность создать и своеобразный тип символических оформлений, хотя и не однородных с интеллектуальными символами, но все же равноценных с ними по их, в конце концов, совместному духовному первоисточнику, — по той “первобытно-основной” функции, которая должна доминировать над всеми видами открытий и основных функций, подлежащих открытию» [11, 158], — убежден Б.А. Фохт.

В свою очередь, «интеллектуальные символы» мыслятся как «репрезентации не предметов и событий, а сознательных ссылок и результатов сознания» [9], — отмечают М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорский. При этом символы, как мы уже отмечали, могут выступать и как непосредственное «определение» сознания, и «означать» то «предметно подобное», что косвенно представляет сознание. То есть за символом в аспекте конкретности сознания на самом деле ничего нет. Символы соизмеримы с пониманием, и поэтому в обращении с символом как «знаком» предусматривают «не реконструкцию денотата этого знака, а реконструкцию субъективной ситуации порождения, как денотата, так и знака, т. е. ситуацию понимания. Итак, символ предполагает необходимость очень тонкого и непростого общения с собой» [9]. Собственно, как интеллектуальный процесс, поскольку речь идет о мышлении («Я мыслю, следовательно, существую» — Р. Декарт), это «общение с собой» и обуславливает формирование интеллектуальных символов, которые порождают определенные смыслы.

Данная ситуация, на наш взгляд, является результатом новой постановки проблемы бытия в условиях Инфомира, перенос его в сферу мыслимого. И само мышление теперь получило совершенно новый смысл и ценность. Оно перестало быть «простым сопровождающим моментом бытия, его обратной стороной, простой рефлексией о нем, но открывшись в своем новом аспекте, получило теперь значение той своеобразной внутренней формы (сознания), которая определяет собой и внутреннюю форму бытия» [11, 152].

Только по-новому понятное мышление в его новой, более глубокой корреляции к порожденной Инфомиром реальности может открыть путь к пониманию той специфической формы бытия, которая открывается в языке. Благодаря ей появляется возможность понимания смысла происходящего, а также смысла символических форм бытия — социального, культурного, духовного. Без философского анализа и перехода от внутренней формы бытия, обоснованной во внутренней форме мышления, к языку как выявлению того и другого, как к манифестации бытия через начало мышления — без этой принципиально новой методологической установки проблема «символа» и производная от нее проблема «симулякр» не могут быть решены.

Подчеркнем, что данная парадигма позволила рассматривать как сумму текстов и социум, и культуру, и сознание, и бессознательное, а исследователи свое внимание стали все больше обращать на нелингвистические знаки социокультурного и социоэкономического характера, признавая каждую схематизацию реальности знаковой. Поскольку ничего не существует вне текста, а каждый индивид находится, по выражению Ж. Деррида, словно «внутри текста» [4], любое сообщение — от произведения искусства или рекламного плаката — должно иметь структуру и составляющие ее элементы, четко соответствующие закономерностям и особенностям как культурного мегатекста, так и социальных феноменов. Подобным образом культуру и ее знаки рассматривал Р. Барт в «мифология» [1], выделяя в качестве «знаков» современности бифштекс и картофель, вино и молоко, «глубинную» рекламу, моющие средства, стриптиз, астрологию, пластмассу, даже «предвыборную фотогения». Он видел в «семиотике ту науку, без взаимодействия с которой невозможно развитие массовой культуры, рекламы, средств массовой коммуникации, вообще существование коммуникативных актов и ритуалов в социуме и его сферах — политической, экономической, ценностной» [1, 237].

В концепции, предложенной Ж. Бодрийяром, единица недействительности (ненастоящести) смысла, который функционирует в социокультурной реальности, получила определение «симулякр». Как известно, философ трактует симулякры как знаки без денотатов, как знаки, автономные от референтов, а симуляцию — как создание с помощью моделей особого типа условной реальности —

гиперреальности, способной к сочетанию реальности с моделями симуляции. Здесь Ж. Бодрийяр становится последователем «теории мифа» Р. Барта, развивая его идею о недействительности мира, который наполнен вторичными смыслами.

Важно то, что в современной социальности «массовая культура» выступила как такое социокультурное образование, где многие проблемы модерна проявились в концентрированном виде, приобретая новое, принципиально другое качество. В частности, режим циркуляции «удовольствия» в рамках постмодернизма был переведен в режим циркуляции «знаков», и именно эта семиотизация сферы «сексуального» привела к ее исчезновению. Сам же человек, лишенный способов половой идентификации, превратился в транс-сексуала. Динамика этого процесса началась с осознания репрессивной роли не только сексуального «освобождения» и «эмансипации», но и самих различий, во многом моделируемых культурой. Образ «маскулинности» не является культурным идеалом, более жизненными и конкурентоспособными стали те, кто смог совместить в себе парадоксальным образом признаки обоих социальных полов, воплощая мечту человечества о «андрогинном» существе. Идея андрогинии, «примирение половой противоположности», как утверждает философ-постмодернист П. Козловски, в практике пост-современности «становится принятой, убедительной и способной отвести от фронтального противостояния преобладающей женской и преобладающей мужской культуры» [6, 101].

Следовательно, в потоке смысловых изменений «сексуальность» сегодня стала анахронизмом, она создает излишнюю энтропию, требующую сублимации. В результате «современность» представляет опыт жизни в информационных потоках, что выводит ее за пределы обычных представлений. С этой точки зрения «телесность» как опыт «структур повседневности» приобретает важное значение. Утверждение «массовой культурой» в измерениях информационно-коммуникативной реальности особенного отношения к «телесности» создает новые смыслы и новые возможности адаптации человека к разным условиям ее существования в социуме. Знаково-символический, информационный мир новой социокультурной реальности выступает в качестве своеобразной духовно-психологической практики. В ней формируется особенная сфера социальности, непосредственно связанная с потребностями жизни человека.

Литература

1. *Барт Р.* Мифологии М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. 312 с.
2. *Бодрийяр Ж.* Система вещей. М.: Рудомино, 1995. 172 с.
3. *Бодрийяр Ж.* Соблазн. М.: Ad Marginem, 2000. 318 с.
4. *Деррида Ж.* О грамматики М.: Ad Marginem, 2000. 511 с.
5. *Ємельянова Н.М.* Смыслові горизонти реальності постмодерну Філософські виміри сучасної соціальної реальності. Колективна монографія. Донецьк: ДонНУ, 2013. С. 85—105.
6. *Козловски П.* Культура постмодерна: Общественно-культурные последствия техн. развития. М.: Республика, 1997. 240 с.
7. *Костина А.В.* Массовая культура как феномен постиндустриального общества. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 253 с.
8. *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
9. *Мамардашвили М.К.* Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символической и языке. М.: Школа «Языки русской культуры». URL: <http://www.psylib.ukrweb.net/books/mamprg02/index.htm>.
10. *Меськов В.С.* Мир информации как тринитарная модель Универсума / В.С. Меськов, А.А. Мамченко // Вопросы философии. 2010. № 5. С. 57—68.
11. *Фохт Б.А.* Понятие символической формы и проблема значения в философии языка Э. Кассирера // Вопросы философии. 1998. № 8. С. 150—174.
12. *Эко У.* От Интернета к Гуттенбергу // Общество и книга: От Гуттенберга до Интернета. М.: Традиции, 2001. 280 с.
13. *Deleuze J.* Rhizome. Introduction / J. Deleuze, F. Guattari. P.: Minuit, 1976. 74 p.

References

1. *Bart R.* Mifologii M.: Izd-vo im. Sabashnikovyykh, 1996. 312 s.
2. *Bodriyyar ZH.* Sistema veshhej M.: Rudomino, 1995. 172 s.
3. *Bodriyyar ZH.* Soblazn. M.: Ad Marginem, 2000. 318 s.
4. *Derrida ZH.* O grammatologii. M.: Ad Marginem, 2000. 511 s.

5. *Emel'yanova N.M.* Smislovi gorizonti real'nosti postmodernu Filofs'ki vimiri suchasnoï sotsial'noï real'nosti. Kolektivna monografiya. Donetsk: DonNU, 2013. S. 85—105.
6. *Kozlovski P.* Kul'tura postmoderna: Obshhestvenno-kul'turnye posledstviya tekhn. razvitiya. M.: Respublika, 1997. 240 s.
7. *Kostina A.V.* Massovaya kul'tura kak fenomen postindustrial'nogo obshhestva. M.: Izd-vo LKI, 2008. 253 s.
8. *Lotman YU.M.* Vnutri myslyashhikh mirov. CHelovek — tekst — semiosfera — istoriya. M.: YAzyki russkoj kul'tury, 1996. 464 s.
9. *Mamardashvili M.K.* Simvol i soznanie. Metafizicheskie rassuzhdeniya o soznanii, simvolike i yazyke. M.: SHkola «YAzyki russkoj kul'tury». URL: <http://www.psylib.ukrweb.net/books/mamapg02/index.htm>.
10. *Mes'kov V.S.* Mir informatsii kak trinitarnaya model' Universuma / V.S. Mes'kov, A.A. Mamchenko // Voprosy filosofii. 2010. № 5. S. 57—68.
11. *Fokht B.A.* Ponyatie simvolicheskoy formy i problema znacheniya v filosofii yazyka EH. Kassirera // Voprosy filosofii. 1998. № 8. S. 150—174.
12. *EHko U.* Ot Interneta k Guttenbergu // Obshhestvo i kniga: Ot Gutenberga do Interneta. M.: Traditsii, 2001. 280 s.

А.Р. ГЕВОРКЯН

Метафизические основания смерти Бога у Ницше*

Аннотация. В статье рассматриваются основания положения Ницше о смерти Бога. Смерть Бога в своем метафизическом содержании имеет два взаимоисключающие начала: философию трагедии и крушение ценностнополагающих принципов. Автор опирается на критические исследования Вересаева и Хайдеггера. Внимание также уделяется критике концепции воли к власти, проблеме метафизичности и историчности в «философствовании молотом» Ницше,

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Геворкян А.Р. Метафизические основания смерти Бога у Ницше // Философия хозяйства. 2018. № 2. С. 140—175.

преодолению нигилизма Ницше и философии трагедии Достоевского и Ницше.

Ключевые слова: философия трагедии, метафизика, переоценка всех ценностей, историческая философия, религиозный материализм.

Abstract. The article examines the basis of Nietzsche's statement of the death of God. The death of God in its metaphysical content has two mutually exclusive foundations: the philosophy of tragedy and the collapse of basis of value. The author uses the critical studies of Veresaev and Heidegger. The article considers also criticism of the concept of the will to power, the problem of metaphysics and historicity in Nietzsche's «philosophizing with a hammer», the overcoming of Nietzsche's nihilism and the philosophy of the tragedy of Dostoevsky and Nietzsche.

Keywords: philosophy of tragedy, metaphysics, revaluation of all values, historicism, religious materialism.

УДК 101
ББК 87

В выдающейся книге В.В. Вересаева, значение которой во всей ее философской глубине недооценено вплоть до нашего времени, содержатся слова особой проникновенной значимости: «Ницше понимал, что неисчерпаемо глубокая ценность жизни и религиозный ее смысл не исчезают непременно вместе со “смертью бога”» [4, 280]. Это особенно необходимо подчеркнуть, поскольку «Живая жизнь» Вересаева по инновационному взгляду на наследие Ницше, критическому осмыслению творчества великого мыслителя, удивляет даже на фоне фундаментальных штудий Хайдеггера и Ясперса, а с другой стороны, шестовских проклятых вопросов, данных сквозь призму философии трагедии Достоевского и Ницше.

Для Вересаева «Рождение трагедии» — это не просто шедевр раннего Ницше, а стержневое произведение, определяющее собою основу его прозрений, являющееся ключом ко всему его творчеству. Именно поэтому раздел книги, посвященный Ницше, так и называется — «Аполлон и Дионис» (О Ницше). Обратимся к Вересаеву:

«Аполлон — бог *principii individuationis*, бог восприятия мира в формах времени и пространства». Под его чарами человек «возводит голое явление, создание Майи, на степень единственной и высшей реальности, ставя его на место сокровеннейшей и истинной сущности вещей». Между тем лишь прозрением именно этой «истинной сущности вещей» кладется, по Ницше, начало культуре донисовской.

Но не было человека, который бы так решительно, с такою страстною насмешкою осмеял эту «сокровеннейшую и истинную сущность вещей», как позднее именно сам Ницше.

«Понятия “по ту сторону”, “истинный мир” выдуманы, чтобы обесценить *единственный* (курсив Ницше) мир, который существует, чтобы не оставить никакой цели, никакого разума, никакой задачи для нашей земной реальности” (Ессе homo). “Кажущийся мир есть единственный: истинный мир только прилган к нему” (Сумерки идолов). В делении мира на истинный и кажущийся Ницше усматривает глубокую трусость перед жизнью, внушение декаданса, симптом нисходящей жизни» [4, 255].

Парадокс ницшевского мышления заключается в том, что поздний Ницше перерос себя как автора «Рождения трагедии», и во многом зрелый период его творчества стал возможен благодаря этому преодолению. Более того, именно последнее обстоятельство стало точкой отсчета всех его построений, и одновременно с этим Ницше никогда не выходил за пределы «Рождения трагедии», и само это преодоление стало возможным благодаря его пребыванию в данной парадигме, оказавшейся неснимаемой для него. Это противоречие антиномистического характера и лежит в основании понимания философии Ницше как некоей расщепленной целостности. Именно здесь находятся ключи к пониманию эпохального характера «смерти Бога», навсегда изменившей онтологическую картину мира. Сам Ницше теоретически рассматривал «смерть Бога» как практическую необходимость для перехода человека на иной уровень бытия. «Абсолютная перемена, наступающая с отрицанием Бога —

Нет больше абсолютно никакого владыки над нами; прежний мир, мир оценок — теологичен, и он опрокинут, —

Короче: нет никакой высшей инстанции: там, где возможен Бог, мы сами и суть Бог...

И мы должны приписать себе атрибуты, которые приписывали Богу...» [11, 191].

Суть сказанного сводится к следующему. Ницше оказался барометром тектонических сдвигов в истории человечества в период радикального изменения всех сфер его жизнедеятельности. Эти изменения не только носили глобальный характер, но и должны были вывести человека на новый онтологический уровень, где впервые были бы актуализированы заданные в нем божественные потенции. «Образ Божий осуществляется в человеке не только трансцендентностью его духа, отрицательной абсолютностью, но и положительной сопричастностью тайне Божества... Человеку присуще стремление к абсолютному творчеству, по образу Божию» [3, 244—243].

Процесс этого изменения изначально имел сложный и противоречивый характер. Высшее подтверждение антропоцентризма возможно было только через его снятие. Антропоцентризм или должен был перейти в историоцентризм, или же, болезненным образом остановившись на нигилизме, раствориться в нем. В последнем случае полностью выветривалось историческое сознание как таковое, и игра теней в обезбоженном, десакрализованном мире приобретала характер самодостаточного начала, наделенного атрибутами смыслополагающего принципа. Величие Ницше как раз и дано в том, что в нем и через него оказалось возможным преодолеть нигилизм, во многом благодаря чему и реализовался выход на новые рубежи религиозного осмысления ценностно поверженной и заново онтологизируемой реальности. Пребывание Ницше в нигилизме как необходимой заданности на его преодоление и «снятие» изнутри парадоксальным образом свели воедино историческую необходимость реанимируемой историчности с претензией на тотальность, и отсутствие принципа историзма в духовных координатах самого Ницше. Последнее обстоятельство приводит к неадекватному пониманию феномена Ницше, как его выпадению из исторической философии полностью, и как следствие, его отождествлению с нигилизмом. «Если в сокровенных тайниках воспитательского искусства найдется место и совращению, как крайне рискованному и все же при случае незаменимому средству, то опыт Фридриха Ницше окажется просто бесценным. Ибо, как никто, он учит утверждать через отрицание, принимать через отказ, любить через

ненависть. “Вы еще не искали себя, когда нашли меня...” Сворачивание вырастает здесь до подвижничества; он сворачивал, отвращая, — от безличности, стадности, серости, любого рода идолопоклонства к поиску самих себя, и если путь к себе — в разрезе как личных судеб, так и судеб всей культуры — лежал через нигилизм, то надо было пройти и это страшное испытание, чтобы числиться у Господа Бога уже не в “дураках”, а — в сотрудниках» [12, 90)].

Однако можно ли будет полностью согласиться с таким пониманием Ницше как ниспровергателя изживших себя ценностных установок нигилизма и соответственно борца с ним? Отсюда следует — можно ли будет положение Ницше о «смерти Бога» сводить только к ниспровержению ценностных подходов и выводить их отсюда.

Со всей определенностью надо сказать, что Ницше не может быть сведен только к роли ниспровергателя ценностных установок как таковых, для которого истина не есть нечто существующее и что соответственно ее не только надо найти и открыть, но и создать. Если однозначно встать на эту точку зрения, то придется тогда иметь дело с так называемым стилизованным христианством, т. е. вслед за «воцерковленной» стилизацией Достоевского свести на нет философию трагедии и Достоевского и Ницше. Здесь, скорее всего, условно можно говорить о так называемых объективных причинах деятельности Ницше как катализатора и симптоматика, барометра наступающих, неслыханных доселе катаклизмов в мировой истории, с другой стороны, необходимо рассмотреть духовные интенции Ницше, которые не только не шли в унисон первой тенденции, но оказывались в разрез с ней, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Ницше не только не искал Бога, но был убежден, что «смерть Бога» является чем-то совершенно необходимым для реализации божественного в человеке. Без этого предварительного условия ни о какой божественности, разлитой в мире и находящейся в человеке, и речи быть не может. Ницше в своем беспощадном разрушении изживших себя установочных начал дошел до предельных оснований бытия, и перед ним раскрылись как безграничные возможности божественного одухотворения всего и вся, так и бескрайняя бездна, не только уводящая бытие в небытие, но и делающая возможным

совершенно немислимое: переход ничто — меона — в ничто — укон. Исключительно глубокий анализ этому феномену, стоящему у истоков философии трагедии, дал Булгаков: «Эта “тьма кромешная”, голая потенциальность, в подполье тварности есть как бы второй центр (лжецентр) бытия, соперничающий с Солнцем мира, источником полноты его, и для героев подполья он имеет своеобразное притяжение, вызывает в них иррациональную, слепую волю к ничто, головокружительное стремление в бездну, подобное которому ощущается, если смотришь вниз с большой высоты» [3, 165)]. Обратимся снова к Вересаеву: «Боец бьется не за победу, а только за то, чтобы погибнуть со знаменем в руке... Вот оно, высшее мужество, — мужество трагического философа! Заглянуть ужасу в самые глаза и не сморгнуть» [4, 29, 264]. Казалось, что нового можно дать в понимании философии трагедии Достоевского и Ницше после Шестова? Но если даже согласиться с подобным утверждением, сказанное не имеет отношения к Вересаеву! Вновь последуем за ним. «Достоевский последовательнее Ницше. Он готов откровенно заявить: к черту гармонию! Не верю я в нее и не хочу для себя, — пусть она остается aux animaux domestiques.

Но Ницше отказаться от гармонии не хочет. А от бездн отказаться не может. И вот свои декадентские, дисгармонические переживания он старается втиснуть в царство гармонии, старается уверить себя, что они могут войти составною частью в гармонию, что узаконение дисгармонических переживаний души и есть высшее утверждение жизни.

Однако обоняние было у Ницше очень хорошее. “Мой гений в моих ноздрях”, — говорил он. И тонкие ноздри его ясно ощущали запах гнили и распада, идущий от той свободы, по которой томился Достоевский... Лучше было бы Ницше, для личного его благополучия, остаться, подобно Достоевскому, при самом себе и пытаться найти правду жизни, исходя из своего больного, упадочного “нутра”. Но Ницше — это Достоевский, проклявший свое нутро и отвернувшийся от него, — “смешной человек”, увидевший сон третьего ноября. Зачем смешному человеку видеть подобные сны? Не лучше ли сейчас же забыть о них, как сделал Достоевский? После такого сна смешной человек не захочет идти по доступному ему пути, а вечно будет рваться на путь, для него закрытый.

И тогда случится страшное» [4, 265, 281].

И Достоевский, и Ницше прозревают будущее. Более того, оно также доступно их ясновидящему взгляду, как и христианским провидцам. Однако лицемерие гармонии мира, какой она была и какой еще будет, приводит Достоевского и Ницше не к утверждению, а к отрицанию жизни. Причем это отрицание жизни дано во всей своей метафизической значимости. Именно через философию трагедии, и в первую очередь философию трагедии Достоевского и Ницше, «это ничто потенциализируется чрез человеческую свободу, и бездна раскроется» [3, 175].

Здесь нет никакого «пессимизма силы», якобы альтернативного по отношению к «пессимизму слабости» Шопенгауэра. Все это есть блистательная, но на пустом месте выстроенная мифологема Хайдеггера. Философия трагедии Ницше, единая в тандеме с Достоевским, никак не связана с метафизическим пессимизмом Шопенгауэра и ф. Гартмана. В философии трагедии буйство и экзальтация дионисийства даны сквозь призму аполлонически ясного взгляда, осознающего всю трагичность «несовместимости контрастов жителя», со всеми вытекающими отсюда последствиями. Жажда жизни, которая при таких духовных установках реализованной быть не может, уходит в пучину небытия под величественные аккорды музыки Вагнера и Берлиоза. Здесь во всей своей метафизической глубине становится действенной парадигма шекспировского Гамлета, парадигма, которая стоит у истоков новоевропейского стоицизма философии трагедии. Или гибель, или победа любой ценой. Но и победа есть гибель. Тем самым, метафизический бунт в своей тотальности завершается погружением в вечную абсолютную смерть.

Таким образом, применимо к Ницше необходимо констатировать два равновозможных и равновеликих основания «смерти Бога». Более того, и философия трагедии, и крушение ценностнополагающих принципов посредством философского молота только совместным образом образуют метафизические основания положения о «смерти Бога». Попытка представить «смерть Бога» или через философию трагедии, или только имея в виду крушение ценностнополагающих начал, выход на новый уровень бытия, в одинаковой степени неадекватны, поскольку выдают частное за общее.

В связи со сказанным надо также остановиться на еще одном вопросе. В деле философствования молотом радикализм Ницше превзошел и марксизм, и либерализм. Марксизм, неразрывно связанный с гегельянством, поднял на щит принцип историзма. Однако чрезмерное увлечение марксизма просвещенческой парадигмой и «партийный подход» к материализму, если и не свели полностью на нет возможности исторического подхода, то под невольным влиянием либерализма (чему способствовал материализм обоих) произошла путаница понятий развития и прогресса, что в принципе не могло не ослабить позиции марксизма в понимании историзма как основополагающего принципа. Вместе с тем надо заметить, что марксизм не только никогда не порывал со своими гегелевскими корнями, но и оказался самым выдающимся феноменом исторической философии, вышедшим из гегельянства. Нет никакого сомнения, что в самой Германии в стане младогегельянцев не было никого, кто смог бы выступить реальной альтернативой по отношению к мировой значимости марксизма.

Однако духовные установки марксизма, основанные на воинствующем материализме и стремлении соединить несоединимое — германский классический идеализм и французское просвещение — сделали свое дело. Именно в силу данных обстоятельств исторические импульсы, произведшие переворот в духовной и материальной сферах жизнедеятельности человечества в доселе невиданных масштабах, постепенно стали притупляться, и даже затухать. Данное обстоятельство свидетельствовало о том, что принцип историзма дальше не мог уже развиваться на почве материализма, даже с учетом того, что сам марксизм был перевернутой формой теологического сознания спекулятивных построений абсолютного идеализма.

Что касается либерализма, то там никаких особенных и возвышенных исторических конструкций не было никогда. Либерализм прошел мимо исторической философии Шеллинга и Гегеля, и сложные исторические процессы развития не оказались в центре внимания его теоретической мысли. Поэтому изначально место исторического развития было заменено идеей прогресса, привнесенной из научно-технической сферы, но претендующей на всеохватность метафизического характера, при принципиальной недопустимости метафизики как таковой. Рано или поздно такое неприятие

истории, как духовный феномен аисторизма и антиисторизма, должно было завершиться «постисторичностью» и «отменой истории», что и имело место на стыке XX и XXI вв.

Что касается Ницше, то вся история уместается у него в эсхатологизм наизнанку. Ницше, по-манихейски впусивший в себя нигилизм, и изживший его в себе, трансформировавший разрушительную стихию в созидательную силу, был движим историческими импульсами выхода на новый онтологический уровень. Отсюда крайняя нетерпимость, и даже фанатизм и фундаментализм, проявляемые им в крушении ценностнополагающих оснований. Казус Ницше настолько феноменален, что его необходимо понимать по принципу «все, или ничего!». По крайней мере, степень радикализма Ницше приобретает качественный характер. А это значит, что Ницше уже находится по ту сторону секулярного способа жизнепонимания вообще, и перед ним открываются совершенно новые горизонты исторической реальности, от которой уже нет возврата в прошлое.

Ницше оказался у тех предельных оснований, когда секулярная культура данная даже в своем наиболее широком понимании, перешагнуть эту пропасть уже не может. Дальше маячат новые горизонты, где впервые религиозные принципы, освобожденные от прежних ценностных пут, предвзвешивают собою небывалую в истории зрелость и возможности, которые перед нею открываются в силу именно этой зрелости. Сам Ницше в это новое царство не вступает, но он его все-таки не только провидит, но и по-своему приближает, несмотря на все богоборческие позывы своей души. Трагедия Ницше неразрывно связана с трагедией мучительного становления истории, ее восходящего развития, сквозь спады и катастрофические откаты назад. Об этом с особой проникновенностью сказано у Булгакова: «Вся человеческая история после Христа, во всей ее изломанной и причудливой диалектике, есть в существе своем христианская история, связанная со Христовой Церковью, как своей внутренней целепричинностью... Вся история человечества после Христа направляется по новой магистрали, в силу такого динамического панхристизма» [1, 445, 448].

Именно «новая магистраль как следствие динамического панхристизма» во всем своем драматизме лежит в основании «смерти

Бога» Ницше, который, став трагическим глашатаем глобальных катаклизмов, не вступил в новое состояние грядущего религиозного преображения, но и не вернулся обратно в прошлое. Борясь с полумерами и будучи радикальным до мозга костей, он не принял радикальные последствия прихода будущего, оставшись верным своему радикализму до конца.

Резюмируя вышесказанное, надо еще раз констатировать следующее. Несмотря на весь грандиозный и в своем роде неповторимый масштаб деятельности, не имеющей себе равных в истории, марксизм не выходил за пределы ценностнополагающих основ бытия и в каком-то смысле тщетно пытался «вливать вина молодого в мехи ветхие» (Мк. 2:22). Что касается либерализма, то его историческое появление, ознаменовавшее собою наступление антропоцентризма Нового времени на стыке XV—XVI вв., уже было поражено кризисом ценностнополагающего принципа, в котором Бог был гарантом этого самого принципа, и в конечном счете в этом духовном измерении сам превратился в «высшую ценность», выступая в качестве оберегателя ценностноцементирующих основ бытия как таковых. Симптоматика этого кризиса успела поразить уже позднее Средневековье и плачевно сказаться на судьбе исторического христианства. Применимо к антропоцентризму Нового времени и его главной составляющей — либерализма — надо сказать, что все это даже в самых лучших формах своего проявления изначально было поражено болезнью деонтологизации бытия.

Из всей этой парадигмы Ницше было предуготовлено выпасть самым удивительным образом. Ницше действительно стоял по ту сторону от ценностных принципов не только антропоцентризма, но и теоцентризма. Перед Ницше открылись две возможности, взаимоисключающие друг друга, но единые для него, и он так и не сделал окончательного выбора в ту или иную сторону. Метафизический бунт означал принятие в своей конечности философии трагедии, онтологическая неопределенность предполагала тотальность грядущего, совершенно иного способа миропонимания и мироприятия. Ницше оказался обреченным навсегда застрять между ними и не примкнул ни к одному из этих берегов.

Теперь обратимся к положению Ницше о «смерти Бога».

«Безумный человек. Слышали ли вы о том безумном человеке, который в светлый полдень зажег фонарь, выбежал на рынок и все время кричал: “Я ищущу Бога! Я ищущу Бога!” — Поскольку там собрались как раз многие из тех, кто не верил в Бога, вокруг него раздался хохот. Он что, пропал? — сказал один. Он заблудился, как ребенок, — сказал другой. Или спрятался? Боится ли он нас? Пустился ли он в плавание? эмигрировал? — так кричали и смеялись они вперемешку. Тогда безумец вбежал в толпу и пронзил их своим взглядом. “Где Бог?” — воскликнул он. — Я хочу сказать вам это! Мы его убили — вы и я! Мы все его убийцы! Но как мы сделали это? Как удалось нам выпить море? Кто дал нам губку, чтобы стереть краску со всего горизонта? Что сделали мы, оторвав эту землю от ее солнца? Куда теперь движется она? Куда движемся мы? Прочь от всех солнц? Не падаем ли мы непрерывно? Назад, в сторону, вперед, во всех направлениях? Есть ли еще верх и низ? Не блуждаем ли мы словно в бесконечном Ничто? Не дышит ли на нас пустое пространство? Не стало ли холоднее? Не наступает ли все сильнее и больше ночь? Не приходится ли среди бела дня зажигать фонарь? Разве мы не слышим еще шума могильщиков, погребаяющих Бога? Разве не доносится до нас запах божественного тления? — и Боги истлевают! Бог умер! Бог не воскреснет! И мы его убили! Как утешимся мы, убийцы из убийц! Самое святое и могущественное Существо, какое только было в мире, истекло кровью под нашими ножами — кто смоет с нас эту кровь? Какой водой можем мы очиститься? Какие искупительные празднества, какие священные игры нужно будет придумать? Разве величие этого дела не слишком велико для нас? Не должны ли мы сами обратиться в богов, чтобы оказаться достойными его? Никогда не было совершено дела более великого, и кто родится после нас, будет, благодаря этому деянию, принадлежать к истории высшей, чем вся прежняя история!” — Здесь замолчал безумный человек и снова стал глядеть на своих слушателей; молчали и они, удивленно глядя на него. Наконец, он бросил свой фонарь на землю, так что тот разбился вдребезги и погас. “Я пришел слишком рано, — сказал он тогда, — мой час еще не пробил. Это чудовищное событие еще в пути и идет к нам — весть о нем не дошла еще до человеческих ушей. Молнии и грому нужно время, свету звезд нужно время, деяниям нужно время, после того

как они уже совершены, чтобы их увидели и услышали. Это деяние пока еще дальше от вас, чем самые отдаленные светила, — и все-таки вы совершили его!” — Рассказывают еще, что в тот же день безумный человек ходил по различным церквам и пел в них свой *Requiem aeternam deo*. Его выгоняли и призывали к ответу, а он ладил все одно и то же: “Чем же еще являются эти церкви, если не могилами и надгробиями Бога?”» [10, 592—593].

Если попытаться понять феномен Ницше не сквозь призму социологизированного биологизаторства так называемого сверхчеловека, т. е. не в парадигме пресловутого ницшеанства, то именно через потенцирование метафизики и производится онтологическое переосмысление сущности сущего с выходом на новый уровень миропонимания. Ницшевское «Бог умер!» — это приговор всем без исключения ценностным установкам предыдущей философии, вместе с которыми рухнули все остальные основания старого мира. Через осмысление «смерти Бога» прорываются метафизические импульсы, которым суждено было расширить горизонты историчности в совершенно новом качественном их измерении. Нельзя не согласиться с Ясперсом, что тотальность исторического сознания для Ницше не менее очевидна, чем для самого Гегеля.

«Перевес имеют даваемые Ницше позитивные оценки собственно исторического. Он развивает возможность исторического чувства в нашу эпоху, которая ставит задачу выйти за рамки пришедших к окончательному завершению оригинальных национальных культур и при помощи культуры сравнения обосновать некое новое вот-бытие... Ядро притязаний Ницше вопреки всем его разоблачениям губительного воздействия изолирующего самое себя исторического сознания, вопреки его позиции, с которой прошлое временами казалось ему лишь оковами, образует страстная привязанность к истории» [17, 343, 344].

Вслед за Ясперсом необходимо выделить следующие три аспекта видения исторического процесса у Ницше. Его созерцание исторической действительности и выявление действительности историчности в ее значении для жизни, и, наконец, проникновение в основание современной эпохи суть нечто определяющее, смыслополагающее для всей его исторической мысли. Основанием рефлексии Ницше является «осознанная бестрансцендентность его

философии» (замечательное определение Ясперса). Только принимая в качестве базисного принципа «осознанную бестрансцендентность ницшевской философии» можно будет понять, насколько удалось Ницше раздвинуть горизонты историчности и одновременно разрушить метод исторического познания, основанного на старых ценностнополагающих установках.

Для Ницше позитивность феноменального мира в онтологическом отношении совершенно самодостаточна, поскольку нет и быть не может другого бытия как второго мира. Отсюда следует отказ Ницше от трансцендентного и от трансцендентальных структур для его измерения. Центральным в понимании философии Ницше и особенно его видения историчности как опредмечивания бытия для субъекта как сущего является его метафизическое положение о смерти Бога. «Слова эти не значат того же, как если бы кто-либо, отрекаясь от Бога и подло ненавидя его, говорил, — Бога нет. Слова эти означают нечто куда худшее: Бога убили. И только тогда наружу выходит решающая мысль. Между тем это лишь затрудняет понимание. Потому что раньше эти слова — “Бог мертв” — можно было понимать и в смысле объявления — объявления о том, что Бог сам по себе удалился из своего живого наличного присутствия. Но вот что Бог был убит другими, притом людьми, — вот что невысказано. Ницше сам же и удивляется такой мысли. Только потому безумец у него и спрашивает непосредственно после того, как произнес решающие слова: “Мы его убили — вы и я! Все мы его убийцы!” — только потому он и спрашивает: “Но как мы его убили?” Ницше поясняет этот вопрос, повторяя его в виде перифразы, в трех образах: “Как сумели исчерпать глубины морские? Кто дал нам губку, чтобы стереть весь небосвод? Что творили мы, отцепляя Землю от Солнца?”

На последний из вопросов мы можем ответить так: что творили люди, отцепляя Землю от Солнца, о том говорит нам история Европы трех с половиной последних веков. Однако что же совершилось в основании всей этой истории с сущим? Говоря о сопряженности Солнца и Земли, Ницше думает не только о произведенном Коперником перевороте в постижении природы в новое время. “Солнце” одновременно напоминает нам и притчу Платонову. Солнце и вся сфера солнечного света в этой притче — это тот круг,

в котором сущее является таким, каким оно выглядит, таким, каков его вид (идея). Итак, Солнце образует и ограничивает горизонт, в котором сущее являет себя как таковое. “Небосвод” — он подразумевает сверхчувственный мир как мир истинно сущий. Это же одновременно и целое, которое окружает собою все и все погружает в себя словно море. Земля как местопребывание человека теперь отцеплена от Солнца. Сфера сверхчувственного — сущего само по себе уже не стоит над головами людей как задающий меру свет. Весь небосвод стерт. Целое сущего как такового, море, до дна испито людьми. Ибо человек восстал вовнутрь яйности, свойственной его cogito. По мере восставания все сущее становится представлением — предметом. До конца испитое, сущее опрокинуто теперь как объективное вовнутрь присущей субъективности имманентности. Теперь горизонт уже не светится сам собою. Теперь он лишь точка зрения, полагаемая ценностными полаганиями воли к власти.

Пользуясь нитью трех образов, — Солнце, небосвод, море, — они для мышления, как можно предположить, далеко не только образы, — три вопроса разъясняют нам, что же подразумевается этим совершением, убиением Бога. Убивать — этим подразумевается здесь устранение людьми сущего само по себе сверхчувственного мира. *Убивать — этим словом наименовано здесь событие, в котором сущее как таковое не уничтожается, вообще и без остатка, но становится иным в своем бытии. В этом событии иным становится и человек, и прежде всего человек. Он становится тем, кто устраняет сущее в смысле сущего само по себе.* Восставание человека вовнутрь субъективности превращает сущее в предстояние — в предмет. Предстоящее же — это то, что остановлено представлением. Устранение сущего самого по себе, убиение Бога — все это совершается в обеспечении постоянного состава, заручаясь которым человек обеспечивает себе вещественный, телесный, душевный и духовный наличные составы, и все это ради своей собственной удостоверяющейся уверенности — она волит господство над сущим как возможной предметностью, чтобы соответствовать бытию сущего — воле к власти» [15, 170—171].

Если и говорить о метафизике в отношении к Ницше как о попытке такого философского осмысления сущности бытия, то только применимо к положению о смерти Бога. Вся мощь его мета-

физического мышления сконцентрировалась вокруг этого вопроса. Однако, на наш взгляд, вряд ли адекватно проблему «смерти Бога» в его метафизической значимости сводить наподобие Хайдеггеру к воле к власти как новому принципу бытия сущего, данного в его субъективности. Скорее наоборот: воля к власти как нечто конечное и завершающее уводит от метафизического понимания «смерти Бога». Но в одном необходимо полностью согласиться с Хайдеггером. Именно три вопроса раскрывают сакральный характер содеянного человеком преступления — убийства Бога. Для раскрытия сказанного необходимо привести замечательные слова Шюре: «Египетские жрецы, по словам греческих авторов, владели тремя способами объяснять свою мысль. Первый способ был ясный и простой, второй символический и образный, третий священный и иероглифический» [16, 146].

Первое — то, что может быть названо ясным и простым способом понимания. Речь идет о смерти Бога в координатах культуры, которая, придя на смену воцерковленному средневековому мирозерцанию, только в случае смерти Бога в состоянии абсолютизировать свою самостоятельность, которая ни в каком другом измерении бытия, кроме обезбоженного, не может претендовать на такую онтологизацию собственного статуса. Данное обстоятельство оказывается роковым в силу того, что уже в предыдущую эпоху происходит постепенное обесценивание сущности Бога, предвещающее его трансформацию в высшего гаранта ценностного принципа бытия. Красной нитью проходит все большая и большая платонизация христианского мировоззрения, доводя до состояния антагонизма разницу между «горним» и «дольним» мирами. И здесь равным счетом никакого значения не имеют философские пристрастия, проявляемые то к Платону, то к Аристотелю. Платонова линия на обесценивание посюстороннего мира при любом философском выборе остается неизменной. С другой стороны, пришедшая на смену Средневековой ренессансно-просвещенческой культуре отнимает Царствие Божие у человека, сводит на нет саму возможность его существования. Тем самым она выворачивает наизнанку Платонов дуализм. Обесценивание посюстороннего мира оборачивается таким же неприятием на сей раз в отношении потустороннего мира. Вследствие такой метаморфозы ценностное полагание Бога оказывается

необходимым для выстраивания ценностной иерархии в деонтологизированном мире.

В обоих случаях «смерть Бога» оказывается историческим тупиком. Выход из него был возможен или путем нового осмысления христианства через возврат к его истокам, или же окончательной секуляризацией мысли, претендующей на тотальное господство. Наиболее глубоко эти сентенции секулярной мысли воплотились в историческом материализме. В первом случае Бог должен был стать не на словах, а на деле «Богом живых, а не мертвых», во втором «смерть Бога» оборачивалась его отсутствием в мироздании и в жизни людей.

Второе — символический и образный способ понимания. Речь идет о столкновении геоцентрической, птолемеевской системы с системой гелиоцентрической, коперниковской. Весь драматизм данного события был обусловлен тем обстоятельством, что столкнулись два типа миропонимания находящегося на разных онтологических уровнях и соответственно объясняющего два мира, которые на том этапе истории не имели отношения друг к другу. Более того, в развернувшейся идейной борьбе правота одного миропонимания подтверждалась полнейшим опровержением другого. Геоцентрическая система Птолемея при всех потугах ее сторонников выдать ее за физическую картину мира реально никогда не являлась таковой. Вся значимость, все величие Птолемея геоцентризма были даны в его метафизичности. Именно в ней обосновывалась богоизбранность человека. Метафизически должна быть понята и центральность Земли во Вселенной, ибо данное свойство ей приписывалось в силу пребывания человека там, а не где-нибудь в другом месте. Поэтому определяющим фактором этой уникальности планеты была неразрывная связь человека с нею. Таким образом, проблема особого статуса Земли во Вселенной оказалась неразрывно связанной с особостью человека, и вне антропологической парадигмы не могла быть рассмотрена. Даже понятая космологически Птолемея картина мира не переставала быть антропологической в своем основании.

Что касается гелиоцентрической системы Коперника, то она, скорректировав физическую картину мира, ударила в метафизическом плане по геоцентризму Птолемея. Трудно переоценить значе-

ние научного переворота, совершенного Коперником. Но весь драматизм, и даже трагизм исторического момента, был дан в том, что Птолемево учение было опровергнуто именно в своей метафизичности, хотя удар, казалось бы, наносился по физической части. В результате, выражаясь словами Ницше, Земля действительно была отцеплена от Солнца. Человек оказался в деонтологизированном мире, в координатах которого и наступила смерть Бога. Здесь необходимо привести очень важную мысль Вернера Гейзенберга: «Так ли уж важно для христианского сообщества было то, что Коперник истолковывал некоторые данные астрономических наблюдений иначе, чем Птолемей? Собственно говоря, для практической жизни отдельного христианина могло бы быть совершенно все равно, есть на небе хрустальные сферы или нет, вращаются или нет луны вокруг планеты Юпитер, стоит ли в центре мироздания Земля или Солнце. Для него, отдельного человека, Земля так или иначе всегда занимает центральное место, она — его жизненное пространство. И все-таки, если посмотреть на дело с другой стороны, тут для христианина далеко не все равно. Еще два века спустя Гете с ужасом и изумлением говорил о тех жертвах, которых потребовало признание коперниканского учения. Сам он лишь с неохотой принес эти жертвы, хотя убедил себя в правильности названного учения. Наверное, уже у судей римской инквизиции, осознанно или неосознанно, шевельнулось подозрение, что галилеевское естествознание может вызвать опасное изменение духовной ориентации. Конечно, они тоже не могли отрицать, что такие естествоиспытатели, как Галилей и Кеплер, вскрывшие за явлениями математические структуры, позволяют увидеть частные упорядоченные системы внутри общего божественного миропорядка. Но как раз эти ослепительные частные прозрения могли затуманить взгляд на целое; из-за них в той мере, в какой взаимосвязь целого ускользала от сознания отдельной личности, могло пострадать и живое сцепление человеческого сообщества, пошатнувшись вплоть до распада. Вместе с подменой естественных условий жизни технически организованными процессами укореняется то отчуждение между индивидом и сообществом, которое влечет за собою опасную нестабильность социума. Один монах в пьесе Бертольда Брехта “Галилей” говорит: “Декрет против Коперника открыл мне, какую опасность для человечества таит в себе

слишком свободное исследование?”. Действительно ли уже тогда этот мотив играл определенную роль, мы не знаем; но мы узнали за протекшее время, насколько велика эта опасность» [6, 264].

То, что Гейзенберг называет «опасной нестабильностью социума», осознание чего становится достоянием сознания последнего времени, есть не что иное, как изменение метафизического статуса человека в мироздании, да и самого мироздания. В тотально деонтологизированном мире не нашлось места для Бога. Провозвестником грядущей катастрофы стало крушение геоцентрической системы Птолемея.

Однако в гелиоцентризме Коперника его сторонники просмотрели его метафизичность, что во многом было обусловлено исторической незрелостью данного времени. На самом деле метафизическая сторона Коперникова учения была призвана раскрыть совершенно новые горизонты христианского миропонимания, что должно было быть понято в более поздние эпохи. Здесь необходимо привести интересную мысль Шюре о Дарвине: «Дарвин положил конец младенческому представлению первобытной теологии о сотворении мира. В этом отношении он только вернулся к идеям древней Теософии» [16, 10].

Сказанное о Дарвине в полной мере должно быть отнесено к Копернику. Коперник, так же как и Дарвин, был проинтерпретирован в материалистическом духе в силу исторической незрелости наличного религиозного сознания, оказавшегося не в состоянии уйти от псевдовоцерковленной набожности, предрассудков и мифологем. Так же как теория эволюционизма не может вечно противостоять креационизму, борьба геоцентризма и гелиоцентризма не может быть законсервирована на все оставшиеся времена. Попытка синтеза для достижения цельности знания есть требование полноты религиозного сознания, а также необходимости выстраивания новых научных систем ценностей на базе метафизически осмысленных предельных оснований бытия.

Фундаментальное освоение Коперника христианской мыслью оказалось связанным с идеей активного христианского эволюционизма и в первую очередь связано с именем Н.Ф. Федорова и его «Философией Общего Дела». Федоров настолько категоричен в своем приятии коперниковского мировоззрения, что по его реше-

тельному разумению оно должно быть действительным отцетворением, воскрешением, в чем и должно найти свое разрешение противоречие между знанием и искусством. Исходя из этого положения, Федоров делает очень важные выводы о коперниканстве в целом. По разумению Федорова, коперниканская архитектура, или храм, наибольшее сходство имеет с самой первой постройкой человека, т. е. с его телом как следствием восстания человека и вертикальным его положением, когда он лицом обращается к небу. Далее Федоров полагает, что коперниковское воззрение может быть доказано осязательно лишь в том случае, если люди смогут приобрести способности жить вне Земли, во всей Вселенной. Обладая способностями не только посетить, но и населить Вселенную как таковую, люди воочию убедятся, что окружающий нас мир не является кажимостью, а адекватен коперниковской гелиоцентрической системе. Если коперниканское мировоззрение определяется Федоровым как действительное воскрешение, то в сравнительном ракурсе с ним птолемееское мировоззрение, как оно выражается в искусстве — в храме с его службами, является мнимой патрофикацией неба.

Однако Федоров, может, как никто другой, вскрывает содержательную сторону также и Птолемея учения. Более того, именно Федорову принадлежит открытие о том, что понятие «мироздание» относится не к Коперниковой, а к Птолемеевой системе ценностей. По Федорову, небо не есть совокупность миров или звезд, а один свод, у которого помостом служит Земля. Отсюда и определение идей Птолемея как идей храмовых и архитектурных. Для мыслителя, полностью поглощенного проблемами человека, пытающегося направить философию в проективное русло решения вселенских задач, стоящих перед человеком, Птолемея, по определению, был бесконечно близок ему по духу. Федорова сближает с Птолемеем прежде всего понимание центральности человека во всем мироздании, которое в каком-то смысле действительно создано специально для него, где ему суждено быть садовником Бога и самому стать тварным богом. И в этом сакральном, библейском смысле Земля как местопребывание человека совершенно адекватно ему является центром Вселенной. Федоров вплотную подходит к идее мира не законченного, но в определенном смысле зависящего от того, что делают люди в нем и думают о нем. Уже такая постановка вопроса

ставила на повестку дня необходимость синтеза метафизической системы Птолемея с физической системой Коперника, вернее выявления в последней до этого нераскрытых метафизических потенций. Если во всей Вселенной, как полагает Федоров, не было ничего, кроме земного, то для человека, которому природа отнюдь не преподносит блага в готовом виде, заставляя его трудиться в поте лица, распространение земного на всю Вселенную будет лишь распространением пределов его собственного существования. Синтез птолемеевского и коперниковского взглядов наглядно иллюстрирует храм как проекцию мира, поскольку внутри он изображает геоцентризм Птолемея, а вовне — гелиоцентризм Коперника. «Если храм птолемеевского искусства, будучи подобием мироздания, как оно представляется нашим внешним чувствам, если этот сравнительно малый до ничтожества храм, но одушевляемый внутренним чувством, по своему глубокому смыслу, по духу оказывается несравненно выше вселенной, то в коперниканском искусстве внутреннее и внешнее выражение должны достигнуть полного соответствия; сего ради и создан человек, в этом и заключается ответ на вопрос о смысле и цели, которым не переставали заниматься разумные существа, не переставали мучиться над его разрешением забывшие отцов, потерявшие веру в Бога отцов» [13, 401].

Необходимо подчеркнуть, что историчность является определяющим фактором в понимании систем Коперника и Птолемея. Таким образом, только метод исторического подхода в состоянии раскрыть содержательную сторону как геоцентризма, так и гелиоцентризма. «Птолемеевское искусство (по преимуществу религиозное) падает вместе с распространением коперниканского воззрения, коперниканской системы, которая низводит небесное на земное, подчиненное тому же закону падения, как и все земное: и там, следовательно (думали), нет существ свободных, высших человека. Хотя коперниканская система оставалась гипотезой, тем не менее птолемеевскому искусству — и вообще искусству — был нанесен удар, и оно, искусство, стало заменяться промышленностью, храмы высшим существам заменились дворцами и храмами выставок, литература сделалась земною, реальною, она только знала любовь сынов и дочерей друг к другу, а не к отцам, и особенно умершим, т. е. искусство признавало Царицу промышленности Царицею мира, а сле-

довательно, и для литературы, как и для философии, не было другого блага, кроме того, которое производит фабрика, которое обобщается в деньгах... Храм-музей с вышкой (с вышкой для наблюдений и для изучения небесных явлений) открывает в куполе храма, как подобии кажущегося неба, выход к небу действительному, к небесным мирам или землям, носящимся в нем, т. е. в небе, чтобы изображенным на куполе (на этом подобии неба) умершим дать действительную жизнь на действительном небе, т. е. храм-музей с вышкой представляет переход от птоломеевского созерцания к коперниканскому небесному делу» [13, 457, 458].

Однако полнота исторического знания возможна, только если история человечества дана воедино как неразрывное целое с историей природы. Именно это обстоятельство обуславливает объективную значимость исторического идеализма (который одновременно является и религиозным материализмом) Федорова, где впервые преодолевается дуализм «истории как духа» и «истории как природы» и формируется новая мировоззренческая картина мира, метафизическая в своем основании. В этом отношении Федоров действительно предвещает определенную тенденцию в современном естествознании, имевшую дело со все более и более усложняющейся структурой бытия, с выходом на совершенно другой онтологический уровень понимания принципа духоматерии.

В начале XX в. В.А. Кожевников писал о том, что «еще большее внимание надлежало обратить в дальнейших, во второй части относящихся статьях, при изложении учения Н.Ф. Федорова о регуляции природы, на сближение мыслей его с некоторыми данными и наведениями новейшего естествознания» [6, 27]. Совершенно соглашаясь с Кожевниковым, вместе с тем необходимо отметить, что особую актуальность для естествознания и метафизики начала XXI в. приобретают федоровские идеи синтеза систем Птолемея и Коперника. Уже сегодня, рассматривая концепции Вселенной как квантового единого целого, выделяются две основные концепции. Первая из них — это концепция наблюдателя, пребывающего внутри замкнутой Вселенной и оказывающего влияние на ее эволюцию. Вторая концепция основана на интерпретации Вселенной как подсистемы еще более сложной системы. «Он (т. е. наблюдатель. — А.Г.), реализуя процесс редукции, фактически формирует мир в

определенном состоянии. Если бы он реализовал другую потенциальную возможность, это был бы другой мир.

Конкретное состояние нашего мира формируется в последовательности редукций квантово-волновых пакетов, выбирающих определенные возможности из многих. Отсюда и вытекает концепция о наблюдателе — участнике процесса формирования мира. Эту концепцию явно сформулировал Уилер именно в связи с проблемами КГД, так как в замкнутой Вселенной наблюдатель как раз и находится внутри нее и своими действиями по проведению измерений формирует ее свойства... Изначально у нас имеются бесконечное множество вариантов существования Мира, бесконечное множество ветвей эволюции, а наблюдатель — участник внутри Вселенной путем последовательной редукции квантово-волновых пакетов формирует одну из возможных ветвей эволюции Мира. Другие ветви эволюции могут сформировать другие наблюдатели, которые находятся в других вселенных, изначально подобных нашей. Некий суперприбор — приготовитель формирует ансамбль вселенных, но затем каждый член ансамбля, в зависимости от действий наблюдателей, занимает одну из возможных ветвей эволюции» [7, 181, 182].

По существу проблема наблюдателя основана на метафизической идее незаконченности мироздания, той самой недоконченности, которая напрямую связана с тем, что человек думает о мире и что делает в нем. Здесь важно отметить, что эта идея во многом может стать стержневой для взаимоотношений философии и естествознания, поскольку вопрос о предельных основаниях бытия именно через ее осмысление приобретает конкретно-спекулятивный характер и раскрывает новые возможности для развития как философии, так и естествознания.

Таким образом, определенная тенденция развития как философской мысли, так и естествознания движется в русле дальнейшего синтеза геоцентризма и гелиоцентризма, раскрытия еще нераскрытых метафизических потенциалов коперниковской системы, когда центральное положение человека как венца Вселенной уже не связывается с его конкретным местопребыванием, а распространяется на все мироздание. Именно в этом смысле становится понятной библейская истина о том, что мир изначально был создан Богом для

человека и снимается антагонистическое противостояние «истории как духа» и «истории как природы».

Третье — Священный и иероглифический способ понимания. Речь идет о зороастрийско-манихейско-гностическом дуализме Божества, некоей Его изначальной расщепленности в Себе, искомом метафизическом противоборстве добра и зла, от результатов которого зависит не только судьба мироздания, но и их самих. Лишение зла тварного характера происхождения не только приводит к его онтологизации, но и лишает Бога его вселия, после чего Он также реально лишается вездесущности и даже всемудрости. «В каком-то последнем, глубочайшем смысле если не само зло во всей явственности его зла, то все же некий его первоисточник скрыт в непостижимых для нас глубинах самого Бога... Место безосновного первоорождения зла есть то место реальности, где она, рождаясь из Бога и будучи в Боге, перестает быть Богом. Зло зарождается из несказанной бездны, которая лежит как бы как раз на пороге между Богом и “не-Богом”» [14, 545, 546]

Франк здесь имеет в виду «интеллектуальную интуицию зла» Беме и Шеллинга, а также *Ungrund* и *Urgottheit* Беме и «Природу в Боге» Шеллинга. Эта линия мысли существующая на протяжении всей истории христианства и через разные мистические, теософские, эзотерические и оккультные учения становящаяся достоянием спекулятивной философии, на стыке смен эпох раскрывается с совершенно новой стороны. Речь идет о качественно другом сознании, когда оно оказывается в состоянии сделать своим достоянием то, что в предыдущие эпохи было бы немислимо для него. Именно здесь раскрываются и совершенно новые горизонты для понимания сущности историчности и ее метафизического осмысления для дальнейшего перехода на новый онтологический уровень. И в этой связи необходимость выйти из младенческого состояния сознания, когда Бог воспринимается как грозный, карающий Владыка, чуть ли не палач, а ад оказывается камерой пыток, растянутой на вечность, оказывается безальтернативной для дальнейшего восходящего развития человечества на путях реализации конечного идеала Богочеловечества. Для возмужания религиозное сознание должно было пройти через богооставленность, с пронзительной глубиной охарактеризованную Ницше как «смерть Бога». Может, впервые в исто-

рии была реализована предельная возможность свободы человека, когда он, предоставленный самому себе, или должен был найти Бога, или же окончательно пасть.

Впервые в истории проблема преодоления зла извне была перенесена вовнутрь души человека, когда он должен был вобрать в себя все это зло и не оказаться растворенным в нем, а путем колоссальной волевой и нравственной устремленности преобразовать зло в добро. И это ему действительно приходится делать самостоятельно, в определенном смысле, на свой страх и риск. Человек в своем совершенствовании должен уйти не только от понимания ада как камеры пыток, но и от понимания ада как конца жизни, царства смерти. Это, разумеется, является более высоким и достойным религиозного сознания положением. Но и это еще не есть высшая истина. «Кто действительно верит во Христа, для того живой источник нравственной энергии во всяком случае заключается не в мысли о страшном суде Христовом, а в мысли о превышающей разумение любви Христовой, так что он может бояться Христова суда над собой лишь в том одном отношении, что, при своей греховной нечистоте, он может явиться недостойным Христа, и Христос может отлучить его от живого общения с Собой. Это отлучение для него страшнее всякого наказания, потому что жизнь со Христом для него выше всякой награды, и потому он может создавать свою жизнь во Христе, очевидно, не по желанию небесных наград и не по страху адских мучений, а исключительно только по нравственной потребности своей чистой, благоговейной любви ко Христу» [9, 420].

Однако на пути достижения этой высшей истины человеку необходимо пройти через последний соблазн не воспринимать Бога как грозного Владыку, а принимать Его только как Любовь. И на каком-то этапе вселюбовь Бога должна была даже заслонить Его всесилие, вездесущность и, может, даже всемудрость. Это является действительно необходимым определяющим моментом в эволюционном развитии человечества для его перехода на новый уровень бытия. И только если удастся пройти этот очень тяжелый путь и полюбить Бога как любовь, забыв Его всесилие, всемудрость и вездесущность, можно будет прийти к конечному идеалу — Богочеловечеству, когда история как синтез духа и природы окажется пройденным этапом и закономерно перейдет на новый эон.

Вне всякого сомнения, мысль Ницше о «смерти Бога» относится к тому периоду, когда человечество, выйдя из Средневековья и пройдя соблазны секуляризма, должно прийти к новой полноте религиозного сознания — или не прийти никогда. Симптоматично, что Ницше с гениальной прозорливостью вакханалию нигилизма по поводу «смерти Бога», когда люди, духовно обессиленные, все более и более будут погружаться в животное состояние, относил к XX и XXI вв.

Вместе с тем важно отметить, что беме-баадеровский *Unggrund* не имеет отношения к этому коренному преобразованию религиозного сознания. В последнем случае и речи нет о восприятии Бога как ущербного существа, лишённого атрибутов всемогущества, вездесущности и всемудрости. Речь идет только о высоком испытании религиозного сознания и его готовности ответить чистой любовью вселюбящему Богу — являющемуся одновременно всемогущим, вездесущим и всемудрым. И такая необходимость появляется как историческая закономерность возмужания религиозного сознания на определенном, судьбоносном отрезке времени. Только в любви и через любовь открываются новые завесы, подготавливающие человека для его перехода на новый онтологический уровень. По словам Булгакова, «Бог-Любовь не может не быть Творцом и не может не любить творение, ибо не может не быть Самим Собой, т. е. Любовью... В откровении говорится не то, что Бог есть свобода, но что Он есть любовь и, следовательно, выше свободы в ее неотрывной связи с необходимостью. В любви же нет места свободе и необходимости, но сеть только свобода, как свободная необходимость. В ней также нет места и личному самоутверждению, хотя и совершается личное самораскрытие. Любовь стоит по ту сторону свободы и необходимости, выше этого различия, поскольку любви Божественной принадлежит и совершенная полнота» [2, 140, 138].

Именно через любовь может быть снят антагонизм между свободой и необходимостью, что максимально приблизит образ к Первообразу. «Последний предел, к которому она (свобода. — *А.Г.*) стремится, все-таки есть ее самоупражнение — по образу Божию, т. е. ее слияние с природной данностью. Божественный образ бытия выше свободы, как дочеловеческий — ниже ее. Путь свободы в противостоянии данности есть человеческий, он должен быть прой-

ден в человеческом становлении с тем, чтобы дать торжество отождествлению свободы и необходимости. Это еще раз подтверждает, что свобода не субстанциональна, но модельна» [2, 147].

Однако переход из царства необходимости в царство свободы во многом окажется невозможным без решения важнейшей метафизической проблемы зла и отношения человека к нему. До тех пор, пока зло будет восприниматься со стороны как нечто навязываемое пассивной воле человека, вряд ли ему удастся его одолеть. Драма современного человека дана в том, что зло может быть изжито им изнутри, преобразовано, просветлено в добро. Задача трудноразрешимая и даже проблематичная. С одной стороны, человек не может самостоятельными усилиями полностью преодолеть грех, т. е. зло, с другой, ему во многом это все-таки придется сделать осознанно самостоятельным образом. И эта антиномия преодоления зла не может рассматриваться как формально-логическое или даже диалектическое противоречие. Именно поэтому оно и не может быть ими осилено, и свое адекватное понимание получает на основании принципа антиномистического монодуализма. Только в случае решения этой проблемы человек сможет выполнить свое предназначение и стать «богом по предназначению», или «сотворенным богом».

Здесь еще раз необходимо подчеркнуть принципиальную несхожесть беме-баадерского *Ungrund*'а с метафизическим положением Ницше о «смерти Бога» и тех последствий, которые из него вытекают. Несмотря на свои высокие религиозные импульсы, бемевские *Ungrund* и *Urgottheit* не могут быть отнесены своими установками к тому или иному историческому периоду для раскрытия новых исторических возможностей религиозного сознания в деле его дальнейшего развития, поскольку они действительно имеют надвременной характер. Более того, в пределах этого мира, в жизни этого века, трагические переживания по поводу расщепленности Абсолюта, попытки метафизического перенесения зла в глубины бездны самого Божества останутся до конца непреодолимыми. В этом отношении усиление этих настроений в виде эмпирических переживаний или сугубо философских рефлексий особо не связаны с духовной ситуацией того или иного исторического времени. Булгаков абсолютно прав, утверждая, что «пути зла остаются для нас в

большой мере не раскрыты до последнего обличения зла и низведения его чрез то к пустой и бессильной потенции» [2, 173].

Таким образом, проблема зла свое окончательное разрешение, наглядно зримое для человека, получит в другом эоне действительной истории мира: в жизни будущего века. «Только чрез великий, тяжкий, продолжительный труд мы очистимся от долга, придем к воскрешению, войдем в общение с Триединым, оставаясь подобно Ему самостоятельными, бессмертными личностями, во всей полноте чувствующими и сознающими свое единство. И только тогда мы будем иметь окончательное доказательство бытия Божия, будем видеть Его лицом к лицу» [13, 125]. Только когда, по словам Федорова, можно будет иметь образец в доступном созерцанию человеческого рода Божестве, проблема Ungrund'a навсегда отойдет в прошлое.

Таким образом, ницшевское положение о «смерти Бога» будучи метафизическим в своем основании, раскрывает новые возможности дальнейшего развития философской мысли. Но здесь важно отметить, что речь идет не о метафизике применимо к Ницше, а о той метафизичности, которая раскрывает новые горизонты в понимании историчности истории. Данное обстоятельство очень важно рассмотреть не только для более адекватного понимания Ницше, но и для понимания потенцирования метафизики в философию истории, метафизического осмысления истории, что на деле означает выход метафизики на новые исторические рубежи, когда она, осмысливая историю, тем самым осмысливает самую себя.

Как полагает Хайдеггер, учение о вечном возвращении того же самого и учение о воле к власти образуют глубчайшее единство. Тем самым, всякое сущее, поскольку оно есть, есть воля к власти. Отсюда выводится то, что определяет сущее как сущее. Хайдеггер считает, что подлинно философское осмысление вечного возвращения возможно только в едином его осмыслении с вопросом воли к власти. В противном случае остается нераскрытым, и при такой постановке вопроса никак нераскрываемым, метафизическое содержание учения о воле к власти во всей его значимости и полноте. Но насколько вслед за Хайдеггером возможно допустить, что у Ницше учение о вечном возвращении является сокровенным средоточием его метафизического мышления? Ведь допущение понятия метафи-

зического мышления применимо к Ницше означает отнести его к метафизической линии мысли, т. е. к самой метафизике. Хайдеггер не только причисляет Ницше к метафизическому направлению мысли, но и видит в его философии завершение метафизики, по крайней мере в пределах западноевропейской философии. Скорее всего, такой взгляд на философию Ницше неадекватен в силу ряда причин. В том виде, в каком философия в определенном смысле получает свое действительное завершение у Гегеля, она вновь метафизируется через проблему историчности, где тотальность историчности как исторического приводит к реанимации метафизики, к появлению ее новой формы, данной в виде конкретной метафизики, антропологической в своем основании.

Эта антропологическая компонента включена в онтологию, поскольку сама онтология оказалась неразрывно связанной с историчностью исторического, вместе с последним составляя единое целое. Что касается идеи вечного возвращения того же самого, то она во-первых, не носит метафизического характера у Ницше. Во-вторых, и это является в данном случае главным обстоятельством, никак не вписывается в парадигму становления постгегелевской метафизики, для которой историзм выступает универсальным способом познания бытия. В-третьих, идея вечного возвращения того же самого с точки зрения возможностей ее рассмотрения в метафизическом плане должна быть отнесена не к Ницше, а к Хайдеггеру, соответственно к совершенно другой эпохе. Переходя к проблеме воли к власти, необходимо отказаться от ее рассмотрения в духе метафизики, поскольку ее духовные, и в том числе философские установки никакого отношения к метафизике не имеют. Для обоснования метафизичности ницшевской воли к власти Хайдеггер ссылается на тот неоспоримый факт, что понимание бытия всего сущего как воли отвечает лучшему и величайшему наследию германской философии, и, в частности, он приводит в пример гениальный труд Шеллинга «Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с нею предметах» (1809). Принцип первичности воли на самом деле был заложен в немецкой классической философии со времен, по крайней мере, Канта. Уже у Канта примат воли над разумом был дан в разрешимости тех проблем в «Критике практического разума», которые оказались неразрешимыми для

«Критики теоретического разума». В этом отношении надо выделить единую линию Канта — Шеллинга — Шопенгауэра. Однако, что касается Ницше, то его воля к власти выпадает из рассматриваемой метафизической парадигмы и прокладывает дорогу так называемой неклассической философии, на стыке XX и XXI вв. окончательно завершившейся ее преимущественным переходом в философское безвременье. Именно поэтому оказались несостоятельными предположения Хайдеггера о том, что через волю к власти происходит перерождение метафизики в нечто совершенно новое, которое и определяется как «оборачивание всякой метафизики». По существу, у Хайдеггера речь идет о том, и это является главной мыслью его фундаментальных штудий о Ницше, что через Ницше метафизика, придя к своему отрицанию, тем самым начинает новый виток своего развития. На самом деле никакого перерождения, оборачивания метафизики у Ницше и через Ницше не происходит. Ницше со своими духовными установками выступает антагонистом по отношению к метафизике и отцом-основателем так называемой неклассической философии.

Боймлер, критикуемый Хайдеггером за его понимание воли к власти политически, а не метафизически, гораздо более адекватен в своем анализе философии Ницше, чем его оппонент. Ницшевская воля к власти не выпадает из метафизики (поскольку она там никогда и не находилась), а разрушает метафизику как таковую.

Только отказавшись от неисторического подхода к Ницше, можно будет реально осознать его влияние в филиации философской идей. Ницше не может быть понят вне контекста послегегелевской философии, поскольку он является ее порождением. Отсюда следует, что ницшевская философия является творческим развитием одного из тех многочисленных импульсов, которые исходили от философии Гегеля. В результате радикального гегелевского преобразования всей философии действительно происходит «оборачивание всякой метафизики», что никак не могло не сказаться на философском становлении Ницше и его влиянии на ее дальнейшее развитие. С учетом теоретического и историко-философского анализа творчества Ницше необходимо говорить о метафизичности его отдельных положений, которым было суждено сыграть свою немаловажную роль в становлении метафизической картины мира.

Ницшевское положение о «смерти Бога» оказывается метафизическим в самом сакральном смысле, поскольку здесь речь идет о предельных основаниях не только бытия, но и сущего. Так запретность предельного приводит к переосмыслению всего мироздания и места, которое занимает в нем человек. Именно здесь берут начало те самые метафизические идеи Ницше, которым суждено вписаться в общую канву становления философии после Гегеля. Обратимся к ницшевскому переосмыслению платонизма. По степени как радикализма, так и глубиной реконструкции Ницше не только не уступает Гегелю, но и превосходит его в этом вопросе. В связи со сказанным необходимо привести замечательные слова Хайдеггера: «Понижение прежних верховных ценностей идет не от какой-то страсти к слепому разрушению и не от суетного обновленчества. Оно идет от нужды и от надобности придать миру такой смысл, который не доводит его до роли проходного двора в некую потусторонность» [18, 57].

Более того, не было бы преувеличением полагать, что в том виде, в каком идея религиозного материализма оказалась востребованной во второй половине XIX в., особенно в русской философии, могла появиться после сведения на нет трансцендентальных форм познания — Платоновых в своем основании. И в этом вопросе просто невозможно недооценить влияние Ницше. И здесь вновь напрашиваются аналогии Ницше с русской философией. В свое время, на стыке смены веков, была опубликована важная статья М.Н. Михайлова «Великий катализатор: Ницше и русский неоиdealизм». Ныне она почти забыта. Но по инновационности, она не только не потеряла своего теоретического значения, но и сохраняет свою актуальность для дальнейших изысканий в этой области. Обратимся к Михайлову: «По собственному признанию русских мыслителей, Бердяеву Ницше открыл дорогу к религии, Франку — к осознанию духовного мира, а Шестову, больше всего о Ницше писавшему, очевидно, помог поверить в возможность “преодоления самоочевидностей”, в том числе и самой непреодолимой “самоочевидности” — уже случившегося. Вот какое влияние имел мыслитель, объявивший “смерть Бога”, иллюзорность духовного мира и “вечное возвращение”, то есть вечную самоочевидность.

Ницше — открыватель пути к духовному миру, Богу и религии! Ницше — ведущий к христианскому мистицизму! Ницше — “творец целой грандиозной моральной системы”! “Сверхчеловек” как ступенька к Богу!

Однако сомнений нет. Именно так воспринимали русские философы гениального немца» [8, 198].

Вряд ли можно столь определенно согласиться с Михайловым в отношении решающей роли Ницше в деле формирования религиозного материализма в русской философии, даже с учетом обратного влияния на него Достоевского, а также Толстого, воздействие которых в филиации ницшевских идей во многом действительно оказалось решающим. Отнюдь не сводя на нет реального присутствия идей Ницше в развертываемом процессе становления религиозного материализма, необходимо сослаться даже не столько на конгениальность, сколько на сложные, эпохального характера пертурбации сознания в деле радикального изменения сущности Абсолюта, на сей раз действительно затрагивающего проблему предельных оснований бытия в его сакральной значимости.

В своем фундаментальном труде, имеющем непреходящее философское значение, особенно для философии истории и принципа историзма, Булгаков пишет следующее: «История не есть пустой коридор, который надо как-нибудь пройти, чтобы высвободиться из этого мира в потусторонний, она принадлежит к делу Христову в Его воплощении, она есть апокалипсис, стремящийся к эсхатологическому свершению, богочеловеческое дело на земле» [1, 449].

Первое, что бросается в глаза, это почти текстовое совпадение в рассуждениях Булгакова и Хайдеггера. Так что же за этим стоит? Обратимся снова к Михайлову. «Величайшая оригинальность и все еще не осознанная историческая новизна мысли русских философов состоят в открытии третьего онтологического слоя — ненаблюдаемой реальности, в которой объединены обе наблюдаемые сферы бытия: физическая и духовная реальности» [9, 203]. Благодаря Фихте, Шеллингу и Гегелю принцип историзма оказался новаторским прорывом классического идеализма. Абстрактно-спекулятивные построения, в том числе и религиозной философии, оказались во многом неадекватными духовной ситуации наступаю-

щего времени. И это было связано с начавшимся глобальным кризисом антропоцентризма, и необходимости его замены историоцентризмом. Относительно позднее историческое становление феномена русской философии, имело то позитивное значение, что она оказалась в эпицентре борьбы нового со старым, когда историзм определял собою все дальнейшее развитие метафизической мысли. Отсюда особая историософичность русской мысли. Далекое не случайно, что многие теоретические вопросы свое разрешение получают именно на основании исторической философии. Исторософскими импульсами были движимы не только Соловьев, но и такие мыслители, которые далеко не во всем были связаны друг с другом, как Булгаков, Флоренский, Карсавин, Бердяев и Шмаков.

Однако тектонические сдвиги в духовной жизни человечества, приведшие к радикальному изменению и в материальной сфере его деятельности, все-таки неразрывно связаны с именем Ницше. В лице Ницше антропоцентризм достигает наибольших высот своего героического духа и в его же лице сходит на нет. В Ницше и через Ницше происходят события эпохального характера: тотальность антропоцентризма трансформируется в тотальность нигилизма. Тем самым, Ницше первым, во всей метафизической глубине, становится диагностиком нигилизма. Причем в своем беспощадном анализе сути наступающего всемирно-исторического явления Ницше настолько срастается с ним, что со стороны начинает казаться, что сам он и является носителем этого феномена.

Если сошедший с исторической арены теоцентризм оставил после себя во многом изжившие формы исторического христианства, то завершающий антропоцентризм, нигилизм в своей тотальности, берет под сомнение историю как таковую. Отсюда и следуют духовные установки перехода XX в XXI столетие, на пресловутую постисторичность и мнимую «завершенность истории». На деле реализация триумфального шествия нигилизма имела место на стыке XIX и XX вв. Но Ницше во всех подробностях наступающее царство нигилизма и основные вехи его глобального становления предугадал и описал еще в 1870—1880-е гг.

Неоценимая заслуга Ницше, и в этом абсолютно прав Хайдеггер, заключается в том, что Ницше не только понимает причину, изначально заданную и определяющую собою появление нигилизма

в самом платонизме как непризнания жизни, но и, борясь с платонизмом, пытается раз и навсегда преодолеть нигилизм. Такое действительно стало для Ницше возможным благодаря метафизичности постановки вопроса. Однако главным, и здесь тоже нельзя не согласиться с Хайдеггером, для Ницше не является переименование платонизма как перевернутого отношения меры. Такая метаморфоза приводит к тому, что чувственное возвышается, ниспровергает сверхчувственное, занимает его место и ставит его себе на службу. Тем самым, чувственное трансформируется в подлинно сущее и становится истиной. Отныне истина и есть чувственное. Но в такой постановке вопроса нет ничего метафизического. Это чистой воды позитивизм. Позиция Ницше была принципиально иной. Метафизичность Ницше проявляется не в опровержении уже отжившей парадигмы в качестве ее переименования и замены одной другой, а в необходимости выхода на новый онтологический уровень. Тем самым речь шла не о замене или даже ликвидации трансцендентности, а о ее включенности в чувственную, посюстороннюю сферу бытия. По существу Ницше в своем противостоянии с платонизмом приходит к принципу духоматерии и к необходимости чисто христианского обожения мира. В этом отношении Ницше был движим высокими духовными импульсами. Имея в виду последнее обстоятельство, можно с большой долей вероятности сказать, что в данном вопросе оппозиция Ницше по отношению к христианству обусловлена платоническими напластованиями внутри исторического христианства.

Для Ницше абстрактно понятая сущность человека остается по ту сторону его философского анализа. Человек из плоти и крови, в своей неповторимости и уникальности, является единственным объектом изучения философии. Отказ от абстрактно спекулятивного мышления в случае с Ницше не приводит к субъективизму, а предполагает переход к той самой конкретности, которая в своем снятом виде являет собою высшую реальность, только и доступную метафизическому миропониманию. Ницше стоит, как правильно считает Хайдеггер, на пути формирования особой философской парадигмы, метафизической в своем основании, когда полагание мира по образу человека и через него оказывается единственно истинным способом всякого мировоззрения. Именно к такому исходу и должна прийти метафизика как антропоморфия. И в этом контексте решающим является отношение человека к сущему в целом, здесь же

происходит то самое переворачивание метафизики, которое приводит к формированию новой онтологической картины мира.

Однако такое видоизменение метафизики возможно только в философии истории и исключительно реализуется только в ней. Таким образом, вне контекста философии истории нет и быть не может метафизики в постгегелевский период развития философии. Именно тут расходятся пути Ницше и метафизики. Метафизические установки Ницше так и не становятся метафизикой. И это в первую очередь связано с тем, что Хайдеггер называет метафизикой воли к власти как учения о сверхчеловеке. Впервые в немецкой философии в лице Ницше воля лишается своего метафизического статуса, она уже не является ни субстанцией, ни онтологическим принципом. Через социализацию понятия воли, воля переходит в политику, переплотившись в волю к власти как качественно новое состояние борьбы за господство человека над Землей. Человек, ставший благодаря воле к власти, безусловным и единственным мерилом всех вещей, приводит к учению о сверхчеловеке и, тем самым, к отказу от метафизики, сведению на нет метафизических потенций философии Ницше, и к ее субъективизации.

На этом, собственно говоря, метафизическое исчерпывается у Ницше, и все его дальнейшие теоретические рассуждения о воле к власти и сверхчеловеке отношения к философии истории уже не имеют и не представляют для нее особого интереса.

Дальнейшее развитие философии было связано с раскрытием потенций предельных оснований метафизики в сфере Духа, становящегося историей.

Литература

1. *Булгаков С.Н.* Агнец Божий. М., 2000.
2. *Булгаков С.Н.* Невеста Агнца М., 2005.
3. *Булгаков С.Н.* Свет не вечерний: Созерцания и умозрения М., 1994.
4. *Вересаев В.В.* Вечная жизнь. М., 1991.
5. *Гейзенберг В.* Избранные философские работы. СПб., 2006.
6. *Кожевников В.А.* Опыт изложения учения Н.Ф. Федорова по изданным и неизданным произведениям, переписке и личным беседам. М., 2004.

7. *Латыпов Н.Н., Бейлин В.А., Верешков Г.М.* Вакуум, элементарные частицы и Вселенная. М., 2001.
8. *Михайлов М.* Великий катализатор: Ницше и русский неоидализм. // Иностранная литература. М., 1990. № 4.
9. *Несмелов В.И.* Наука о человеке. Т. 2. Казань, 1994.
10. *Ницше Ф.* Веселая наука // Ницше Ф. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1990.
11. *Ницше Ф.* Из наследия // Иностранная литература. М., 1990. № 4.
12. *Свасьян К.А.* Ницше, или Как становятся Богом. Две вариации на одну судьбу. Ереван, 1999.
13. *Федоров Н.Ф.* Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. М., 1995.
14. *Франк С.Л.* Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии // Франк С.Л. Соч. М., 1990.
15. *Хайдеггер М.* Слова Ницше «Бог мертв» // Вопросы философии. 1990. № 7.
16. *Шюре Э.* Великие Посвященные. Очерк эзотеризма религий. Репринтное воспроизведение издания. 1914.
17. *Ясперс К.* Ницше. Введение в понимание его философии. СПб., 2004.
18. *Heidegger M.* Nietzsche Pfullingen. 1961. Bd. 2.

References

1. *Bulgakov S.N.* Agnets Bozhiy. М., 2000.
2. *Bulgakov S.N.* Nevesta Agntsa М., 2005.
3. *Bulgakov S.N.* Svet nevecherniy: Sozertsaniya i umozreniya М. 1994
4. *Veresayev V.V.* Vechnaya zhizn'. М., 1991.
5. *Geyzenberg V.* Izbrannyye filosofskiye raboty. SPb., 2006.
6. *Kozhevnikov V.A.* Opyt izlozheniya ucheniya N.F. Fedorova po izdannym i neizdannym proizvedeniyam, perezpiske i lichnym besedam. М, 2004.
7. *Latypov N.N., Beylin V.A., Vereshkov G.M.* Vakuum, elementarnyye chastitsy i Vselennaya. М., 2001.
8. *Mikhaylov M.* Velikiy katalizator: Nitsshe i russkiy neoidealizm. Inostrannaya literatura. № 4. М., 1990.
9. *Nesmelov V.I.* Nauka o cheloveke. Т. 2. Kazan', 1994.

10. *Nitsshe F. Veselaya nauka // Nitsshe F. Soch: V 2 t. T. 1. M., 1990.*
11. *Nitsshe F. Iz naslediya // Inostrannaya literature. M., 1990. № 4.*
12. *Svas'yan K.A. Nitsche ili Kak stanoviyatsya Bogom. Dve variatsii na odnu sud'bu. Yerevan, 1999.*
13. *Fedorov N.F. Sobraniye sochineniy: V 4 t.. T. 1. M., 1995.*
14. *Frank S.L. Nepostizhimoye. Ontologicheskoye vvedeniye v filosofiyu religii // Frank S.L. Sochineniya. M., 1990.*
15. *Khaydegger M. Slova Nitsche «Bog mertv» // Voprosy filosofii. M., 1990. № 7.*
16. *Shyure E. Velikiye posvyashchennyye. Ocherk ezoterizma religiy. Reprintnoye vosproizvedeniye izdaniya. 1914.*
17. *Yaspers K. Nitsche. Vvedeniye v ponimaniye yego filosofii. SPb., 2004.*
- 18.

К.В. МОЛЧАНОВ

**Антропогенез в смысле диалектики:
от природы к неприроде,
от человека к его индивидуальному духу ***

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые актуальные вопросы, связанные с развитием общества, включая анализ познания. В процессе наших исследований их акцент сместился к человеку. Результаты исследований могут быть использованы для определения некоторых новых возможностей развития современного общества. Последующие научные исследования могут определить создание новых концепций социально-экономического развития современного общества.

Ключевые слова: диалектика, феноменология духа, экономика, человек.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Молчанов К.В. Антропогенез в смысле диалектики: от природы к неприроде, от человека к его индивидуальному духу // Философия хозяйства. 2018. № 2. С. 175—183.

Abstract. The article considers some topical issues related to the development of society, including the analysis of cognition. In the process of our researches, a man has become their main subject matter. The results of the researches can be used to determine some new opportunities of the development of modern society. Subsequent researches can determine the creation of the new conceptions of the socio-economic development of the modern society.

Keywords: dialectics, the phenomenology of the Spirit, economy, a man.

УДК 008
ББК 87.6

Уже в самом начале статьи нужно отметить, что темы и отдельные положения научного симпозиума «Хозяйственный антропогенез: от природы к неприроде» (МГУ имени М.В. Ломоносова, 15 июня 2017 г.), по материалам доклада на котором она составлена, были глубоко диалектичны. В этом смысле не только важны сами темы, вопросы, постановки задач и т. д., обозначенные на симпозиуме, но и актуально то, что оказалось неизбежным определением инструментов и путей решения проблем. Причем следует отметить, что, как доказал Г. Гегель в своем грандиозном труде «Наука логики», только диалектические подходы и методы органичны предмету и познанию, и именно это архиважно и существенно в данном случае — в данной статье, в смысле как ее содержания, так и выстраивания ее изложения¹.

Итак, тезисом тезиса, или первичным содержанием, является проблематика симпозиума: постановка вопросов, обозначение тем и т. д. Они показывают ее объем и насущность, но в то же время обозначают две противоположные, противоречащие друг другу сторо-

¹ В частности, указанное обуславливает структуру настоящей статьи, которая построена в классическом варианте триады триад (тут, правда, нужно отметить, что не в необоснованно приписываемом Гегелю варианте «тезис — антитезис — синтез»), хотя третью стадию удобнее оказалось представить в специфической, но возможной форме — через раскрытие *общего*, через уточнение получаемого общего положения.

ны: содержания многих тем и даже отдельных положений отражают не только важность и насущность затрагиваемых ими вопросов, но и, главное, как показали обсуждения, противоположное, точнее — нерешаемость многих вопросов на основе наук. (В указанном ракурсе следует отметить рассуждения проф. Ю.М. Осипова в его вступительном докладе о невозможности решения многих вопросов на основе наук, причем не столько даже в силу сложности многих тем для текущего научного познания, сколько в силу его самого проблемности и даже негативности наук.) Противоречие? Да. Однако, согласно Гегелю, *противоречие есть корень всякого движения и жизненности* [1, 520], что позволяет развивать диалектические исследования.

Диалектика со времен Гегеля обращает внимание на ограниченность наук, научного познания, что было одной из посылок нашего доклада. Однако критика наук является не только нечто общим для философии хозяйства и диалектики. В данном случае для наших диалектических рассуждений она является тем *средним термином*, который позволяет осуществить переход к антитезису тезиса, содержание которого заключается в диалектической критике наук, которая отличается от философско-хозяйственной, по меньшей мере, тем, что ею рассматриваются гносеологические проблемы наук. В смысле гносеологии в первую очередь указывается то, что науки в принципе не могут решать многие задачи, хотя бы потому, что а) имеют существенные изъяны и негативы, ряд из которых был указан Гегелем, и б) не обладают соответствующими познавательными инструментами: например, *обыкновенная логика*, лежащая в основе научного познания и содержание которой великий философ удостоил *презрения* еще два века назад [1, 30], не может решать многие задачи в принципе. Даже *суждение* не определено в науках, а ведь без него невозможно *умозаключение* и, далее, обоснованный *вывод*, т. е. общественные науки обычно даже обосновать свои выводы не могут — полнятся *мнениями* (естественные науки в определенной мере базируются на логике природы). А мышление, без которого невозможно познание! — сколько существует его определений в науках! Но любое из них имеет серьезные изъяны, и более того, как мы уже писали в ряде наших работ, нет

науки, которая взялась бы за его определение: например, психология отсылает к логике, а та обратно к психологии...

Иными словами, в современной диалектике указывается, что имеются существенные проблемы научного познания, причем как противоположность его предназначению (это, кстати, было неоднократно акцентировано в процессе обсуждений в ходе симпозиума). Более того, научное познание в смысле К. Поппера вообще верифицируемо. К тому же оно еще и противоречиво... Для кого-то — это просто факты, а вот для диалектики это есть обозначение ряда диалектических положений, которые были указаны Гегелем в его *учении о сущности* (изложенном великим философом в его труде «Наука логики»).

В таком случае основа для решения многих не решаемых в науках задач становится понятной, хотя на самом деле она была показана и обоснована еще Гегелем, т. е. эффективный подход, как оказывается, известен, другое дело, что он абсолютно не понят в науках и поэтому игнорируется ими.

И в смысле антитезиса во всей своей красе выступает диалектика (в данном случае сначала в качестве учения о сущности).

На ее основе раскрыты фундаментальные положения развития мира, природы и общества (в первую очередь в гегелевской «Энциклопедии философских наук»), которые в контексте вопросов, рассмотренных на симпозиуме и в нашем докладе на нем, важны как сами по себе, так и в смысле своего новодиалектического развития. В первом ракурсе имеется ответ на важнейший вопрос симпозиума — о переходе от природы к неприроде, от естественности к искусственности и т. п. В трудах Гегеля все основные позиции этих переходов рассмотрены, однако в настоящей статье следует акцентировать внимание на том, что в смысле диалектики дух вообще не естествен природе: дух — противоположность природе. Иными словами, человек — чуждое природе явление; его нельзя назвать и ее порождением (в полном смысле этого слова) и нечто искусственным (в научном смысле этого слова). Человек — не природа, поэтому для диалектики в указанном ракурсе нет обозначенного в темах симпозиума перехода от природы к неприроде, или нет смысла вообще говорить о переходе от природы к неприроде и искусственному. Последнее из выступивших положений (также оно

обозначает второй ракурс) актуально более всего в смысле не отдельных действий отдельных людей, а их общих действий — в смысле человеческого общества. Однако оно не было полностью исследовано в трудах Гегеля, ибо для великого философа, прежде всего, необходимо было исследование логики, духа и природы. Но собственно, их изучение Гегелем и стало основой наших новодialeктических исследований, в том числе общества, хотя в первую очередь — в части продолжения гегелевской *феноменологии духа*. Новодialeктическое *продолжение феноменологии духа* объективно и неизбежно как само по себе в силу диалектики познания, так и в силу упущенного науками указания Гегелем на фиксированность рассмотренной им феноменологии духа. Но сейчас разговор не столько о самом продолжении труда Гегеля «Феноменология духа» — о новодialeктическом *феноменологии-духа-продолжении*, осуществленном в современной диалектике², сколько об одном из его крайне важных в обсуждаемом смысле (изменение природы) положений — о производительном развитии общества, которое собственно и привело к значительному изменению природы.

Как мы уже указывали в ряде наших работ, так же как и в феноменологии духа, в феноменологии-духа-продолжении раскрыты соответствующие феноменологические образы духа, и в частности был выявлен новый феноменологический образ духа (новый — не указанный Гегелем): *экономика как феноменологический образ духа*. Это не экономика в обычно понимаемом смысле. Это образ духа, который в своем последовательном раскрытии дает переход к тому, *что* называется экономикой. Или в авторской Современной диалектической философии было получено основание принципиально нового понимания экономики, базирующегося не на ее внешнем восприятии, как в материалистической экономической науке, а

² О нем мы уже писали в ряде наших работ (см., напр.: [3]) и докладывали на международных научных конференциях в МГУ имени М.В. Ломоносова (*напр.*, в нашем докладе «Неоэкономическое как другое капиталистическое экономическое (формирование неоэкономической теории на основе развития некоторых положений труда Г.В.Ф. Гегеля “Феноменология духа”)» на международной научной конференции «Российское системное перестроение как стратегическая неизбежность: неоэкономика, неоиндустриализация, неодирижизм» (МГУ имени М.В. Ломоносова, 7—9 декабря 2016 г.).

на осознании ее изнутри духа, на осознании ее сущности. Это многогранный вопрос, положения которого мы последовательно освещаем в наших статьях и в докладах на научных конференциях, однако об одном из них, достаточно очевидном и также уже обозначенном в одной из наших работ [2], следует сказать; это — противоречие экономики. Так как оно раскрыто в указанной нашей работе, да и само по себе достаточно очевидно, то обозначим лишь один из его важнейших в данном случае аспектов: это — противоречие (которое есть корень всякого движения и жизненности). Или развитие обществ экономической общественной формации, капиталистического общества, неизбежно, что является как ответом на один из основных вопросов симпозиума, так и принципиальным положением и нашего доклада на нем и настоящей статьи.

Но каким оно будет, насколько негативным, как его воспринимать и понимать? Что можно ожидать? Эти вопросы, обозначенные на симпозиуме, сами по себе очень важны, насущны, обширны, но не являются всеобъемлющими для диалектического познания даже в смысле развития общества, они лишь *общи*; поэтому, для получения определенной конкретики ответа в смысле некоторых важных интуитивно понимаемых положений третьей стадии изложения настоящей статьи, как и было указано выше, удобнее дать не целиком и даже не в целом³, а в определенном ракурсе — через уточнение полученного общего положения.

Итак, главный тренд современного развития — капитализм, но со всеми его негативами, подробно рассмотренными Гегелем, Марксом и Лениным, а также в авторской Современной политической экономики.

³ В этом случае повествование целесообразно было бы начинать с трудов Платона. Но вообще для данной темы можно было бы ограничиться содержанием развития, простирающемся от *науки логики* Гегеля к новодиалектическому продолжению его *феноменологии духа*. Этапы: появление вселенной, появление живого, появление духа и человека. Человек — не естествен природе, так как дух первичнее ее; поэтому и он и человек — не ее, или искусственное закономерно. Другое дело насколько оно далеко зашло. Что с человеком? Без применения диалектики понимается лишь развитие, обусловленное социумом: производственные отношения, капитализм, бездуховность...

В определенном же ракурсе имеет смысл рассматривать развитие одной конкретной страны. Возможно ли оно сейчас, в эпоху глобализации? Скорее — возможно ли значимое развитие экономически плохо или недостаточно развитой страны или хотя бы ее экономики? Да, если реализовывать развитие в соответствии с философией Гегеля, ибо нагляден пример развития Германии за 30 лет от раздробленных аграрных княжеств, да еще находившихся в сложнейшей социально-экономической ситуации после нашествия Наполеона, до империалистической (соответственно тому времени) страны — пример возвеличивания Германии, удостоенный даже восхищения представителей противоборствующей Великобритании⁴. Но будет ли осуществлено такое развитие в тех или иных современных недостаточно экономически развитых странах? Вопрос... Однако для настоящей статьи важно другое: капиталистическое развитие как таковое в современной диалектике отрицается, ибо оно полно негативов. При этом, с другой стороны, оно *предполагается*, ибо без него невозможно развитие производительных сил, экономики, материальной мощи общества. Противоречие? Да, но это именно то, что есть корень всякого движения и жизненности. Однако в самом капитализме, как мы уже писали, оно решено быть не может (Маркс рассматривал его решение, как известно, через диктатуру пролетариата, Гегель — по-другому). Поэтому в авторской Современной политической экономии решение было найдено на основе диалектического внутреннего отрицания капитализма. Это — новая общественно-экономическая формация, новое общественное устройство — *индустриальное социальное общество*, о котором мы

⁴ Например, Дж.Х. Стирлинг написал, что в начале XIX в. именно «...Гегелю и, в особенности, его философии этики и политики обязана Пруссия своим могуществом и организацией..» (цит. по: [4, 43]). Более того, Гегель определил основные положения экономического развития Пруссии и Германии: «...В то время как в конституционной Англии обладатели преимущественных прав и правительственных облигаций разоряются господствующей коммерческой безнравственностью, то простые собственники акций прусских железных дорог могут рассчитывать на гарантированный средний доход 8,33%. Вот уж, воистину, аргумент в пользу Гегеля!» [4, 43].

писали в ряде наших работ и неоднократно докладывали на международных научных конференциях в МГУ имени М.В. Ломоносова⁵.

Однако научные сообщества почему-то не исследуют принципиально новых вариантов прогрессивных путей развития, только полнятся разговорами о них. Поэтому в современной диалектике преимущественно рассматриваются не стратегии развития общества (но их можно будет изложить в случае заинтересованности в них), а линии развития отдельного человека: самоосознание, самоформирование, индивидуальный дух, индивидуальная идея — позиции преимущественного развиваемого в современной диалектике *учения о субъективном духе*, включающего не только мистичные для наук понятия мышления, сознания, духа и др., но и развитие всем понятных областей познания, прежде всего логики, психологии и программирования⁶.

Таким образом, производительное развитие общества и экономика изучаются в современной диалектике (в том числе через соответствующую ипостась духа) не только для осмысления прогрессивного развития общества, уменьшения кризисности его развития и т. п. Это все делается, в основном, ради главной цели диалектических исследований, а этой целью является понимание человека и его совершенствование, или осмысление субъективного духа, или развитие диалектического учения о субъективном духе. Значение учения о субъективном духе, в свою очередь, архиважно для понимания как жизни и человека, так и ряда соответствующих гуманистических положений, указанных еще Платоном и Гегелем и развитых в современной диалектике. Вот так: в современной диалектике понимание экономики в частности и развития общества в целом развивается в целях понимания человека, смысла его жизни, его предназначения, его реальной жизни, ее существа и его реального будущего; — собственно, этому и служит диалектика. Иными

⁵ В МГУ имени М.В. Ломоносова это наше открытие в 2016 г. было удостоено премии в общеуниверситетском конкурсе работ, способствующих решению задач Программы развития Московского университета.

⁶ О системе логик современной диалектической философии, о диалектической психологии и о диалектическом программировании мы писали в ряде наших работ и неоднократно докладывали на международных научных конференциях в МГУ имени М.В. Ломоносова.

словами, даже изучение экономики и перспектив цивилизации осуществляется в диалектике во имя вечного духа человека, а не ради преходящих мирских потуг человека или даже потуг всего человечества, все равно рано или поздно превращающихся в прах. Отсюда следуют самые главные предметы изысканий современной диалектической философии — это человек, его жизнь, благополучие, благоденствие. На эти позиции стоит обращать особо пристальное внимание, причем не только в диалектике, но и в науках; — вот это и является смыслом и выводом как нашего доклада на симпозиуме, так и настоящей статьи.

Литература

1. Гегель Г.В.Ф. Соч. Т. 5. М.; Л., 1937.
2. Молчанов К.В. К вопросу о социальном проектировании: диалектический аспект понятия «экономика» // Философия хозяйства. 2010. № 6.
3. Молчанов К.В. Политико-экономические начала неэкономической идеи: диалектическое осмысление современной экономики как другой капиталистической экономики (некоторые положения, обусловленные продолжением труда Гегеля «Феноменология духа») // Философия хозяйства. 2017. № 1.
4. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2. М., 1992.

References

1. Gegel' G.V.F. Soch. T. 5. M.; L., 1937.
2. Molchanov K.V. K voprosu o social'nom proektirovanii: dialekticheskij aspekt ponjatija «jekonomika» // Filosofija hozjajstva. 2010. № 6.
3. Molchanov K.V. Politiko-jekonomicheskie nachala neojekonomicheskoj idei: dialekticheskoe osmyslenie sovremennoj jekonomiki kak drugoj kapitalisticheskoy jekonomiki (nekotorye polozhenija, obuslovlennye prodolzheniem truda Gegelja «Fenomenologija duha») // Filosofija hozjajstva. 2017. № 1.
4. Popper K. Otkrytoe obshhestvo i ego vragi. T. 2. M., 1992.

IV

**АКТУАЛЬНАЯ
СОЦИОЛОГИЯ**

А.Л. АНДРЕЕВ

Социальное знание и контексты знаний*

Аннотация. Рассматриваются эпистемологический статус и условия практического приложения социального знания. Обосновывается зависимость статуса знаний от смысловых и ценностных контекстов, в которые оно включено, причем некоторые из таких контекстов могут значительно снизить специфическую ценность знания или даже полностью его обесценить. В качестве примера контекстуального обесценивания знания рассматривается, в частности, его включение в контексты исторических мифов и так называемой исторической политики. С точки зрения контекстуального анализа социального знания дается оценка белорусскому социологическому проекту «Рефорум», обосновывается необходимость учета глобальных тенденций и глобальных прогнозов при разработке национальных стратегий развития.

Ключевые слова: социальное знание, смысловой контекст, социологический проект, глобальные тенденции, стратегия развития.

Abstract. The article scrutinize epistemological status and conditions for the practical application of social knowledge. The dependence of the status of knowledge on the semantic and value contexts in which it is included is justified as some of such contexts can significantly reduce the specific value of knowledge or even completely depreciate it. As an example of contextual depreciation of knowledge, it is considered, in particular, its inclusion in the contexts of historical myths and so-called historical politics. From the point of view of the contextual analysis of social knowledge, an assessment is given to the Belarusian sociological project «Reforum»; it is pointed out that global tendencies and global

*Статья написана при поддержке РФФИ. Проект № 17-23-1007 а (м).

Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Андреев А.Л. Социальное знание и контексты знаний // Философия хозяйства. 2018. № 2. С. 187—195.

forecasts should be taken into account when developing national development strategies.

Keywords: social knowledge, semantic context, a sociological project, global trends, strategy development.

УДК 31
ББК 60.5

Любой политический деятель, администратор среднего или высшего звена, журналист скажет нам, что социальные знания нужны и без них невозможно обойтись. Однако некоторые исследования показывают, что такие ответы далеко не всегда согласуются с реальной практикой. Показательно, что оценки населением компетентности кадров, занятых в сфере государственного и муниципального управления, достаточно низки — во всяком случае, заметно ниже, чем оценивают аппаратчиков советского времени [1]. Не последнюю роль в этом играет то, что для основной массы российских чиновников наиболее важными представляются знания в сфере финансов, IT, иногда также оргпроектирования, но лишь сравнительно немногие из них проявляют сколько-нибудь устойчивый интерес к социальным знаниям и имеют соответствующие компетенции. На самом деле действительный запрос на социальное знание не является некой абсолютной константой, а представляет собой как бы волновую функцию, значение которой то падает, то возрастает, давая иной раз резкие всплески.

Чаще всего актуализация запроса на социальное знание происходит тогда, когда общество оказывается на пороге очередного исторического выбора. В такие моменты истории актуализация потребности в социальном знании очевидным образом коррелирует с рефлексией о будущем. Это как раз та ситуация, в которой находится ныне большинство стран постсоветского пространства. После падения СССР эти страны пережили уже два этапа своего развития — этап первоначальной деструкции (особенно острой в Средней Азии, на Кавказе и в Молдавии, где дело доходило до гражданских войн) и фазу постдеструктивной стабилизации, когда им удавалось выработать более или менее устойчивую социально-экономическую модель. Но сегодня эта первоначальная стабилизация все чаще осознается как период, подходящий к концу в первую очередь, потому

что мир вокруг нас быстро меняется, и мы все время сталкиваемся с новыми вызовами, на которые только еще предстоит найти ответы.

Эту озабоченность будущим мы в последнее время наблюдаем во многих странах постсоветского пространства. Другое дело, в каких конкретных формах она проявляется, и на каких основаниях осуществляется проектирование будущего. Диапазон здесь достаточно широк. Откликаясь на проблемы, с которыми в той или иной мере сталкиваются все постсоветские государства, можно попытаться найти ответ, пересматривая собственную идентичность, и в этом случае заняться созданием новых или воскрешением старых исторических мифов и развернуть войну с собственным прошлым. А можно пересматривать не идентичность, а аналитический инструментарий и опираться при этом на новые инструменты мультидисциплинарного социального анализа. Скажем, на такой основе в Российской Федерации в последнее время активно, с участием как первых лиц государства, так и экспертного сообщества, вырабатывается новая стратегия развития, ключевыми элементами которой являются так называемая цифровая экономика и сдвиг геэкономических приоритетов на восток, когда общегосударственными задачами становится создание новых глобальных транспортных коридоров и опережающее развитие областей, географически входящих в состав приобретающего роль главного локомотива мирового экономического развития Азиатско-Тихоокеанского региона.

Не располагая социальным знанием, нельзя построить то, что принято обобщенно называть «хорошим обществом» [4]. Невозможно и разработать стратегию, способную привести к достижению этой цели. Данное утверждение кажется самоочевидным, и для этой самоочевидности есть веские основания. Но тем не менее в силу некоторой своей абстрактности оно нуждается в философско-методологическом осмыслении и некоторых пояснениях. Каким бы парадоксальным это ни показалось на первый взгляд, но знание, обладание знанием и применение знания сами по себе еще не дают гарантий адекватности существующим задачам, а следовательно, и практической успешности. К отношению между знанием и результатами практического действия надо подходить конкретно, учитывая при этом многочисленные «как» — в том числе технологии применения знания, особенности целеполагания, смысловые и ценностные установки, регулирующие селекцию знаний и задающие параметры лежащих в его основе базовых абстракций. Следует осо-

бо подчеркнуть, что знание может быть точно интегрировано в такие контексты, которые, если брать их в целом, имеют совсем иной эпистемологический статус, — это, к примеру, могут быть те же мифы. Именно так, в частности, построены некоторые получившие в последнее время широкое хождение концепции так называемой исторической политики. Их действительная (но чаще всего не декларируемая, а иногда и не осознаваемая) функция состоит не в том, чтобы составить реалистическую картину социально-исторического процесса во всей его сложности и неоднозначности, а в том, чтобы придать внешние черты рациональности внешним проекциям различным комплексам коллективного бессознательно-го. Это, однако, вовсе не означает, что здесь не могут быть использованы отдельные знания о действительных фактах и явлениях. Но здесь практически всегда имеет место отступление от той интенции объективности, которая, при всей своей условности (поскольку полная объективность есть всего лишь некий идеальный предел, асимптота, к которой стремится познавательный процесс), является ключевым признаком науки и отличает научное знание от всех других ментальных репрезентаций реальности.

Можно говорить и о других типичных ситуациях, когда утверждения, каждое из которых само по себе выражает некоторое знание, в определенных сочетаниях и модификациях могут создавать почву для различного рода aberrаций. Такие результаты могут получиться при использовании теоретически правомерных, но слишком сильных абстракций, вследствие отступления от четвертого правила метода Декарта, касающегося, как известно, полноты обзоров и описаний или же в случаях отождествления похожего (например, по типу «Сталин и Гитлер тираны, поэтому они оба ответственны за развязывание Второй мировой войны»).

Соответственно для современной социальной науки работа, связанная не только с выработкой знаний как таковых, но и со смысловыми контекстами знания, а также с эффектами масштабирования знаний (эстраполяция тех или иных обобщений на явления другого масштаба) представляется ключевым условием претворения этих знаний в социальные технологии. Проблема в том, что методы получения социальных знаний как таковых достаточно хорошо отработаны, эффективны и на определенном уровне обобщения вполне надежны (в качестве примера сошлемся хотя бы на точность электоральных или маркетинговых прогнозов). А вот методы рабо-

ты с контекстами социального знания отрефлексированы недостаточно, по сути дела в нашем распоряжении имеются лишь отдельные полезные наблюдения и правила. В микросоциологии, на уровне изучения и понимания локальных явлений, это не столь уж и критично. Но когда мы переходим к анализу больших социальных систем, таких как политические сообщества и государства, когда мы стараемся понять логику социальных изменений, имеющих историческую значимость, проблема контекста становится исключительно важной, а иногда и решающей.

Решающий импульс размышлениям на эту тему автору этих строк дало знакомство с одним конкретным социологическим проектом, а именно, с проектом «Рефорум», который был инициирован Белорусским институтом стратегических исследований под руководством А. Пикулика. Проект позиционировался как комплексное исследование, которое должно создать базу знаний для выработки эффективной стратегии развития страны. Его идея состоит в том, чтобы посредством серии массовых опросов и экспертных интервью в нескольких целевых аудиториях (власть, бизнес, гражданское общество и «рядовые белорусы») выявить характер сложившихся в обществе представлений о том, что нужно стране и что в связи с этим следует делать, а затем, исходя из реконструированного таким образом «мнения общества», сформулировать эти представления на языке императивов практической политики — в виде конкретных планов реформ, которые должны будут разработать на основе высказанных пожеланий рабочие группы белорусских и западных экспертов [3].

Не будем останавливаться на данном проекте подробнее, как и не будем давать ему каких-либо идеологически мотивированных комментариев (хотя тот факт, что местом пребывания упомянутого белорусского института является... Вильнюс, сам по себе заслуживает упоминания и может на такие оценки наталкивать). Но в данном случае проект «Рефорум» берется только как удобный пример, позволяющий наглядно рассмотреть методологический вопрос о статусе социального знания и, если можно так выразиться, вопрос о предметном горизонте, очерчивающем возможность его применения именно как знания. В этой связи стоило бы задуматься над тем, насколько вообще продуктивна такая схема, можно ли принять ее как руководство при решении подобных задач.

Не вызывает сомнений то, что предложенная методология есть пример методологии рационального проектирования, даже, если можно так выразиться, попытка *рассчитать* реформы исходя из создаваемой специально под данный проект базы знаний. В результате проведенных исследований действительно был создан массив данных, в определенной мере расширяющий знание о социальной ситуации и состоянии общественного сознания в стране. Однако констатировать это недостаточно. Надо еще уточнить ряд вопросов, связанных со статусом используемого знания и его функциональных характеристик. Действительно ли это — знание, которое позволяет управлять будущим, достигая *именно того* результата, который был задуман? Если это так, то, может быть, стоило бы взять подход, положенный в основу рассматриваемого проекта, в качестве генерализованного парадигмального образца? Например, не стоит ли заимствовать лежащую в его основе методологию для решения тех задач, которые встают сегодня перед Российской Федерацией?

На все поставленные вопросы мы бы ответили твердым «нет». Объясняя свою точку зрения, прежде всего укажем на феномен глобализации, о которой в последнее время постоянно говорят, хотя при этом не всегда до конца понимают, что на современном этапе она радикально меняет весь механизм социально-исторического развития. Если раньше основным фактором развития были условия, складывающиеся на относительно независимых друг от друга локальных территориях (например, в XVI—XVII вв. сочетание наиболее благоприятных условия для быстрого экономического и технологического подъема сложились в бассейне Северного моря), то в условиях глобальной интеграции решающее значение приобретают конфигурация всей глобальной системы и ее нелокализованные потребности.

Система создает настолько мощные импульсы, что они способны подавить, либо многократно усилить, либо приостановить локальные тренды подобно тому, как большая волна либо накрывает и топит пловца, независимо от его усилий, либо выносит его на гребень и придает его движению ускорение, которого он сам по себе не мог бы добиться. В этой ситуации диалектика внутреннего и внешнего трансформируется со значительным перевесом в сторону последнего. Другой вопрос, насколько то или иное общество спо-

собно «подхватить» попутный «мировой ветер», как это, например, удалось Китаю.

Таким образом, ключевой момент в проектировании будущего — учет глобальных конфигураций, причем речь должна идти не только о текущем состоянии, но и о динамике. Надо как бы вписать стратегии национального развития в эту динамику, чего мы в программе «Рефорум» не видим, поскольку от состояний внешней международной среды он как бы абстрагируется. В лучшем случае глобальное окружение Республики Беларусь имплицитно присутствует в данном проекте в виде некоторого фона, который рассматривается, во-первых, как нечто постоянное, а, во-вторых, как источник бесспорных и потому не подвергаемых критическому анализу образцов. Так, например, рассматриваются в контексте формулируемых в качестве итога проведенных исследований особенности «европейской модели образования» (констатируя, что образовательные практики в Республике Беларусь не согласованы с этой моделью, участвующие в проекте эксперты без каких-либо колебаний оценивают это как недостаток и рекомендуют заняться его устранением, хотя реализуемый в Европе так называемый Болонский процесс весьма неоднозначен и в его эффективности нередко сомневаются авторитетные деятели образования ведущих европейских стран).

А между тем глобальная архитектура меняется на глазах, финансовые и товарные потоки переориентируются, формируются новые или обновленные трансконтинентальные транспортные коридоры (китайский проект «Один пояс — один путь», обновление российского ледокольного флота и обустройство инфраструктуры Северного морского пути, трубопровод «Сила Сибири» и др.), а такие коридоры, как известно, всегда способствовали экономическому, а затем и политическому возвышению территорий, по которым они пролегали. В результате происходит отчетливо наблюдаемое смещение центров мирового развития. При определенном сочетании условий Белоруссия в рамках такого рода глобальных трансформаций становится ключевым соединительным звеном между экономиками Запада и Востока. Энергия ее финансово-экономического притяжения в этом случае легко достигнет значений, непропорционально больших по сравнению с ее собственным производственным, ресурсным и демографическим потенциалом. Понятно, что это сделает ее и привилегированным получателем инвестиций. Нетрудно, однако, заметить, что в проекте «Рефорум»

данный аспект не учитывается, а связанный с ним баланс возможностей не просчитывается. А это как раз и означает то, что имеющееся и вновь получаемое в рамках данного проекта социальное знание его инициаторы и разработчики предполагают включить в слишком узкий рамочный контекст, который значительно снижает эффективность использования этого знания. При таком подходе всегда существует реальная опасность, что внутренние преобразования не будут сопрягаться и резонировать с импульсами, генерируемыми внешним окружением.

При этом ограничимся в своих рассуждениях лишь самым поверхностным слоем глобальных процессов, тем, что доступно непосредственному наблюдению без теоретического анализа, учитывающего *инновационный характер глобального развития*, которое по ходу дела как бы достраивает набор своих детерминант и дополняет его еще не проявившими себя в полной мере элементами. А ведь есть еще перспективные качественные тренды, о которых сейчас нет возможности говорить, поскольку их надо рассматривать особо. Это, в частности, специализация цивилизаций и формирование новых аттракторов мирового развития, этническая революция, формирование социотехнических систем и в связи с этим трансгуманистическая альтернатива развития [2, 139—147]. Пока еще эти тенденции не отразились в общественном сознании, которое реагирует на слишком незнакомые для него новации со значительной инерцией. Уже поэтому попытки «вывести будущее» из сложившихся на сегодня представлений и основанных на них запросах не представляется убедительной.

Впрочем, понятно, что анализ такого рода тенденций не вписывается в полной мере в какие-то узкие дисциплинарные рамки (например, в дисциплинарные рамки социологии). В этой связи возникает как методологическая, так и практическая потребность в широкой интеграции различных областей социального знания в рамках проблемно ориентированных исследований междисциплинарного типа. Но понятно, что для этого надо создавать соответствующие институциональные структуры. Возможно, прообразом таких структур мог бы стать Федеральный научно-исследовательский социологический центр, созданный в Российской Федерации летом 2017 г. Кроме того, поскольку речь идет о понимании процессов, выходящих за национальные рамки, а в практическом плане — о стыковке различных национальных проек-

тов в рамках широких процессов глобальной интеграции, необходима значительная активизация международного сотрудничества в сфере производства социального знания, включая разработку, обоснование и реализацию больших международных исследовательских проектов, в том числе в институциональных рамках СНГ, ШОС и БРИКС.

Литература

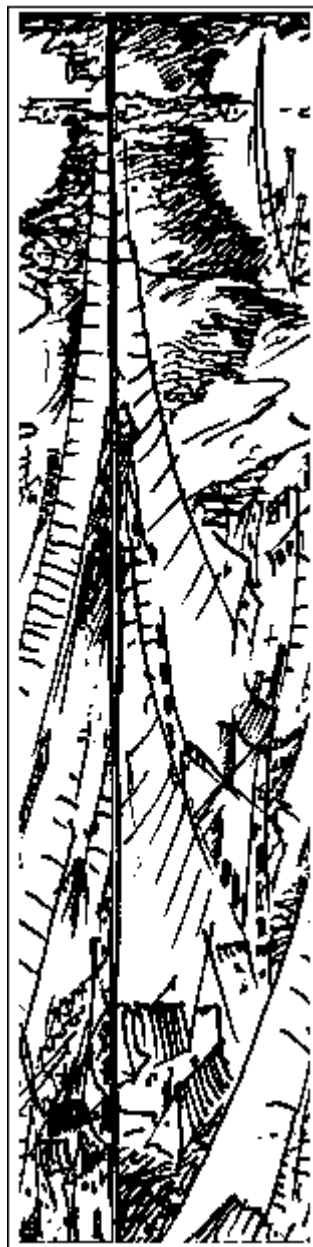
1. *Андреев А.Л.* Современная Россия: запрос на компетентного чиновника // *Общественные науки и современность*. 2007. № 1.
2. *Андреев А.Л.* Специализация цивилизаций и аттракторы мирового развития // *Общественные науки и современность*. 2015. № 1.
3. *Пикулик А.* «Рефорум»: итоги // Сайт Белорусского института стратегических исследований. URL: <http://www.belinstitute.eu/ru/node/3369>.
4. *Федотова В.Г.* Хорошее общество. М.: Прогресс-традиция, 2005. 544 с.

References

1. *Andreev A.L.* Sovremennaya Rossiya: zapros na kompetentnogo chonovnoka // *Obschestvennye nauki i sovremennost*. 2007. № 1.
2. *Andreev A.L.* Spetsializatsiya tsivilizatsij i ttraktory mirovogo razvitiya // *Obschestvennye nauki i sovremennost*. 2015. № 1. P. 139—147.
3. *Pikulik A.* «Reforum»: itogi // Site Belorusskogo institute strategicheskikh issledovanij // <http://www.belinstitute.eu/ru/node/3369>.
4. *Fedotova V.G.* Horoshee obschestvo. M.: Progress-traditsiya, 2005. 544 p.

V

**100 ЛЕТ
РУССКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ**

Р.М. НУРЕЕВ

**Революция 1917 года: предпосылки
и экономические последствия для России
и мировой экономики***

Аннотация. Статья посвящена анализу предпосылок революции 1917 г. и ее экономических последствий для России и мировой экономики в целом. Во время Первой мировой войны происходят национализация экономики воюющих стран, огосударствление и промышленности, и сельского хозяйства. Эти процессы охватили все сферы общественного воспроизводства — производство, распределение, обмен и потребление. Попытка восстановить денежную систему, разрушенную во время Первой мировой войны, привела к Великой депрессии, а она, в свою очередь, к возникновению нацизма и Второй мировой войне. Изменение регулирования банковской системы, национализация центральных банков и ограничение их функций, а также защита от риска банков в качестве долга государства, начавшиеся в США в 1934 г., постепенно распространялись во всем мире. Финансовые институты, существующие в современном мире, во многом определили конкретную историю так называемой «второй тридцатилетней войны». Опыт Первой мировой войны и попытки выйти из Великой депрессии означали начало перехода от чистой рыночной экономики к смешанной и оказались чрезвычайно привлекательными для большевиков при строительстве новой экономики в Советской России. В статье критически анализируются две крайние формы огосударствления экономики, типичные для военного коммунизма — централизованная продовольственная диктатура и милитаризация труда.

*Первоначальный вариант статьи был опубликован в работе [9].

Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Нуреев Р.М. Революция 1917 года: предпосылки и экономические последствия для России и мировой экономики // Философия хозяйства. 2018. № 2. С. 199—217.

Ключевые слова: Первая мировая война, национализация, командная экономика, центральные банки, Военный коммунизм, централизованная продовольственная диктатура. милитаризация труда.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the preconditions of the revolution of 1917 and the economic consequences it had for Russia and the world economy. During the First World War, there is nationalization of the economy of the warring countries. There was a nationalization of both industry and agriculture. It covered all spheres of social reproduction — production, distribution, exchange and consumption. The war was extremely long and destructive. An attempt to restore the monetary system, destroyed during the First World War led to the Great Depression, and she, in turn, to the development of Nazism and World War II. The change in the regulation of the banking system, nationalization of the central banks and the limitation of their functions, as well as protection against the risk of banks, as the duty of the state, which began in the US in 1934, by gradually spread around the world. Deposit insurance, change the role of the banking system around the world, the creation of the IMF and the World Bank have been institutional changes, which are due to shocks. There is no doubt that the financial institutions that exist in the modern world, largely identified specific history of the so-called second thirty years war. The experience of the First World War and the attempts to get out of the Great Depression meant the beginning of the transition from a pure market economy to a mixed and proved to be extremely attractive for the Bolsheviks during the construction of the new economy in Soviet Russia. The article critically analyzes the two extreme forms of nationalization of the economy, typical of military communism-the centralized food dictatorship and the militarization of labor.

Keywords: First world war, nacionalization, command economy, central banks.military communism, centralized food dictatorship. militarization of labor.

УДК 330
ББК 63, 65

1. Истоки

Любое крупное историческое событие — и Октябрьская революция 1917 г. не исключение — есть единство общего, особенно и единичного. Общим является то, что революция произошла в стране догоняющего развития. А. Гершенкрон выделял три эшелона развития капитализма, относя Россию ко второму (табл. 1).

Таблица 1

Эшелоны развития мирового капитализма

	Страны	Особенности развития капитализма	Роль государства в экономике	Положение в мировой капиталистической системе
1-й (с XIV в.)	З. Европа, С. Америка	Длит. спонтанное развитие	Заметная	Главенствующее
2-й (конец XVIII — середина XIX в.)	В. Европа, Россия, Турция, Япония	Развитие «сжато», импульс развития идет как изнутри, так и извне	Значительная	Второстепенное
3-й (конец XIX — конец XX в.)	Колониальная и зависимая периферия Азии и Африки	Неорганичность капиталистической эволюции, возникновение реакции отторжения	Доминирующая	Полностью зависимое (сырьевые придатки)

Источник: [2].

Импульс рыночной модернизации для стран второго эшелона был задан не столько внутренними, сколько внешними обстоятельствами, что предопределило обострение внутренних противоречий в условиях, когда надо было пройти длительный исторический период в сжатые сроки. К тому же капитализм в странах второго эшелона не столько вырос «снизу», сколько насаждался «сверху» путем выгодных, гарантированных заказов, крупных субсидий, дота-

ций частному капиталу, создания монопольных условий производства и реализации отдельных видов продукции, прямого развития государственного предпринимательства и т. д. Усиление крепостничества стало оборотной стороной российской вестернизации. «Не Петр Великий установил крепостное право, — писал А. Грешенкрон, — но в том, чтобы сделать его эффективным, он преуспел, возможно, больше, чем кто-либо другой» [2, 435].

Особенные черты, подготовившие русскую революцию 1917 г., сложились в ходе Первой мировой войны. Дело в том, что в конце XIX — начале XX столетия происходит замедление развития старых лидеров и начинается рост новых западных экономических держав. Заметно повышается роль Скандинавских стран, Германии и США. Это стало результатом завершения индустриализации в этих странах и стремительного роста картелей и трестов в этих странах (табл. 2, рис. 1).

Таблица 2

Замедление старых лидеров и рост новых западных экономических держав, ВВП на душу населения, дол. (1990), по ППС*

Годы	Старые лидеры**	1870 =100	Франция и Германия	1870 =100	Скандинавия***	1870 =100	США	1870 =100
1870	2.679	100	1.886	100	1.631	100	2.457	100
1900	3.827	143	2.992	159	2.408	148	4.096	167
1913	4.330	162	3.644	193	3.046	187	5.307	216

*Паритет покупательной способности;

** Голландия, Великобритания, Бельгия, Швейцария;

*** Швеция, Дания, Норвегия.

Источник: [17, 194—6].

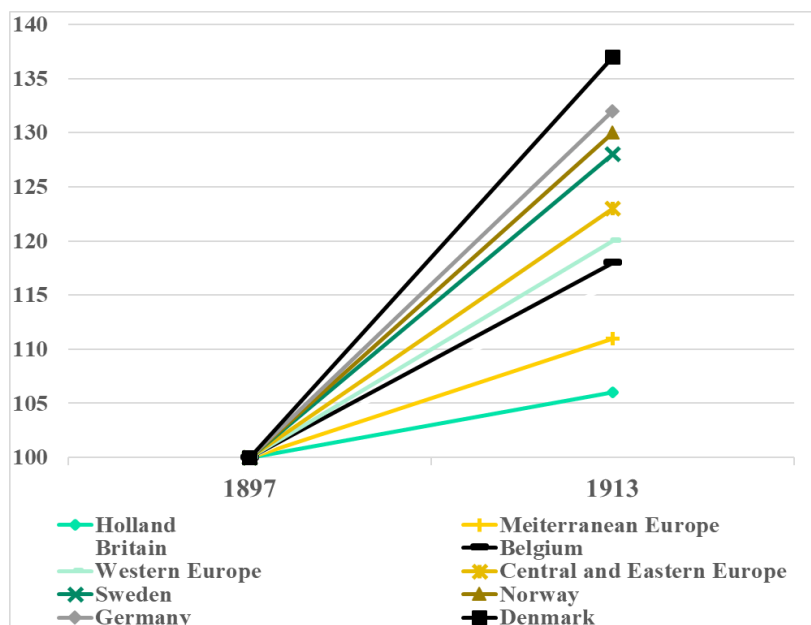

Рис. 1. Неравенство темпов экономического роста (1897—1913) [13, 35]

В результате доля Великобритании в мировом производстве угля упала с 39% в 1881—1890 гг. до 22% в 1911—1913 гг. а доля США за этот период выросла с 26 до 38%. На третье место вышла Германия, доля которой в мировом производстве угля за рассматриваемый период возросла с 18 до 20%. Аналогичные процессы происходили и в других отраслях. Особенно заметными эти изменения были в выплавке стали — важнейшей отрасли на рубеже веков. Так, доля Великобритании в мировом производстве стали упала с 32% в 1881—1890 гг. до 10% в 1911—1913 гг., а доля США за этот период выросла с 31 до 42%. На второе место вышла Германия, доля которой в мировом производстве угля за рассматриваемый период возросла с 18 до 23% (табл. 3).

Таблица 3

Доля стран в мировом производстве и торговле, %

	Добыча угля		Выплавка стали		Мировая торговля	
	1881— 1890	1911— 1913	1881— 1890	1911— 1913	1886— 1890	1909— 1913
Великобритания	39	22	32	10	20	16
Франция	5	3	7	6	11	9
США	26	38	31	42	11	12
Германия	18	20	18	23	12	14

Источник: [8, 185, 187, 189].

Возросшему экономическому потенциалу новых промышленных стран уже не соответствовала их довольно скромная доля в мировой торговле (табл. 2). И хотя традиционным лидерам в этой области — Великобритании и Франции — пришлось немного потесниться, тем не менее темпы увеличения доли в мировой торговле США и Германии заметно отставали от темпов роста промышленного производства. Сложившаяся к концу XIX в. колониальная система закрепляла за традиционными лидерами приоритеты в мировой торговле.

Период с 1875 по 1914 г. Эрик Хобсбаум назвал «веком империи» (см.: [12]). Действительно, именно в это время к старым империям: Российской, Турецкой и Французской — добавились новые: Британская и Германская. Экономический раздел мира привел к усилению неравномерности доходов в европейских регионах. В результате произошло отставание стран Центральной и Восточной Европы от наиболее богатых колониями Западноевропейских стран (табл.4).

Неравенство экономического и политического развития привело к обострению конкуренции между странами и новому витку гонки вооружений. «В ходе Первой мировой войны происходит огосударствление экономики воюющих стран. Война оказалась чрезвычайно долгой и разрушительной. Это стало неожиданностью

для всех воюющих стран. Дело в том, что опыт прошлых войн (франко-прусской, балканских) заставлял ожидать обратного. Однако достигнутый высокий уровень военной техники не позволял получать быстрых военных успехов на фронтах Первой мировой войны. Для мобилизации ресурсов правительства воюющих стран вынуждены были отказаться от рыночных методов регулирования экономики в пользу командных. В Германии и Великобритании этот процесс охватил как отрасли промышленности, так и сельского хозяйства» [9, 93—104]. Огосударствление охватило все сферы общественного воспроизводства – производство, распределение, обмен и потребление.

Таблица 4

**Неравномерность доходов в европейских регионах,
ВВП на душу населения**

Регионы	\$ в 1820	\$ в 1820	\$ в 1870	\$ в 1870	\$ в 1913	\$ в 1913
Запад	1,372	100	2,337	100	4,013	100
Полууспешные регионы	844	62	1,154	49	2,294	57
Доиндустриальные и частично модернизированные	907	66	1,161	50	1,699	42
Отстающие регионы	—	—	—	—	1,037	26

Источник: [17, 23].

В Германии уже в августе 1914 г. был создан военно-сырьевой отдел при военном министерстве, а в 1915 г. началось принудительное синдицирование отраслей (угольной, обувной, табачной и др.). С 1916 г. стал реализовываться «план Гинденбурга». В Великобритании с 1914—1915 гг. начинается введение госконтроля на транспорте и военных заводах, в 1915 г. создается министерство вооружений, а в 1917 г. вводится госконтроль над угольной промышленностью (табл. 5).

Таблица 5

Командные экономики военного времени (1914—1918)

Направления государственного регулирования экономики	В Германии	В Великобритании
Огосударствление промышленности	Август 1914 г. — создан военно-сырьевой отдел при военном министерстве. 1915 г. — принудительное синдицирование (угольная, обувная, табачная промышленность и др. отрасли) 1916 г. — «план Гинденбурга».	1914—1915 гг. — введение госконтроля на транспорте и военных заводах. 1915 г. — создание министерства вооружений 1917 г. — введение госконтроля над угольной промышленностью
Огосударствление сельского хозяйства	Февраль 1915 г. — введена хлебная норма. 1916 г. — введены карточки на продукты и одежду; началась «продразверстка».	1916 г. — нормирование продуктов. 1917 г. — введена гос. закупка с/х продукции.
Милитаризация труда	Декабрь 1916 г. — введена труд. повинность для мужчин 17—60 лет.	Июнь 1915 г. — закон «О военном снабжении» (запрет стачек и др.)

Источник: [9].

«Огосударствление коснулось и сельского хозяйства. В Германии в феврале 1915 г. была введена хлебная норма, а в 1916 г. — карточки на продукты и одежду, началась “продразверстка”. В Великобритании с 1916 г. началось нормирование продуктов, а в 1917 г. была введена государственная закупка сельскохозяйственной продукции.

Важной чертой государственного регулирования экономики стала милитаризация труда. В июне 1915 г. в Великобритании был издан закон о

закон “О военном снабжении” (запрет стачек и др.). Еще дальше пошла Германия, где в декабре 1916 г. была введена трудовая повинность для мужчин 17—60 лет» [14].

Доля мобилизованных в ходе Первой мировой войны в России была наименьшей. Она составляла лишь 39 % от всех мужчин в возрасте 15-49 лет, тогда как в Германии — 81 %, в Австро-Венгрии — 74 %, во Франции — 79 %, Англии — 50 %, Италии — 72 %. На каждую тысячу мобилизованных приходилось убитых и умерших у России 115, у Германии — 154, Австрии — 122, Франции — 168, Англии — 125. На каждую тысячу мужчин в возрасте 15—49 лет. Россия потеряла 45 человек, тогда как Германия — 125, Австрия — 90, Франция — 133, Англия — 62; наконец, на каждую тысячу всех жителей Россия потеряла 11 человек, Германия — 31, Австрия — 18, Франция — 34, Англия — 16 (см.: [1]).

Перед войной (1914) США имели чистый долг перед странами Западной Европы в 3 млрд дол.: 5,5 млрд — инвестиции европейцев в американские ценные бумаги, 2,5 млрд — капиталы США в других странах. К 1919 г. США впервые стали чистым кредитором. Великобритания была чистым кредитором до войны, но отказ России платить долги превратил ее в должника. Германия и др. проигравшие страны не имели долгов, т.к. не имели доступа к основному рынку капитала (США), но должны были заплатить огромные репарации. После войны союзники должны были США 10,4 млрд. долл. К 1921 г. европейская задолженность США достигла 15 млрд дол. (рис. 2) [9].

Рис. 2. Военные долги (1919), млрд дол.

2. Дезинтеграция мировой экономики

Экономические последствия Первой мировой войны оказались гораздо глубже, чем казалось современникам. Они разрушили предыдущую систему общественного разделения труда, которая была основой свободной конкуренции, и завершили переход к новому миропорядку. Более разрушительным для экономики в долгосрочном периоде оказались не материальные разрушения (большая часть которых произошла на территории северной Франции, Бельгии, севере Италии и западных областях Российской Империи), а разрыв прежних экономических связей.

До Первой мировой войны основная экономическая деятельность регулировалась законами конкуренции свободной рыночной системы. Эти связи были разрушены в ходе войны и усилены экономическими последствиями мира. Их так и не удалось восстановить. До войны ее участники были главными покупателями товаров и услуг друг друга. В результате войны Великобритания блокировала германские порты. Германия, в свою очередь, с помощью подводных лодок пыталась остановить поток заокеанских поставок на Британские острова. Все воюющие страны потеряли иностранные рынки. Даже Великобритания, сохранившая господство на морях, к 1918 г. потеряла половину промышленного экспорта довоенного уровня [4, 430]. В результате колониальные и зависимые страны стали налаживать производство тех товаров, которые ранее приобретались в Европе. Это коснулось не только промышленности, но и сельского хозяйства. В наибольшей степени пострадали рынки пшеницы, сахара, кофе и каучука. Война привела к потере доходов от иностранных инвестиций. Поскольку традиционно Великобритания и Франция имели отрицательное сальдо торгового баланса, то доходы от иностранных инвестиций помогали компенсировать более скромный по сравнению с импортом объем экспорта. Возникшие диспропорции были усилены инфляцией, которая заставила воюющие страны (все, кроме США) отойти от золотого стандарта. Между тем золотой стандарт имел важное значение в предвоенный период, обеспечивая экономическое равновесие на мировом рынке.

Парадокс заключается в том, что Версальский мир вместо решения возникших в результате войны проблем способствовал их обострению. Рост экономического национализма и разрушение механизма свободной торговли привели к распаду нормальных экономических связей.

Экономические связи были расстроены не только в Западной, но и в Центральной Европе. Дело в том, что Австро-Венгерская империя выполняла важную функцию, поскольку способствовала экономическому обмену между странами в бассейне Дуная. Возникшие на ее обломках страны стремились отстаивать свой суверенитет и пытались добиться экономического само обеспечения. Экономический национализм стал тормозом для развития мировой торговли и в этом регионе. В результате сложилась тяжелая ситуация для развития мировой торговли. Если перед Первой мировой войной темпы развития мировой торговли опережали темпы роста ВВП, то после нее они никак не могли их догнать (табл. 6, рис. 3).

В результате экономические проблемы, которые встали в послевоенных странах, приняли катастрофические размеры, толкая правительство на усиление вмешательства в экономику. Если посмотреть на динамику расходов правительства США с 1791 по 2011 г., то мы видим, что каждая из войн способствовала выходу этих расходов на более высокий уровень и, несмотря на многочисленные попытки их снизить, так и не увенчались успехом (рис. 4).

Таблица 6

ВВП и международная торговля (1929—1938)* (1929 г. = 100)

	1929	1930	1931	1932	1933	1934	1935	1936	1937	1938
ВВП	100	95	89	83	84	89	94	102	107	109
Импорт	100	95	90	77	78	80	82	86	97	87

* США, Великобритания, Франция, Бельгия, Италия, Швеция.

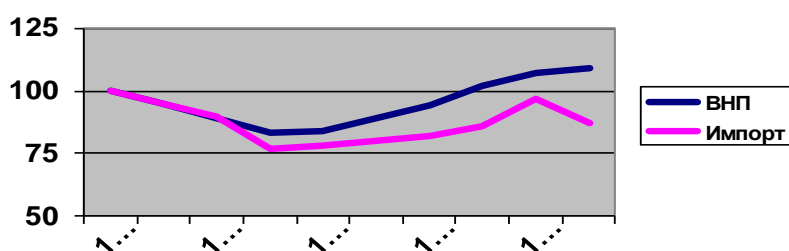

Рис. 3. ВВП и международная торговля (1929—1938)* (1929 г. = 100)

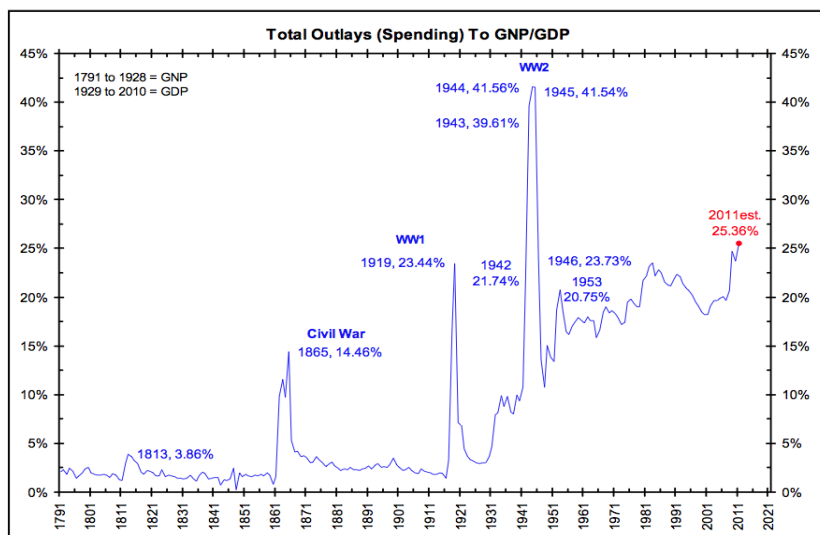

Рис. 4. Расходы правительства США (1791—2011), в % к ВВП/ВВП [19]

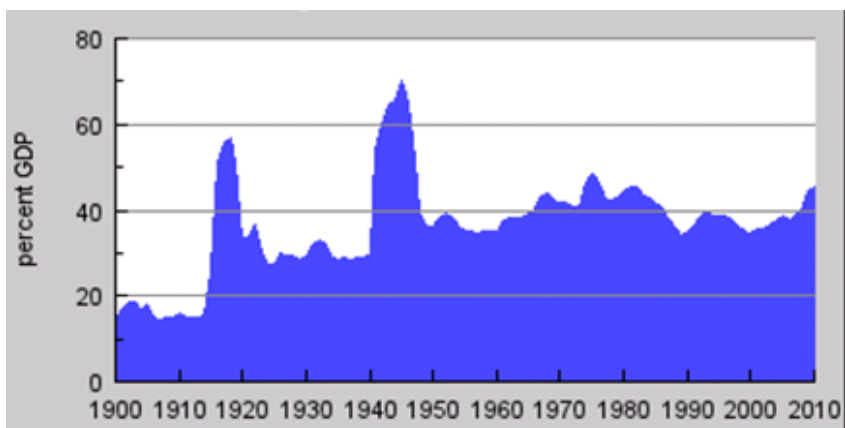

Рис. 5. Расходы Правительства Великобритании (1900—2010), % к ВВП [20]

Аналогичная ситуация была типична и для Великобритании. Если до Первой мировой войны расходы правительства не превы-

шали 20% ВВП, то после нее они уже установились на уровне 30% (рис. 5).

3. «Вторая тридцатилетняя война»: трансформация мировой банковской системы

Уинстон Черчилль назвал период с 1914 по 1944 г. «второй тридцатилетней войной», подчеркивая тем самым зависимость между изменениями, произошедшими в годы Первой мировой войны, годами Великой депрессии и Второй мировой войны [15]. Следствием неравномерности экономического развития в начавшемся процессе глобализации и либерализации стала Первая мировая война. Попытка восстановить монетарную систему, разрушенную в годы Первой мировой войны, привела к Великой депрессии, а она, в свою очередь, к развитию нацизма и Второй мировой войне. Основными чертами финансовых систем, существовавших до Первой мировой войны, были:

- множество частных коммерческих банков;
- финансируемая, в основном экспортом, открытая экономика;
- приверженность золотовалютному стандарту;
- ограниченное влияние государства;
- отсутствие глобальных финансовых институтов.

Результатом желания государства защитить банки от различных рисков стало создание неустойчивой банковской системы и, как следствие, рост бедности и экономическая нестабильность, ярким проявлением которой стала высокая инфляция. Все это способствовало разрушению той институциональной базы, на которой основывалась прежняя мировая экономика.

Появление трех центральных банков (Федеральной резервной системы, Европейского центрального банка и Банка Японии) способствовало существенному уменьшению уровня инфляции. Изменение в регулировании банковской системы, национализация центральных банков и ограничение их функций, а также защита банков от риска, как обязанность государства, начавшаяся в США в 1934 г. постепенно распространились по всему миру. Монетарная политика как в США, так и во всем мире потеряла свою ориентированность на долгосрочный период. Попытка создать Бреттон-Вудские соглашения привела к рождению Международного валютного фонда и

Всемирного банка, которые стали активными участниками формулировки решения макро- и микроэкономических проблем как в развитых, так и в развивающихся странах. Тем не менее нестабильность банковского сектора привела к замедлению развития. Поддержка МВФ способствует тому, что неплатежеспособные и рискованные банки заимствуют средства, что привело к кризисам в Мексике, в ряде азиатских стран и в России. Были ли возможны такие институциональные изменения в 1914—1944 гг.? Предложение золота настолько ограничено, что даже без влияния этих шоков от политики золотомонетного стандарта пришлось бы отказаться. Сторонники политического детерминизма полагают, что нарушение обязательств долгосрочной монетарной политика является неминуемым результатом распространения демократии и ее давления на политическую жизнь общества.

Страхование вкладов, изменение роли банковской системы по всему миру, создание МВФ и Всемирного банка были институциональными изменениями, причинами которых являлись шоки. Несомненно, что финансовые институты, существующие в современном мире, во многом были определены особой историей так называемой второй тридцатилетней войны. Следует подчеркнуть, что финансовая система, сложившаяся после периода 1914—1944 гг., нестатична. Все меняется в современном мире в условиях обостряющихся процессов глобализации. Некоторые реформы в современной экономике сложно не только предсказать, но и определить. Однако, возможно, именно они станут теми шоками, которые повлияют на экономическую историю в будущем.

Опыт Первой мировой войны и попыток выйти из Великой депрессии означал начало перехода от чисто рыночной экономики к смешанной и оказался чрезвычайно заманчивым для большевиков при строительстве новой экономики в Советской России (см.: [9]).

4. Военный коммунизм

Еще до революции, в сентябре 1917 г., В.И. Ленин в работе «Грозная катастрофа и как с ней бороться» формулирует основные принципы, ведущие к огосударствлению экономики. В условиях надвигающегося голода и полной бездеятельности правительства он выдвигает идеи национализации банков, синдикатов, отмены коммерческой тайны, принудительного объединения в союзы, государственно регулирование потребления [7]. Тем самым создаются

предпосылки для будущего социалистического огосударствления экономики под предлогом борьбы с финансовым крахом.

Таблица 7

Упадок экономики России в военный период

Экономические показатели	Доля показателей от показателей, %
Промышленное производство	20
Сельскохозяйственное производство	64
Транспортные перевозки	22
Экспорт	0,1
Импорт	2,1

Составлено по: [16, 523—526; 18, 165].

Неслучайно, после Октябрьской революции 1917 г. была предпринята прямая попытка к переходу к военному коммунизму. «Военный коммунизм» представлял собой попытку применения в интересах победившего пролетариата отдельных форм государственно-монополистического регулирования в стране «средне-слабого» капитализма. Октябрьская революция создала условия для формального обобществления производства: замены частной собственности на средства производства государственной и ведения производства по общему плану в интересах всего общества. В экстремальных условиях, созданных первой мировой и гражданской войнами (табл. 7), стала необходима централизованная продовольственная диктатура. Военный коммунизм покоился на двух китах централизованной продовольственной диктатуре и милитаризации труда

«Централизованная продовольственная диктатура выразилась в Декрете о продразверстке, согласно которому, крестьян обязали сдавать государству «излишки», т.е. все, что превышало 12 пудов зерна на едока, необходимых ему для посева и еды. Наркомпрод распределял собранное продовольствие и сельскохозяйственное сырье по губерниям» [9].

Ограничения на торговлю хлебом как основным продуктом питания появились в России еще во время Первой мировой войны, когда в декабре 1916 г. царское правительство ввело продоволь-

ственную разверстку — обязательные государственные поставки сельскохозяйственной продукции по фиксированным ценам. В марте 1917 г. Временное правительство сделало следующий шаг, введя хлебную монополию: государство декретировало свое право изымать у крестьян весь хлеб (за вычетом необходимого на личное потребление) и полностью запретило торговлю хлебом. Большевики приняли эстафету огосударствления хлебного рынка. Согласно Декрету от 9 мая 1918 г., все имевшие излишек хлеба и не заявившие о нем объявлялись «врагами народа», подлежали революционному суду, их запасы бесплатно изымались. К излишкам первоначально относили то, что превышало норматив в 12 пудов зерна на едока, но позднее стали относить и значительную часть необходимого продукта. Наркомпрод осуществлял распределение собранного продовольствия и сельскохозяйственного сырья по губерниям в соответствии с их потребностями (точнее, исходя из ресурсов и информации об этих потребностях). Для выявления хлеба, скрываемого «врагами народа», в деревни из городов посылали вооруженные продотряды (см.: [11]).

Милитаризация труда выражалась в том, что мобилизованным оказалось все взрослое население страны. Призыву подлежали мужчины и женщины в возрасте от 18 до 40 лет; детский труд (с 14 лет) использовался как исключение; женщины с четырьмя и более детьми освобождались от всеобщей трудовой повинности; мобилизация осуществлялась по годам рождения, через биржи труда и специальные агентства Главкомтруда. Однако с самого начала возникло дезертирство. На IX съезде РКП(б) Л.Д. Троцкий говорил о том, что из 1 150 тыс. рабочих 300 тыс. уже дезертировали [3]. Главной причиной дезертирства была низкая оплата труда. Лишь в Москве, по данным Госкомтруда, она составляла 50% физиологического минимума, тогда как в других городах она составляла лишь 23% [6, 172]. Она предопределила рост нелегального рыночного сектора. Поэтому уже в условиях военного коммунизма возникает дихотомия натурального государственного централизованного сектора и партикулярного рассеянного рынка, которая стала типичной чертой социализма.

«Политика нэпа способствовала возрождению рыночных отношений, однако пример “военного коммунизма” не прошел бесследно. Ведь именно в этот период рабочий контроль и учет впервые перерос в систему государственного регулирования производ-

ства, произошло создание основ будущей иерархической системы управления. Практика “военного коммунизма” показала чрезвычайные возможности административно-командных методов управления. Их первоначально пропагандировал Л.Д. Троцкий и фактически взял на вооружение И.В. Сталин. В период форсированной индустриализации и сплошной коллективизации происходит формирование административно-командной системы» [9].

В конце 1920-х гг. началось чрезмерное (не основанное на реальном уровне обобществления производства) огосударствление экономики. Вытеснение частного сектора осуществлялось не столько экономическими, сколько внеэкономическими мерами. Чрезвычайные меры становились не исключением, а правилом, способствуя формированию административно-командной системы. Стихийные рыночные механизмы, казалось, слишком медленно создают условия для нового общества. Революционное нетерпение молодого рабочего класса было умело использовано И.В. Сталиным и его ближайшим окружением. Псевдореволюционные призывы, авантюристические обещания построить светлое социалистическое общество всего за несколько лет упорного труда сделали свое дело (см.: [10]).

Литература

1. *Волков С.В.* Забытая война. URL: <http://www.swolkov.org/publ/27.htm>.
2. *Гершенкрон А.* Экономическая отсталость в исторической перспективе // Истоки: экономика в контексте истории культуры. М., 2004.
3. Девятый съезд РКП(б). Протоколы. М.: Росполитиздат, 1960.
4. *Камерон Р.* Краткая экономическая история мира от палеолита до наших дней. М.: РОССПЭН, 2001.
5. *Кейнс Дж.М.* Пересмотр мирного договора (Revision of the Treaty). М.: Государственное издательство, 1922.
6. Кульминация военного коммунизма // Экономика и организация промышленного производства. 1989. № 1.
7. *Ленин В.И.* Грозящая катастрофа и как с ней бороться // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34.

8. Новые материалы к работе В.И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма». М., 1935.
9. *Нуреев Р.М.* Истоки огосударствления экономики и его последствия // Мир новой экономики. 2017. № 2. С. 93—104.
10. *Нуреев Р.М.* Россия: особенности институционального развития. М.: Норма, Инфра-М, 2017. С. 78—107.
11. *Нуреев Р.М., Латов Ю.В.* Экономическая история России (опыт институционального анализа). М.: КНОРУС, 2016.
12. *Хобсбаум Э.* Век империи 1875—1914. Ростов н/Д: Феникс, 1999.
13. *Berend I.T.* An Economic History of Twentieth-Century Europe. Economic Regimes from Laisser-Faire to Globalization, 2nd edition, Cambridge University Press, 2016.
14. *Harrison M., Broadberry S.* The Economics of World War I. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
15. History Matter: Essays on Economic Growth, Technology, and Demographic Change / Sundstrom W., Guinnane T., Whatley W. (eds.). Stanford University Press; First edition, 2003.
16. *Kaser M.A* Volume Index of Soviet Foreign Trade // Soviet Studies. 1969. Vol. 20. No. 4. April.
17. Maddison, Monitoring the World Economy 1820—1992. P.: OECD, 1995.
18. *Nutter G.W.* The Soviet Economy: Retrospect and Prospect // Political, Military, and Economic Strategies in the Decade Ahead / Abshire D., Allen R.V. (eds.). N. Y.: Praeger, 1963.
19. www.ritholtz.com/blog/2011/07.
20. www.ukpublicspending.co.uk.

References

1. *Volkov S.V.* Zabytaya vojna. URL: <http://www.swolkov.org/publ/27.htm>.
2. *Gershenkron A.* EHkonomicheskaya otstalost' v istoricheskoy perspektive // Istoki: ehkonomika v kontekste istorii kul'tury. M., 2004.
3. Devyatyj s"ezd RKP(b). Protokoly. M.: Rospolitizdat, 1960.
4. *Kameron R.* Kratkaya ehkonomicheskaya istoriya mira ot paleolita do nashikh dnei. M.: ROSSPEHN, 2001.
5. *Kejns Dzh.M.* Peresmotr mirnogo dogovora (Revision of the Treaty). M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1922.

6. Kul'minatsiya voennogo kommunizma // *Экономика и организация промышленного производства*. 1989. № 1.
7. *Lenin V.I. Grozyashhaya katastrofa i kak s nej borot'sya* // *Lenin V.I. Poln. sobr. soch.* T. 34.
8. *Novye materialy k rabote V.I. Lenina «Imperializm, kak vysshaya stadiya kapitalizma»*. M., 1935.
9. *Nureev R.M. Istoki ogosudarstvleniya ekonomiki i ego posledstviya* // *Mir novoj ekonomiki*. 2017. № 2. S. 93—104.
10. *Nureev R.M. Rossiya: osobennosti institutsional'nogo razvitiya*. M.: Norma, Infra-M, 2017. S. 78—107.
11. *Nureev R.M., Latov YU.V. Экономическая история России (опыт институционального анализа)*. M.: KNORUS, 2016.
12. *KHobsbaum EH. Vek imperii 1875—1914*. Rostov n/D: Feniks, 1999.

Н.А. ШАПИРО

Экономическая компаративистика и 100-летие русской революции (1917—2017)*

Аннотация. В статье рассмотрена история развития экономической компаративистики за прошедшие сто лет. Автором сделан вывод, что экономическая история России сыграла определяющую роль в становлении и развитии современной экономической компаративистики. Во-первых, первыми авторами компаративистских концепций были экономисты русской эмиграции, разделявшие идеи либеральной экономической теории о неестественности планово-централизованной экономики. Крах советской экономики — факт, подтвердивший справедливость критики планового хозяйства неолиберальной теорией. Во-вторых, провал неолиберальных рекомендаций в период перехода от планового хозяйства к рынку засвидетельствовал ограниченность современных знаний о рыночной экономике. В конце представлены возможные перспективные направления развития экономической компаративистики.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Шапиро Н.А. Экономическая компаративистика и 100-летие русской революции (1917—2017) // *Философия хозяйства*. 2018. № 2. С. 217—231.

Ключевые слова: экономическая компаративистика, социализм, капитализм, рынок, плановая экономика, государство, комплементарность, адаптация.

Abstract. The article considers the history of the development of comparative economics over the past hundred years. The author concluded that the economic history of Russia played a decisive role in the formation and development of modern comparative economics. First, the first authors of comparative concepts were the economists of the Russian emigration, who shared the ideas of liberal economic theory about the unnaturalness of a centrally planned economy. The collapse of the Soviet economy is a fact that confirmed the validity of the critique of the planned economy by the neoliberal theory. Secondly, the failure of the neoliberal recommendations during the transition from planned to market economy, attested to the limitations of modern knowledge of the market economy. At the end, possible prospective directions for the development of comparative economics are presented.

Keywords: comparative economics, socialism, capitalism, market, planned economy, state, complementary, adaptation.

УДК 330.83

ББК 65.02

Введение

100-летие Октябрьской революции в России (1917—2017) стало значительным поводом для конференций, конгрессов и симпозиумов, проводимых в форме традиционных дискуссий и современных баркемпов, где переосмысливаются проблемы сосуществования и взаимодействия разных социально-экономических систем, институтов и инструментов. К числу таких событий относится II Всемирный конгрессе сравнительных экономических исследований «1917—2017: революция и эволюция в экономическом развитии», прошедший в Санкт-Петербурге в июне 2017г.¹.

¹См. сайт WCCE-2017 — <https://spb.hse.ru/en/compecon/> [The 2nd World Congress of Comparative Economics (WCCE-2017)]. Личное участие автора в работе Конгресса послужило поводом к написанию данной статьи.

В отличие от традиционной науки, где сравнение строится на сопоставлении идеального и реального, компаративистика сравнивает реальное с реальным и тем самым выявляет сходства и различия инструментов или механизмов адаптации экономической системы в заданных контекстах [15].

В настоящее время одним и наиболее продвинутых центров экономической компаративистики (сравнительного анализа экономических систем) считается Калифорнийский университет (Беркли, США), который представлял первый спикер упомянутого Конгресса — Жерард Роланд [20; 24; 25], и выступил с докладом: «Сравнительная экономика в исторической перспективе» (Gerard Roland «Comparative Economics in Historical Perspective»). Он считает, что современные исследователи экономической компаративистики неоправданно сосредоточились на феномене XX столетия — сравнении центральной плановой экономикой коммунистических режимов и капиталистической экономикой, как будто до XX в. различия между экономическими системами не были столь острыми! Он исходит из того, что два противоположных типа институциональных систем существовали с древности: один напоминал центральное планирование и присутствовал в Древнем Китае, Древнем Египте, империи инков и других территориальных государствах, а другой имел сильные рыночные институты защиты имущественных прав и существовал в городах не только Средиземноморья, но и во всем мире. Институциональные различия, по его мнению, относящиеся к древности, были сформированы особыми географическими условиями и все еще определяют основы двух культурных систем в современном мире: индивидуализма и коллективизма.

Но с выводом о неоправданном сосредоточении внимания на феномене XX столетия — сравнении между центральной плановой экономикой коммунистических режимов и капиталистической экономикой — трудно согласиться. Концентрация внимания на этом феномене вполне оправдана и объяснима и имеет высокую интеллектуальную цену.

Проблема не в том, что ранее различия в экономике никто не изучал, а сравнительный метод не применялся. Безусловно, на различия национальных хозяйств указывал А. Смит, а Ф. Лист — предшественник исторической школы Германии — настаивал на их изучении, равно как и все последующие экономисты социально-исторического направления в XIX в., включая марксизм. Марксизм

предложил варианты упорядочивания различий на основе временного критерия, трактуя различия в пространстве как различия во времени и выстраивая, таким образом, эволюционный тренд естественно-исторического развития. Завершающим звеном этого тренда стала гипотетическая централизованная плановая экономика социализма (коммунизма), которая должна была появиться не в результате эволюционного развития, а путем революционной смены рыночной капиталистической экономики плановой в результате социального конструирования [16].

Внимание к плановой экономике — феномену XX в. — объяснимо тем, что именно Русская революция 1917 г. дала беспрецедентную возможность исследовать реальные «нерыночные» практики индустриальной цивилизации, теоретически представлявшиеся как более прогрессивные.

В интеллектуальном смысле начало этому процессу было положено русскими исследователями, большей частью составившими первую волну послереволюционной эмиграции XX в. Их численность за границей в 1920-х гг. превышала 500 человек (5 академиков, 140 профессоров и более 300 научных работников), а за весь период эмиграции (около 35 лет) на научном поприще трудились около тысячи русских исследователей. Благодаря этим ученым и финансовой помощи, оказанной рядом славянских государств и частных меценатов, в Праге, Белграде, Берлине, Париже, а также в Лондоне и Харбине появились многочисленные русские учебные и исследовательские центры, в которых велись исследования плановой экономики социалистического государства. В 1930-е гг. практически сформировалось новое направление социально-гуманитарного знания — компаративистика: компаративистские философия, право, экономика. В этот период появилась значительная и лучшая часть работ русской эмиграции [6, 7—20].

Исходная посылка сопоставления социализма (коммунизма) и капитализма предполагала доказательство естественности рынка и неестественности, нереальности планового хозяйства. Не ставим цели дать обзор мнений по этой проблеме, во-первых, потому, что многое уже сделано [5; 9; 17], во-вторых, потому что задача видится в ином: показать значение русского опыта и русских исследователей в становлении современной компаративистики. Сошлемся в этой связи на работы наиболее значительных авторов — П. Струве, Б. Бруцкуса.

Большинство экономистов русской эмиграции разделяли мысль П. Струве о том, что социализм, представляемый в качестве абстрактного или мыслимого метода рационального устройства хозяйства в жизни, не отождествим или не совместим с социализмом как уравнительным идеалом.

Представляя в 1919 г. концепцию социалистического хозяйства, Струве пытался обосновать ее на основе идеи дуализма или сосуществования двух рядов явлений [12, 102, 103, 104] в едином, общественно-экономическом процессе. В первый ряд попадали явления рационализированные или те, которые могли быть направляемыми по воле какого-либо субъекта; в другой ряд — явления, которые не могли быть волевым образом направлены и протекали стихийно, не зависели от воли субъекта. Этот дуализм в условиях развития индустриальной цивилизации проявлялся, по Струве, в «натурально-хозяйственной реакции» — с одной стороны, и «паразитически-хищническом хозяйствовании» — с другой. Он предвидел утрату эффективных производственно-потребительских связей между агентами социалистической экономики, вплоть до полного развала рынка, объясняя это сращиванием производства и потребления, чрезмерной централизацией производства, ростом бартерного обмена и проч. Анализируя составные элементы «натурально-хозяйственной реакции» и «паразитически-хищнического хозяйствования», Струве пришел к печальному, но реалистичному выводу, что итогом взаимодействия двух обозначенных им видов явлений станет «хозяйственная пустота», которая проявится в тотальном дефиците производственных ресурсов и товаров, а впоследствии приведет к полному краху социалистического хозяйствования.

Таким образом, опыт России послужил для П. Струве прообразом вербальной логической модели социалистического хозяйства (дефицитной экономики).

Радикальный подход к анализу советской экономики развивал Б. Бруцкус, который отрицал реальную возможность существования хозяйства, отличного от рыночного, когда в 1922 г. открыто выступил с критикой «неоспоримых преимуществ» планово-централизованной экономики. Бруцкус первым показал, что марксистская идея вытеснения рыночного механизма регуляции, частной собственности и демократии из хозяйственно-политической жизни и замены их всеохватывающим директивно-плановым управлением неизбежно приведет к казарме. Он предсказывал неминуемую ги-

бель русского эксперимента, обреченность любого социалистического строя, ибо не может быть счастья в условиях насилия, без личной свободы и изъятия права каждого решать свою судьбу. В эмиграции в основных работах он развивал указанную тему.

Практически, работы Бруцкуса о советской экономике были проставлены в один ряд с экономистами неолиберальной школы экономической мысли: Мизесом, Репке, Хайеком и др. Научные круги Западной Европы и США считали российского экономиста, говоря современным языком, лучшим экспертом советского хозяйства. В предисловии, написанном Ф. Хайеком к монографии Б.Д. Бруцкуса «Экономическое планирование в Советской России» [3], изданной в 1935 г. на немецком языке и переведенной на английский, сказано, что именно эта книга вызвала дискуссии об экономических проблемах социализма и ее следует рассматривать как одно из главнейших исследований по данной теме².

Б.Д. Бруцкус одним из первых среди исследователей реального социализма предложил модель планового хозяйства, отождествляющую отношения внутри него с субординацией в армии. В такой модели каждое нижестоящее звено подчинено вышестоящему и действует лишь по его команде. Право на самостоятельное решение полностью отсутствует. Жесткая иерархия как метод управления в армии оправдан и естествен, но для экономики он неестествен и потому пагубен. Армия как активный инструмент решения проблем активно действует лишь определенное время и при определенных обстоятельствах. Поэтому в масштабах страны экономика как некое жестко централизованное образование тоже может существовать лишь некоторое время и при определенных обстоятельствах. Отсутствие последних в обычной жизни делает централизованную экономику нежизнеспособной, потому первая концепция планового хозяйства получила в советологии название логической и практической неосуществимости социализма. Бруцкус как и разделявшие его взгляды экономисты австрийской школы допускали логически и

²Написавшая в 1988 г. предисловие к парижскому изданию работы Б. Бруцкуса Дора Штупман, возможно, слишком категорично заявила, что лауреат Нобелевской премии Ф. Хайек (1974), ничего принципиально нового в основные идеи (покойного уже) коллеги Б. Бруцкуса своей нобелевской работой «Дорога к рабству» не внес (цит. по: [4, 174]).

практически два варианта развития экономики: рыночное и натуральное хозяйство.

Связь производства и потребления, составляющая основу каждого из названных хозяйств, отражает принцип соотношения затрат и результатов: натуральный (или физический) в натуральном хозяйстве и стоимостной — в рыночном. Обеспечить принятие эффективных хозяйственных решений, совместив в плане масштаб народного хозяйства (или рынка) и субъективный натуралистический способ определения затрат и результатов невозможно, а потому такое хозяйство неосуществимо. «Организованный разум» натурального хозяйства превращается в «организованное безумие» при реализации попыток это совместить, отмечал Бруцкус.

Во время Второй мировой войны и после нее многие русские экономисты-эмигранты еще раз эмигрировали, но уже из новых социалистических стран Восточной Европы в США и ФРГ. В 1972 г. в Мюнхене был закрыт последний русский институт, изучавший практику СССР и активно издававший научные труды экономистов-эмигрантов на русском языке. Американское государство явилось организатором многих советологических институтов и сыграло главную роль в развитии советологии в США. В этот период времени закрепился термин «советология» и практически до 1970-х гг. сравнительный анализ экономических систем развивался под таким названием.

К середине XX в. сравнение плана и рынка в координатах реальности давало повод к преодолению трактовок социализма как только русского национального явления, исторически и географически ограниченного эксперимента в связи с появлением после Второй мировой войны стран народной демократии в Восточной Европе, что соответственно сделало неактуальным негативную концепцию социализма как неестественной и недолговечной формы организации экономической жизни. Понятие экономической системы стало вовлекаться в исследовательский арсенал представителями различных экономических направлений и школ. Понятие получило различные концептуальные толкования [21]. Их классифицировали в зависимости от подходов и доминирующей целевой функции: структурно-управленческие; телеологические (мотивационные); институционально-социологические [7, 45—46]. Экономическая система стала рассматриваться как совокупность трех компонентов — управленческого, информационного и мотивационного, а

через особенности связей указанных компонентов объяснялись различия протекания экономических процессов и хозяйственного поведения в экономических системах [18, 43—81].

Советологический уклон в исследованиях сменился на нейтрально-компаративистский, шел процесс специализации по сферам деятельности, отраслям и направлениям, стали выделяться региональные исследования. Задействованный по сей день арсенал инструментов экономической компаративистики, включая центральное понятие экономической системы, сформировался к 1970-м гг., а американская советологическая Ассоциация была преобразована в Ассоциацию сравнительных экономических исследований (1971) и существует под таким названием по сей день.

В целях конкретизации форм функционирования экономических систем П. Самуэльсоном была предложена концепция смешанной экономики, которая была реализована им в учебнике «Экономикс» (1967) в его 7-м издании, где появился завершающий раздел: «Альтернативные (или сравнительные) экономические системы» [11]. Им были выделены следующие экономические системы: 1) многоукладная рыночная экономика; 2) социализм; 3) коммунизм; 4) фашизм.

В учебнике «Экономика» С. Фишера и Р. Дорнбуша (1978) [13] также рассматривались альтернативные экономические системы. Авторы полагали, что теоретически существование двух систем социализма и капитализма возможно, так как это идеальные модели, а сопоставление их в реальности позволяет выделить действительные разновидности.

Они не отрицали и влияния социалистического учения на развитие капитализма, поскольку категорические выводы марксизма по поводу предрешенности исторической судьбы капитализма заставили капиталистические западные государства не игнорировать вопросы и проблемы уровня эксплуатации и заработной платы. Практики и идеи государственного контроля отчасти повлияли на решения по выходу из Великой депрессии. Косвенное влияние советского опыта отмечалось и Дж.М. Кейнсом.

Но к концу 1970-х гг. в работах по экономической компаративистике стало все чаще отмечаться, что общеизвестные абстрактные категории экономической науки, такие как цена, прибыль, деньги, капитал, издержки, в исследовании разных систем стали все больше обретать не тождественный смысл, а критерии оценки ре-

зультатов функционирования систем несут в себе ценностную ориентацию, обусловленную субъективным выбором [22].

В середине 1980-х гг. активно стал развиваться тезис о кризисе командной экономики, реального социализма. Один из наиболее известных американских советологов З. Бжезинский писал, что глубокие корни общего кризиса коммунизма — в малости его исторических достижений, а начало исторического провала коммунизма лежит «... в тактических, институциональных и философских изъянах коммунистического эксперимента...» [2, 275]. Советологи задались поиском ответа практически на тот же вопрос, с которого начинался сравнительный анализ, но в новой редакции: является ли перестройка М. Горбачева (1985) сигналом обновления социализма или она свидетельствует о его эрозии и крахе? Ответ на этот вопрос указывал в сторону последнего. Таким образом, круг замкнулся, неэффективность и пагубность планового хозяйства для обеспечения воспроизводства нормальной жизни подтвердились.

Интеллектуальная цена такого «круга» состоит в том, что современная экономическая теория вынуждена пересмотреть, как минимум, два базовых положения.

Во-первых, распад Советского Союза дал основания считать, что планово-централизованная экономика не может быть альтернативой рынку даже в теоретических моделях экономики. Она может быть использована в особые исторические периоды в связи с наступлением обстоятельств, крайне жестко нарушающих естественный порядок и ход событий (война, стихийные бедствия и катастрофы), но утрачивает свою жизнеспособность при их исчезновении. В условиях отсутствия таких угроз плановая экономика сама становится угрозой нормальной жизни.

Государство не вправе брать на себя функции субъекта, регулирующего хозяйственный обмен в масштабе национальной экономики, оно лишает экономику разнообразия форм развития, креативности и инновационности как со стороны спроса, так и предложения. Но государство может и должно брать на себя функции адаптации рынка к реальным особенностям экономического развития, быть инструментом социального выбора [8, 701].

Некорректно рассматривать государство и рынок как функциональные альтернативы. Доказательством этому служат практики смешанной экономики. Можно использовать инструменты государственного регулирования рыночной экономики, но невозможно

внедрить рыночные инструменты в плановую экономику. Как отмечал уже упомянутый С. Фишер по поводу концепции конвергенции, последняя была неадекватна и утопична потому, что социализм все более рыночным становиться не может. И реальность, при внимательном рассмотрении дел, этот тезис подтверждала. Ни попытки реформирования экономики А.Н. Косыгиным (А.Н. Косыгин — Председатель Совета министров СССР в 1964—1980 гг.) в 1960-х гг., ни проект реформирования Е.Г. Либермана не меняли принципиально централизованной системы потому, что не предоставляли свободы предприятиям в вопросах формирования цен, объемов и номенклатуры товаров, характерных для рынка [14, 454—468]. Характер связи государства и рынка подобен, если использовать микроэкономические аналогии, не субституциональным товарам (масло и маргарин), а комплементарным товарам (картина и рама, автомобиль и бензин). В конечном счете, не так важно, много или мало государства в экономике, обходится оно дорого или дешево, важно, чтобы оно обеспечило такое функционирование рынка, чтобы развитие экономики было ощутимым в масштабах всего национально-го хозяйства.

Данный вывод не является принципиально новым, он лишь отчасти актуализирует идеи К. Поланьи и Г. Гроссмана, высказанные ими в середине прошлого века. Так, например, Поланьи считал принципиальным моментом в изучении экономики рассматривать ее как институт общественных отношений, встроенный в контекст всей совокупности культурных традиций. Современное общество представлялось ему в двух основных формах: индустриальный капитализм и индустриальный коммунизм. Последний он рассматривал как замаскированные рыночные операции [23]. Г. Гроссман же доказывал, что советская экономика так искажает элементы рынка централизованным, административным управлением, что подавляет действия его сил полностью [19], а никак не маскирует рыночное хозяйство. Однако и в том и другом случае рынок как естественное основание социалистической экономики не отрицался.

Во-вторых, верно предсказав развал плановой экономики, неолиберальная доктрина не сформулировала принципы восстановления рынка. Рецепты Вашингтонского консенсуса (1989) и его десять правил по продвижению идей конкуренции оказались не достаточно точными, чтобы создавать развитую по современным меркам рыночную экономику инновационного типа, их не хватит даже для

того, чтобы рынком был задействован имеющийся индустриальный потенциал экономики.

Здесь целесообразно обратиться к методу рыночной иерархии, который представлен в концепции новой экономической географии Доклада Мирового банка [26]. Концепция, представленная в этом документе, предлагает учитывать фактор концентрации экономической массы, что позволяет реально оценивать уровень доступа к рынку на территориальном пространстве стран. Предпосылки доступа к рынку определяются ландшафтом, который сформировался под воздействием факторов развития, прежде всего, индустриальной, а также постиндустриальной экономикой. «Неравности» такого ландшафта проявляются в концентрации производства, населения, развитии инфраструктуры, иными словами, в концентрации экономической массы. Различают, как минимум, три варианта возможного доступа к рынку, обеспечивающих соответствующие эффекты. В сфере маркетинга и распределения аграрной продукции проявляется самый простой эффект — торговля уже готовой промышленной продукцией или продуктами сельского хозяйства. Средний эффект обусловлен размещением промышленного производства или производством и реализацией промышленной продукции. Наиболее сложный эффект сопутствует крупным городам, которые обеспечивают многообразие возможностей производства товаров и услуг, генерируют и продвигают инновации в бизнесе, управлении и образовании. Крупные города способствуют эффектам масштабности всех трех видов, в которых важнейшим итоговым взаимодействием является инновации как результат функционирования концентрированного человеческого капитала. Обмен знаниями между людьми и сферами приложения труда — вот процессы, делающие территорию продвинутой. Неравенство территорий в уровне жизни свидетельствует о различных уровнях концентрации экономической массы. Каждое из административно-географических пространств на территории РФ имеет разный уровень ее концентрации. Неравенство доходов будет меняться в результате изменения концентрации экономической массы и соответственно экономической активности населения, реализующему различный доступ к использованию рынка. Анализ путей достижения более высокого уровня доступа к рынку может быть темой актуальных сравнительных исследований. Но это уже другая история.

В заключение обратимся еще раз к оценке пройденного экономической компаративистикой пути и ее перспективам.

Если признать верными два критических вывода о том, что государство и рынок не следует рассматривать как функциональные альтернативы и что для становления и развития рынка недостаточно соблюдать правил конкуренции, то сосредоточение внимания на феномене XX в. — сравнении между центральной плановой экономикой коммунистических режимов и капиталистической экономикой — более чем оправдано. К таким заключениям трудно прийти, сравнивая два противоположных типа институциональных систем, существовавших с древности, сформировавшихся вследствие особых географических условий и определяющих основы двух культурных систем в современном мире. Концепция новой экономической географии исходит из того, что в современной цивилизации природно-географические условия мало что определяют.

Если признать верными два позитивных вывода о том, что характер взаимодействия рынка как естественной основы экономики и государства, как инструмента социального выбора является комплементарным, а возможности развития рынка определяются неравномерностью концентрации экономической массы на географическом пространстве территории страны, то перспективы экономической компаративистики видятся в следующем: это могут быть исследования результатов развития рыночной экономики [10, 93—99] или их оценки [1, 3—17] при тождественных целях институционального выбора, по разнообразию поставленных целей в схожих культурно-исторических контекстах [17, 179—195] и проч., что в конечном счете будет способствовать выявлению как успешных, так и ошибочных практик эффективного развития.

Литература

1. *Аузан А.А.* «Эффект колеи». Проблема зависимости от траектории предшествующего развития — эволюция гипотез // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 6. Экономика.* 2015. № 1.
2. *Бжезинский З.* Большой провал. Агония коммунизма // *Квинтэссенция: филос. альманах.* М., 1999.
3. *Бруцкус Б.Д.* Социалистическое хозяйство. Теоретические мысли по поводу русского опыта. Париж, 1988.

4. *Голанд Ю.* Перечитывая работу Б. Бруцкуса // Новый мир. 1990. № 8.
5. *Колганов А., Бузгалин А.* Экономическая компаративистика. Сравнительный анализ экономических систем: Учебник. М.: Издательство «Проспект», 2016.
6. *Корицкий Э.Б., Ниццеева Г.В., Дмитриев А.Л., Шетов В.Х.* Экономисты русской эмиграции. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2000.
7. Методология фальсификаций: (О буржуазных концепциях экономики социализма) / Ю.Я. Ольсевич, А. А. Стулов, Т. Тредафилов и др. М., 1987.
8. *Некителов А.Д.* Общая теория рыночной экономики: Учебник. М.: Изд-во «Магистр», 2017. 784 с.
9. *Нуреев Р.М.* Экономическая компаративистика (сравнительный анализ экономических систем) + Приложение. Тесты и Задачи. М.: Изд-во КноРус, 2017.
10. *Пороховский А.А.* Системное перестроение российской экономики: возможности «рыночной колеи» // Философия хозяйства. 2017. № 1 (109).
11. *Самуэльсон П.* Альтернативные (или сравнительные) экономические системы / Самуэльсон П. Экономика. М., 1967.
12. *Струве П.Б.* Размышление о русской революции // Обзор будущего в русской социал-экономической мысли конца XIX века. Избран. произв. М., 1994.
13. *Фишер С., Дорнбуш Р., Шмалензи Р.* Экономика. Пер. со 2-го англ. изд. М.: Дело ЛТД, 1995.
14. *Шапиро Н.А.* Оценка «косыгинской» реформы с позиции теории макроэкономического регулирования // Историко-экономические исследования. 2015. Т. 16. № 3.
15. *Шапиро Н.А.* Можно ли считать экономическую компаративистику теорией? // Экономический вестник ЮФО. 2006. № 1.
16. *Шулевский Н.Б., Зотова Е.С.* Человек, хозяйство, экономика: европейский контекст // Философия хозяйства. 2016. № 3 (105).
17. Экономическая компаративистика: методологические принципы и направления развития / О.И. Ананьин, Ю.Я. Ольсевич, М.И. Одинцова и др. / Ред. выпуска О.И. Ананьин. М.: Институт экономики РАН, 2002. 174 с.
18. *Elliott J.* Comparative Economic Systems. 2nd ed. Belmont, 1985.

19. *Grossman G.* Price Control, Incentives and Innovation in the Socialism Economy. The Soviet Mechanism / G. Grossman. N. Y., 1977.
20. Institutions and comparative economic development / Ed. by Gerard Roland with Masahiko Aoki and Timur Kuran. Palgrave McMillan, 2012.
21. *Koopmans T., Montias J.* On description and comparison of Economic Systems. Theoretical and Methodological Approaches. Berkeley, 1971.
22. *Neuberger E., Dufffy W.* Comparative Economic Systems. Boston, 1976.
23. *Polanyi K.* The Economy as instituted Process // Trade and Market in the Early Empires / Ed. by Polanyi K. Etc Clencoe, 1957.
24. *Roland G.* Development economics. Pearson, 2013.
25. *Roland G.* The evolution of Post communist economic systems / Gérard Roland. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Bj1b5HWRFi8>.
26. World Development Report 2009. Reshaping: Economic Geography (WDR-2009). URL: <http://www.worldbank.org/> (дата обращения: 06.06.2017).

References

1. *Auzan A.A.* «EHffekt kolei». Problema zavisimosti ot traektorii predshestvu-yushhego razvitiya — ehvolyutsiya gipotez // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 6. EHkonomika. 2015. № 1.
2. *Bzhezinskij Z.* Bol'shoj proval. Agoniya kommunizma // Kvintehssentsiya: Filos Al'manakh. M., 1999.
3. *Brutskus B.D.* Sotsialisticheskoe khozyajstvo. Teoreticheskie mysli po povodu rus-skogo opyta. Parizh, 1988.
4. *Goland YU.* Perechityvaya rabotu B. Brutskusa // Novyj mir. 1990. № 8.
5. *Kolganov A., Buzgalin A.* EHkonomicheskaya komparativistika. Sravnitel'nyj ana-liz ehkonomicheskikh sistem: Uchebnik. M.: Izdatel'stvo Prospekt, 2016.
6. *Koritskij EH.B., Nintsieva G.V., Dmitriev A.L., SHetov V.KH.* EHkonomisty russkoj eh migratsii. SPb.: Izd-vo «YUridicheskij tsentr Press», 2000.

7. Metodologiya fal'sifikatsij: (O burzhuaznykh kontseptsiyakh ehkonomiki sotsializ-ma) / YU.YA. Ol'sevich, A.A. Stulov, T. Tredafilov i dr. M., 1987.
8. *Nekipelov A.D.* Obshhaya teoriya rynochnoj ehkonomiki: Uchebnik. M.: Izd-vo «Magistr», 2017. 784 s.
9. *Nureev R.M.* EHkonomicheskaya komparativistika (sravnitel'nyj analiz ehkonomi-cheskikh sistem) + Prilozhenie. Testy i Zadachi. M.: Izd-vo KnoRus, 2017.
10. *Porokhovskij A.A.* Sistemnoe perestroenie rossijskoj ehkonomiki: vozmozhnosti «rynochnoj kolei» // Filosofiya khozyajstva. 2017. № 1 (109).
11. *Samuehl'son P.* Al'ternativnye (ili sravnitel'nye) ehkonomicheskie sistemy / EHkonomika. M., 1967.
12. *Struve P.B.* Razmyshlenie o russkoj revolyutsii // Obzor budushhego v russkoj sotsial-ehkonomicheskoy mysli kontsa KHIKH veka. Izbran. proizv. M., 1994.
13. *Fisher S., Dornbush R., SHmalenzi R.* EHkonomika. Per. so 2-go angl. izd. M.: De-lo LTD, 1995.
14. *Shapiro N.A.* Otsenka «kosyginskoj» reformy s pozitsii teorii makroehkonomiceskogo regulirovaniya // Istoriko-ehkonomicheskie issledovaniya. 2015. T. 16. № 3.
15. *Shapiro N.A.* Mozhno li schitat' ehkonomicheskuyu komparativistiku teoriej? // EHkonomicheskij vestnik YUFO. 2006. № 1.
16. *SHulevskij N.B., Zotova E.S.* chelovek, khozyajstvo, ehkonomika: Evropejskij kontekst // Filosofiya khozyajstva. 2016. № 3 (105).
17. Ehkonomicheskaya komparativistika: metodologicheskie printsipy i napravleniya razvitiya / O.I. Anan'in, YU.YA. Ol'sevich, M.I. Odintsova i dr. / Red. vypuska O.I. Anan'in M.: Institut ehkonomiki RAN, 2002. 174 s.

VI

РЕЦЕНЗИИ И ОТКЛИКИ

А.А. ПОГРЕБНЯК

**Русский век в зеркале кинематографа:
от Сергея Эйзенштейна до Алексея Балабанова***

Аннотация. Согласно Бадью, три вещи характеризуют прошедший век: коммунизм, тоталитаризм, либерализм. Философ же должен найти ту мысль, которая схватывает сущность века как что-то единое. В статье делается попытка увидеть, как эта сущность отражена в творениях русских кинорежиссеров — в подлинно философском кинематографе Эйзенштейна и Балабанова (первый выразил смысл начала русского века, второй — его конца).

Ключевые слова: век, революция, платонизм, идея, Эйзенштейн, Балабанов.

Abstract. According to Badiou, three things characterize the past century: communism, totalitarianism, liberalism. The philosopher must find the thought that is grasping the essence of the age as one whole. The article makes an attempt to see how this essence is reflected in the works of Russian filmmakers — in the genuinely philosophical cinematography of Eisenstein and Balabanov (the former expressed the meaning of the beginning of the Russian century, the latter expressed its end).

Keywords: century, revolution, Platonism, idea, Eisenstein, Balabanov.

УДК 18
ББК 85

И, в сущности говоря, это все тот же день, постоянно возвращающийся в облике праздничных дней, которые представляют собой дни поминовения.

В. Беньямин

В книге, посвященной философскому осмыслению прошлого века, Ален Бадью предлагает говорить не о том, что произошло на

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Погребняк А.А. Русский век в зеркале кинематографа: от Сергея Эйзенштейна до Алексея Балабанова // Философия хозяйства. 2018. № 2. С. 235—248.

его протяжении, а о том, что думалось — т. е. искать такую эпохальную мысль, которая могла бы выразить тройное подразделение столетия: «выразить скрещение тоталитарного, советского и либерального века» [3, 10]. Это и есть философский вопрос — понять происходящее в форме какой-то конкретной мысли. Речь, понятно, идет не столько о интеллектуальных конструкциях тех или иных лиц — эти конструкции суть такие же исторические факты, как и события, институты, художественные течения или научные открытия, — сколько о мысли как универсальной форме всего происходящего. Итак: было ли что-то общее — конкретное смысловое единство — во всех тех процессах и событиях, которые мы соотносим с содержанием века? И если было, то — что именно?

Ответы на эти вопросы содержатся в «Веке» Бадью, с ними можно соглашаться или спорить. Но очевидно, что если триада «коммунистическая революция — тоталитаризм — либеральные реформы» где-то и нашла свое наиболее полное воплощение, так это в России. Поэтому есть основания говорить о прошлом веке как о Русском веке по преимуществу. И в определенной мере своим самосознанием век этот обязан не только философам, подводящим интеллектуальный итог уже ушедшему столетию, но и тем, кто пытался выразить его истину изнутри времени, в качестве современников века. А поскольку прошлый век можно обозначить еще и как век кинематографа, имеет смысл посмотреть на то, как представляется век — прежде всего, его начало и его конец — средствами киноискусства.

Трудно оспорить тот факт, что если и есть фильм, по которому весь мир идентифицировал русскую революцию, то это — вышедший в 1925 г. «Броненосец Потемкин» Сергея Эйзенштейна (что нисколько не умаляет гениальность предшествующей «Стачки»). «Его страстный, жестокий, сентиментальный, эксцентричный, пропагандистский и экспериментальный фильм нашел поклонников среди дадаистов и миллионеров, психоаналитиков и профессиональных революционеров», — так в своей биографии режиссера описывает эффект берлинской премьеры «Броненосца» Оксана Булгакова [4, 108].

Можно высказать следующую гипотезу: «Броненосец Потемкин», будучи посвящен довольно локальному эпизоду первой русской революции, сумел тем не менее выразить подлинно метафизи-

ческое измерение события революции как таковой. В ходе просмотра этого фильма можно прийти к заключению, что совершающаяся революция знаменует не только разрыв с предшествующей интеллектуальной традицией, но и претендует на *прорыв* к изначальному смыслу мышления — а значит, и мироздания, бытия как такового. Поэтому, перефразируя Хайдеггера, можно сказать: Русская революция разразилась уже в поэме Парменида — там, где истинная мысль имела своим предметом единство бытия всего сущего.

В качестве примера ощущения становления единой связи самых, казалось бы, разнородных явлений и процессов можно привести свидетельство одного из современников революции — вот что говорит в статье «Футуризм» (1919) Роман Jakobson:

«Изживание статики, изгнание абсолюта — главный пафос нового времени, злоба текущего дня. Негативная философия и танки, научный эксперимент и совдепы, принцип относительности и футуристический “долой” рушат огороды старой культуры. *Единство фронтов изумляет* (выделено мной. — А.П.)» [13, 415].

«Единство фронтов» и есть выражение единства мира, единства бытия. Легко, конечно, услышать здесь лишь тягу к разрушению. Однако прислушайтесь: рушатся *огороды* старой культуры — т. е. рушится такое отношение к культуре, которое препятствует современникам вновь оказаться в точке творения с нуля, точке начинания, — «огораживает» культуру от такой возможности обращения с ней. Этим обращением, кстати говоря, может ведь быть и возвращение к классике — но непременно как ее новое (а другого не бывает: «мир всегда новость», как сказал где-то Владимир Библихин) понимание!

А вот что пишет все тот же Jakobson в статье о дадаизме (1921): «В дни малых дел и устойчивых ценностей общественное мышление подчиняется законам колокольного патриотизма». Законы эти подобны мышлению ребенка, который весь мир мыслит по аналогии со своей детской. Речь здесь — о мещанине от культуры, который в понимании «малопонятных варваров» танцует от «печки (своей) туземной культуры». Jakobson поэтому спрашивает: «Не потому ли революционны матросы, что у них нет этой самой “печки”, нет очага, домка, и они всюду равно *chez soi*?» [13, 430].

Итак — разрушаются частные ограничения, «огороды», внутренние перегородки и внешние ограждения ради *сплошного един-*

ства (еще одно выражение Бибихина) — оно-то и есть отныне «наш дом». Заметьте: это не то единство, где все кошки серы, напротив — это диалектическое, полемическое единство! Так, Ленин и дадаисты живут в Цюрихе на одной улице, но противопоставляют себя друг другу — видят прямую противоположность: революционное «донкихотство» против революционного «прагматизма», по словам Гуго Балля [5, 108]. Однако в этой противоположности несоизмеримо больше подлинно общего, чем между любыми двумя из сегодняшних «различий»! Там есть борьба за общий смысл, а не частное дело выбора своего оттенка, который мне (якобы) больше по вкусу. Что предполагает также, что рушится перегородка между политикой и искусством — ведь это тоже возвращение к их изначальному единству.

Но, как известно, мыслить революционно — это еще означает мыслить материалистически. Вопрос о том, что это значит, нельзя не поставить, так как материализм был официальной философской доктриной Русской революции. Вот еще один рискованный тезис:

Мыслить материалистически — означает бороться за истинность Идеи, за ее конкретность. Подлинный материализм равен подлинному идеализму! Поэтому художники революционной эпохи — это, как правило, «материалистические идеалисты»: они не берут идею как предсуществующий принцип отбора того в материальной жизни, что удовлетворяет конвенциям «хорошего вкуса», но — рассматривают идею как пространство универсального обнаружения собственной природы многочисленных материальных явлений — будь то физическое (цвет, фактура) или социальное (масса, быт).

И вот здесь «Броненосец Потемкин» являет всю мощь своего парадигмального значения. Следует внимательно пересмотреть важнейшую сцену из части первой, озаглавленной «Люди и черви», которая, к сожалению, как и многие другие эпизоды, осталась в тени знаменитой сцены с расстрелом на лестнице — а ведь это, по сути, прелюдия к ней: по приказу командира корабля группу восставших матросов отсекают от товарищей, накрывают брезентом и приговаривают к расстрелу прямо на палубе. Поразительно, но это — практически дословная цитата из диалога Платона «Парменида»¹!

¹Разумеется, в основе дальнейших рассуждений не лежит утверждение о том, что в создании фильма Эйзенштейн опирался на прочтение «Парменида» или

Платон, согласно школьной догме, «изобретатель идеализма», а «Парменид» — едва ли не самый важный из его текстов с точки зрения понимания того, что именно означает понятие идеи. Вроде бы, все здесь давно известно: «идея» — это то, что выражает все общее и главное, объединяющее множество вещей, делая их экземплярами одного вида — собственно, «эйдос», синоним идеи, и переводится как «вид». Но весь вопрос в том, *как именно* идея это делает, как следует мыслить *форму* подобного объединения?

Затруднения (апории), вызванные этим вопросом, разбираются в первой части диалога. Например, молодой Сократ затрудняется признать наличие идеи для всякой «не заслуживающей внимания дряни» (грязи, волоса, сора и т. п.), полагая, что за их внешним видом не стоит какой-то самостоятельной смысловой формы. Но Парменид полагает, что такая позиция объясняется лишь молодостью

других платоновских диалогов. Речь, скорее, об удивительной перекличке этих столь далеких друг от друга произведений — перекличке, чей факт сам может служить основанием для ряда выводов о метафизической сущности начала того, что здесь названо «Русским веком». Тем не менее, нельзя также говорить, что Эйзенштейн в своем творчестве вовсе не принимал в расчет принципы платоновской философии — ровно наоборот, как об этом говорит уже одно только название работы Михаила Ямпольского, посвященной его исследованию: «От Пролеткульта к Платону. Эйзенштейн и проект смысловой самоорганизации жизни» [14, 45—89]. Такое обращение было связано с необходимостью найти изобразительные средства для представления «выхода из хаотической стихии революционной ситуации» и получило окончательное оформление «в теории участия, то есть в своего рода платонизме, который, конечно, противоречил всем фундаментальным установкам революционного монизма» [14, 58—59]. С другой стороны, парадоксальным образом это не противоречит идеям самого Маркса, который «противопоставляет экстатической структуре революционного порыва, простому выходу “из себя”, своего рода хиазм, движение вперед и назад, гегелевскую по своей сути конструкцию, в которой прошлое становится видимым из настоящего и наоборот. И эта хиазматическая структура понимается им как принципиально реалистическая и рефлексивная, как движение от порыва к абстракции, к пониманию и наоборот. Платонизм Эйзенштейна, хотя и окрашенный в богдановские и ницшеанские тона, вписывается в хиазм Маркса, а не в экстаз Лассаля. Экстаз, пафос в эстетике Эйзенштейна вписывается в неоплатоническую по своему существу процедуру участия» [14, 67]. Наконец, хотя Ямпольский связывает это движение к (нео)платонизму с эстетическими исканиями позднего Эйзенштейна, он отмечает, что «еще до открытия понятия “участия” Эйзенштейн, по существу, экспериментирует в сфере метексиса» [14, 70]. Ямпольский опирается при этом на ряд образов «Октября», в данной же статье сделана попытка обнаружить платонизм уже в «Броненосце».

Сократа, в силу которой «философия еще не завладела им всецело»; со временем же, говорит Парменид, «ни одна из таких вещей не будет казаться тебе ничтожной», т. е. лишенной идеальности как момента истинного бытия. А вот другая апория: если идея есть целое, которому вещи оказываются причастны, то «вещь приобщается к целой идее или к ее части»? Проблема в том, что, если идея как нечто единое и тождественное будет целиком находиться во множестве отдельных вещей, то она окажется «отделенной от самой себя», что есть явное противоречие. То решение этой и других апорий, которое предложит Парменид в известной «диалектике единого и иного», будет иметь форму иерархического распределения уровней причастности — на каждом переходе идея (или единое) будет одновременно и допускать участие вещей (иного, многого), и — ограничивать меру этого участия.

Но еще до того, как Парменид начнет излагать логику своего решения, Сократ выскажет свой собственный ответ на поставленный вопрос о возможности идеи находиться во множестве вещей, не теряя в то же время своего единства и тождественности — ответ, который тотчас же будет оспорен:

«...Ведь вот, например, один и тот же день бывает одновременно во многих местах и при этом нисколько не отделяется от самого себя, так и каждая идея, оставаясь единою и тождественною, может в то же время пребывать во всем.

— Славно, Сократ, — сказал Парменид, — помещаешь ты единое и тождественное одновременно во многих местах, все равно как если бы, покрыв многих людей одною парусиною, ты стал утверждать, что единое все целиком находится над многими. Или смысл твоих слов не таков?

— Пожалуй, таков, — ответил Сократ.

— Так вся ли парусина будет над каждым или над одним — одна, над другим — другая ее часть?

— Только часть.

— Следовательно, сами идеи, Сократ, делимы, — сказал Парменид, — и причастное им будет причастно их части и в каждой вещи будет находиться уже не вся идея, а часть ее» [11, 351—352].

Очевидно, законность рассуждений Парменида держится исключительно на том, что мы, вслед за Сократом, готовы признать правомерность аналогии дня и куска парусины — и, следовательно, редукции темпоральной формы единства к единству, мыслимому по

модели протяженной вещи. Но даже если такая аналогия правомерна, то лишь отчасти: одно дело, если понимать день как «кусочек времени», соотнесенный со всем временем посредством какого-то внешнего условия — и другое, если понимать день как событие, благодаря которому мы имеем дело со всем временем, с временем как таковым, непосредственно (как с условием возможности всему сущему явить свету свой собственный вид, каким бы он ни был).

Как отмечает Александр Исаков в своем замечательном анализе платоновского «Парменида», «суть аргумента Сократа в том, что “день”, т. е. временная целостность, и “множество мест” не имеют иной общей меры, кроме собственной целостности, чего нельзя сказать о куске парусины» [8, 46]; в этом смысле «день» надо понимать не как часть времени, но, скорее, в качестве метафоры времени как целого — того, что в «Тимее» Платон обозначит как «вечное есть»; и «если “день” в аргументе Сократа заменить на “вечное есть”, то возражение Парменида потеряет свою силу, поскольку с любой совокупностью вещей или “мест” неделимый временной смысл, выражаемый этим понятием, соотносится только через себя самого» [8, 47]. То есть интуиция времени как целого — это человеческий (субъективный) способ непосредственно соотноситься с объективностью идеи, т. е. видеть объединение вещей в их общий «вид». Если верно последнее, то предложенная Парменидом аналогия осуществляет лишь такое объединение, вследствие которого вещи скорее лишаются собственного вида, ведь их объединяет внешний и чуждый им предмет, накинутый на них сверху; т. е. это — абстракция, не столько подлинное смысловое единство, сколько «совместная изоляция» (Ги Дебор). Примечательно поэтому, что Парменид делает вид, будто не слышит Сократа, который уподобляет идею не куску парусины, а дню, свет которого выражает просто открытость, без какого-либо «огорода»! Под «огородом» (слово Якобсона) надо понимать огораживание и разграничение, нормирование бытия, его неравное распределение. Таким образом, Парменид как бы подавляет своим образом куска парусины то восстание, которое, возможно, содержится в образе дня у Сократа.

Собственно, динамику «Броненосца» можно понимать не просто как эскалацию насилия, достигающего критической точки и в финале разрешающегося его временной приостановкой, благодаря чему, согласно Оксане Булгаковой, происходит «катарсическое облегчение, не имеющее себе равных ни в одном голливудском хеппи-

энде» [4, 103—104] — но как столкновение *двух типов насилия*: дневного и имманентного — с ночным и трансцендентным. Наступление дня, собственно говоря, и является центральным событием фильма, это — отвоеванный матросами корабль и солидарность жителей Одессы с восставшими, обращенное к ним приветствие и общение с ними, жизнь заодно с ними. «В это время женщины, калеки, антисемиты, революционеры, торговцы рыбой, студенты, гимназистки, зеваки — и те, кто поддержал восстание, и те, кто его не поддержал, — отправляются на похороны в порт» [4, 103]. Обычно акцентируют христианские аллюзии, но не менее важен античный, греческий контекст: город, полис — место подлинной политики, народного собрания, тогда как корабль — классическая метафора управления. Здесь мы видим, как имманентность политической жизни ставит под вопрос трансцендентность управления. Можно вспомнить Ксенофонта, который пытается выразить сущность экономики (т. е. буквально, домоуправления, логика которого в дальнейшем будет перенесена на управление государством), используя два образа — во-первых, финикийского корабля, порядок на котором выступает как предупреждение *опасности*, которую грозный бог может наслать на ленивых и безалаберных, и, во-вторых, «хора вещей», выстроенного вокруг пустого места и тем самым сообщающего этому месту измерение *красоты* [9, 225—227]. Выражаясь в современных терминах, здесь налицо альтернатива между управлением жизнью *населения* во имя безопасности этой жизни (понятой прежде всего биологически) — и политическим действием *народа*, которое не имеет другой цели, кроме как выставления себя на вид, обнаружения себя в свете дня. «День» перед расстрелом на лестнице — это «вечное есть» все-человека, и именно поэтому свет этого дня гасят еще до наступления ночи; неограниченное единство вида подавляется «сверху»; знаменитая сцены с разбитыми очками, коляской и т. п. — все здесь указывает на необходимость и неизбежность ослепления: невозможно видеть! Лестница — символ иерархии, дозирования способности быть видным — вплоть до полного отказа тому, что быть на виду вовсе недостойно (всякая безыдейная дрянь, человеческое отребье). Опять же, это — сквозная тема фильма: корабельный врач не желал видеть червей в мясе, а, увидев их через пенсне, попытался отнести их к другому, более «приличному» виду (как следствие, это пенсне будет через какое-то время болтаться на корабельных снастях, потеряв хозяина: так сказать, подвешен-

вание иерархии); конъюнкция же людей и червей, данная в заглавии первого эпизода, может быть поэтому прочитана символически — как «космический коммунизм бытия» (С.Н. Булгаков), солидарность пораженных в правах, откуда и невозможность поедать существ одного с собой вида.

Сегодня о таком понимании идеи — идеи как «сходства без архетипа», нам напоминает итальянский философ Джорджо Агамбен: «идея» или «эйдос» (латинское «species», русское «вид») — изначально не принцип классификации и идентификации людей и предметов посредством выделения какого-то абстрактного признака, но — общее поле их открытости друг другу, где *любое* бытие обладает равной степенью истинности [1, 49; 2, 57—63]. Потому материя в пределе и являет собой всякий сор, отбросы, что мы видим ее приобщение к идее прежде всего «по вертикали»: как низший тип бытия со строго ограниченными правами. Кстати, сама эстетическая форма «Броненосца» (в отличие от более поздних фильмов Эйзенштейна) обращает внимание зрителя на то, вид чего с более традиционной точки зрения внимания не заслуживает — в подтверждение можно процитировать Зигфрида Кракауэра: «Содержание кадров не должно непременно подкреплять заранее намеченные сюжетные линии — туманы, поднимающиеся над гаванью, матросы, уснувшие тяжелым сном, волны, освещенные луной, говорят только о том, что они *есть* (выделено мной; акцент на «есть», а не на «том, что есть»! — *А.П.*). Они представляют собой неотъемлемую часть обширного мира реальной действительности, охваченной фильмом; и они не подчинены никаким *посторонним* идеям (выделено мной; заметьте, отрицается не сама идея, а только ее возможный посторонний характер! — *А.П.*), способным нарушить их самостоятельность. Кадры эти почти не подкрепляют сюжет; именно они с присутствием им смыслом и составляют фабульное действие фильма» [10, 296]².

Понятно при этом, что природа человеческого вида состоит в том, что он не только обитает в подобной открытости, но и стре-

²Подзаголовок книги Кракауэра «Theory of Film» таков: «The Redemption of Physical Reality», что на русский перевели как «Реабилитация физической реальности», хотя куда точнее было бы говорить о ее *искуплении* (за это указание я благодарен Павлу Лысакову) — тем самым акцентируя связь революции и кинематографа с религиозной темой спасения.

мится захватить ее в собственность, оккупировать и размежевать пространство видимости; превратить «облик» (т. е. свое выставление на общий обзор) в «лицо» (имущество, огороженное владение, отсекающее излишнюю видимость и вводящее коды доступа); подчинить открытость видимого — закрытому, замкнутому на себя «сюжету». И здесь — опасность и хрупкость любой подлинной революции, как возвращения к началу человеческого бытия во всей его полноте; движение от революции — к тоталитаризму.

Итак: «Парменид» Платона, «Броненосец Потемкин» Эйзенштейна и сама революция обнаруживают общую диалектическую логику, где идея вступает в противоборство с самой собою, противопоставляя своему «идеалистическому» полюсу (классификация, абстракция, иерархия) полюс «материалистический» (конкретное единство вида, «коммунизм бытия»). Именно такова метафизическая сущность, обнаруживаемая началом Русского века.

И сразу же — резкий переход к концу века, его метафизическому исходу, существо которого наиболее точно схвачено в последнем фильме (фильме-завещании) Алексея Балабанова «Я тоже хочу» (2012).

Здесь мы видим «стабильные» нулевые с их превознесением закона, призванным сохранить и умножить выигрыш, добытый шулерским путем. Но субъект взгляда в этом фильме — не Система, а *отбросы* Системы, вопреки всему еще желающие что-то *иное*: наемный убийца; алкоголик; старик; музыкант; наконец, наиболее примечательный персонаж — работающая дорожной проституткой выпускница философского факультета. Все вместе они отправляются в некую загадочную «зону», место последнего и по-настоящему решающего жизненного испытания.

Замечательный пример, где сама натура *подыгрывает* Балабанову: «похищение» из больницы, где одного из героев лечат от алкоголизма — но на заднем плане видно серое здание юридического факультета теперь уже не Ленинградского, а Санкт-Петербургского государственного университета, этого инкубатора новой российской власти — чем не рифмовка с Кремлем в финале балабановских «Жмурок»? И другой пример — сияющая церковно-новодел на пути к «зоне»: поскольку герои фильма движутся в направлении Москвы, трудно не подумать о храме Христа-Спасителя (где, по выражению Виктора Пелевина, обитает «Солидный Господь для солидных людей»); что это, как не прочная крыша

Власти и ее сияющие золотые купола? Но только этому чистенькому храму герои предпочитают руину. Не потому ли, что они — это позавчерашние жители «Ленинска» из «Груза-200», которым сегодня (как, впрочем, и раньше) нет места ни в Петербурге, ни в Москве? Так вот, это и есть *народ*, но не как основа воцарившейся власти, а как исключенные, отверженные — люди-черви, *вновь лишенные* возможности появления при свете дня, вновь лишенные *вида*; именно в этом плане «Я тоже хочу» и «Броненосец Потемкин» отсылают друг к другу, выражая смысл векового движения.

Само название фильма, кстати — это чистая форма утопии, совершенно опустошенное желание. Символично появление Балабанова в роли себя самого в финале: он остается со своим народом (с теми, к кому он всегда обращался в своих лучших фильмах³): большая куча трупов и маленькая кучка «спасенных» — в зоне между Санкт-Петербургом и Москвой, юрфаком СПбГУ и Кремлем собраны те, кто не вошел (не поместился, не был допущен) в храм Христа-Спасителя. Вместе героев объединяет их общая неуместность — она-то и символизирована образом не-места, зимы посреди лета, церкви без крыши... Кстати, слово «тоже» в названии фильма, надо думать, не указывает на несобственность и неподлинность хотения, но — на волю к сообществу, бытию-друг-с-другом. И это, очевидно, — подлинно христианский мотив:

«...Христос обращается к самому дну социальной иерархии, к отбросам социального порядка (нищим, проституткам...) как к при-

³Как это и должно быть, последнее творение мастера заставляет нас по-новому взглянуть на предшествующие работы. Например, на «Брата», самый, пожалуй, резонансный фильм Балабанова; вот что пишет о нем Антон Долин в статье «К 20-летию “Брата”»: «“Брат” — то ли трагедия, то ли комедия одиночества героя, который мечтал о родных, а оказался со своим пистолетом на Лютеранском кладбище в компании немца, да еще режиссера, который его до смерти боится. Интересно, боялся ли Балабанов своего героя?

Щемящая нота, казалось, крепкого жанрового фильма и превратила его в сенсацию, которой он кажется по сей день. Этим первый “Брат” так отличается от бойкого патристического лубка “Брата 2”, герой которого не был таким растерянным и трогательным: он точно знал, в чем правда, а в чем сила. Этот Данила — не знает. Он будто предчувствует, что вот-вот наступят новые времена, в которых не останется места ни для автора, ни для актера. А героя присвоят и обзовут своим братом тривиальные воры из банды Круглого, что безуспешно пытались его завалить в фильме. На самом деле у Данилы Багрова не было никаких братьев. Он такой был один» [6, 146].

вилегированным, образцовым членам новой общины. Эта новая община, таким образом, откровенно строится как коллектив отщепенцев, как антипод любой установленной “органической” группы. Возможно, лучше всего можно представить себе такую общину, поместив ее в линию наследования других “эксцентричных” общин, состоящих из отбросов, которые мы знаем из прошлого и настоящего, от прокаженных и цирковых уродцев до ранних компьютерных хакеров — групп, в которых заклеименные индивиды объединены тайными узлами солидарности» [7, 129].

История превращена во всегда отложенный (до будущих времен) апокалипсис, но здесь, в «зоне Балабанова», он наступил и, видимо, как раз поэтому — отгорожен: особый топос, добро пожаловать, раз так хотите, благословение патриарха прилагается! А значит, «колокольня счастья» — это отнюдь не компенсация для тех, кого не взяли в консервативный рай сегодняшних дней; и не для того ли вокруг зоны — военные, чтобы обеспечить невозвращение тех, кому «патриарх разрешил» (дается билет исключительно в один конец)? Интересно ведь, что власти никак не препятствуют им (кому? народу? или тем, кто «позорит народ»?) удалиться в зону, откуда еще никто не вернулся. Налицо «суверенное исключение»: не возвращаются те, кто больше не нужен (как Скрипач в «Кин-дзадза»!) — те, кого уже не обременить никаким долгом: их эксплуатировать, лечить, исправлять — «себе дороже»! К тому же, еще хотят сами не знают чего...

Итак, похоже, что формула наших дней — использовать паруса не для движения к горизонту и за него, а для упаковки субъектов, их мыслей и желаний (на этикетках — надписи: «безопасность», «эффективный менеджмент», «контент-маркетинг», «лояльность» и т. п.). Как писал Мишель Фуко: «В цивилизациях без кораблей иссякают грезы, шпионаж заменяет приключения, а полиция — корсаров» [12, 204]. Вот и нынешний праздник столетия Революции имеет характер тщательно спланированного «спектакля», чисто экранного зрелища (чтобы не сказать: позорища). Экран — это, конечно, та самая «парусина», подменяющая «день», о чем шла речь в начале этой статьи. Экран не столько дает место реальности, сколько блокирует к ней доступ — вытесняет *политическое* отношение к ситуации, когда пространство открытости (идеи, вида) по-прежнему подлежит захвату и огораживанию — с целью контроля и во имя безопасности! Случайно ли, что столетний юбилей Революции го-

родские власти Санкт-Петербурга отметили, помимо прочего, запретом на проведение митингов в историческом центре города — на Марсовом поле? Так и хочется добавить: «По просьбе трудящихся».

Литература

1. *Агамбен Д.* Грядущее сообщество. М., 2008.
2. *Агамбен Д.* Профанации. М., 2014.
3. *Бадью А.* Век. М., 2016.
4. *Булгакова О.* Судьба броненосца: Биография Сергея Эйзенштейна. СПб., 2017.
5. Дадаизм в Цюрихе, Берлине, Ганновере и Кёльне: Тексты, иллюстрации, документы / Отв. ред. К. Шуман. М., 2002.
6. *Долин А.В.* Оттенки русского: очерки отечественного кино. М., 2018.
7. *Жижек С.* Хрупкий абсолют, или Почему стоит бороться за христианское наследие. М., 2003.
8. *Исаков А.Н.* Проблема опосредствования в античной философии // Диалектическая культура мышления: история и современность. Межвузовский сборник / Под ред. А.А. Королькова, Н.Н. Ивановой. СПб., 1992.
9. *Ксенофонт.* Домострой // Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. М., 1993.
10. *Кракауэр З.* Природа фильма. Реабилитация физической реальности. М., 1974.
11. *Платон.* Парменид // Платон. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. М., 1993.
12. *Фуко М.* Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 3. М., 2006.
13. *Якобсон Р.* Работы по поэтике. М., 1987.
14. *Ямпольский М.* От Пролеткульта к Платону. Эйзенштейн и проект смысловой самоорганизации жизни // Киноведческие записки. 2009. № 89/90.

References

1. *Agamben D.* Griadushchee soobshchestvo. M., 2008.
2. *Agamben D.* Profanatsii. M., 2014.
3. *Bad'iu A.* Vek. M., 2016.
4. *Bulgakova O.* Sud'ba bronenostsa: Biografiia Sergeia Eizenshteina. SPb., 2017.

5. Dadaizm v Tsiurikhe, Berline, Gannovere i Kel'ne: Teksty, ili liustratsii, dokumenty / Otv. red. K. Shuman. M., 2002.
6. Dolin A.V. Ottenki russkogo: ocherki otechestvennogo kino. M., 2018.
7. Zhizhek S. Khrupkii absoliut, ili Pochemu stoit borot'sia kha khristianskoe nasledie. M., 2003.
8. Isakov A.N. Problema oposredstvovaniia v antichnoi filosofii // Dialekticheskaiia kul'tura myshleniia: istoriia i sovremennost'. Mezhdvuzovskii sborniki. Pod red. A.A. Korol'kova, N.N. Ivanovoi. SPb., 1992.
9. Ksenofont. Domostroi // Ksenofont. Vospominaniia o Sokrate. M., 1993.
10. Krakauer Z. Priroda fil'ma. Reabilitatsiia fizicheskoi real'nosti. M., 1974.
11. Platon. Parmenid // Platon. Sobr. soch.: V 4 t. T. 2. M., 1993.
12. Fuko M. Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniia i interv'iu. Ch. 3. M., 2006.
13. Iakobson R. Raboty po poetike. M., 1987.
14. Iampol'skii M. Ot Proletkul'ta k Platonu. Eizenshtein i proekt proekt smyslovoj samoorganizatsii zhizni // Kinovedcheskie zapiski. 2009. № 89/90.

Н.Н. РОСТОВА

Самоирония в современном искусстве*

Аннотация. В статье рецензируется новый фильм Р. Эстлунда «Квадрат». Автор отмечает, что в фильме, фабула которого связана со сферой современного искусства, затрагиваются основные проблемы кризиса современного европейского человека — от проблемы толерантности до проблемы социальной бедности. В данном случае режиссер выступает не как мыслитель, а как рассказчик, поскольку ограничивается художественной фиксацией очевидных проблем. Наиболее интересным в фильме оказываются не заявленные в фильме известные проблемы, но сам художественный ритм фильма, его

*Рецензия на фильм Р. Эстлунда «Квадрат».

Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Ростова Н.Н. Самоирония в современном искусстве // Философия хозяйства. 2018. № 2. С. 248—252.

монотонность и ничтожность сюжета. Как заключает автор, именно в этой ничтожности и искусственности драмы кроется самая суть послания фильма, говорящего нам о скудности сознания современного человека.

Ключевые слова: кинофильм «Квадрат», Р. Эстлунд, современное искусство, сознание, толерантность, антропология, смерть Автора, человек.

УДК 18
ББК 85

Abstract. In article the new movie of R. Östlund «Square» is reviewed. The author notes that in the movie which plot is connected with the sphere of the modern art, the main problems of crisis of the modern European person — from a tolerance problem to a problem of social poverty are touched. In this case the director acts not as the thinker, and as the story-teller as it is limited to art fixing of obvious problems. Not declared known problems, but an art rhythm of the movie, its monotony and negligibility of a plot appear the most interesting in the movie. As the author concludes, in this negligibility and artificiality of the drama the essence of the message of the movie speaking to us about scarcity of consciousness of the modern person is covered.

Keywords: movie «Square» R. Östlund, modern art, consciousness, tolerance, anthropology, death of the Author, people.

Ясно, что современное искусство волнует не эстетика, а исследование болевых порогов социума. Не прекрасное, а те точки, надавив на которые в обществе возникает раздражение. Об этом повествует новый фильм-фаворит Каннского фестиваля 2017 г. «Квадрат» в исполнении шведского режиссера Рубена Эстлунда. Творческая группа крупнейшего музея современного искусства Швеции занята подготовкой к новой выставке. Экспонатом должен послужить «Квадрат» — очерченная в форме квадрата территория, которая обещает попавшему на нее равные со всеми права и обязанности. Однако дело не в экспонате, а в событии, которым должна стать выставка, а потому необходим креативный ход, который привлечет бы всеобщее внимание. Этим креативным шагом оказывается идея снять видеоролик, в котором ясноглазую шведскую нищую девочку, заступившую в квадрат, разрывает от огненного взрыва на

части. Главным героем фильма является куратор выставки по имени Кристиан. Процесс подготовки события разворачивается на фоне его личной истории.

Режиссер затронул в своем фильме немало насущных вопросов, касающихся кризиса европейского человека. Он проговорил всю логику современного искусства, которое ставит себе целью не художество, а конкурирование со стихийными бедствиями и прочими катаклизмами, все еще будоражащими сознание людей. Он напомнил о том, что искусство сегодня обращено не к зрителю, а к пользователю facebook, а потому, утрачивая Автора и Смысл, оно оперирует неоднозначностью. Неоднозначность арт-высказывания — залог его успеха, ибо каждый будет одарен возможностью зафиксировать свое скудное мнение в сети. Режиссер показывает кучи мусора, выставяемые в галереях, иронизируя над запретами их фотографировать. Цитирует ряд эпизодов из жизни современного искусства, имевших место в действительности, когда, например, подобные арт-объекты уборщики по своему невежеству отправляли в мусорные баки. Мы узнаем лающих художников. Видим эти благообразные лица знатоков современного искусства с неизменным выражением, будто говорящим нам: «я имею право». Наблюдаем проповедь толерантности, пустые глаза галеристки, обливаемой словесной грязью нервно больным, к которому сопровождающий призывает проявить терпимость. Режиссер показал нам и пределы толерантности, когда заигравшегося художника те же благообразные наутюженные люди культуры начинают избивать со звериной жестокостью. Автор фильма провозгласил для нас известные европейские лозунги о любви к дальним: «Хотите ли вы спасти человека?» — выкрикивает доброволец на улице, а сытые увлеченные экраном своего телефона белые воротнички проходят мимо. Он показал нам нищету, забившуюся по углам европейских улиц, и тех наглых бродяг, что, побираясь, начинают предъявлять к пожертвованию претензии.

Все эти темы лежат на поверхности. Режиссер ничего нового не обнаружил. Не вынес умозаключения. Ради чего же снят фильм? Кажется, что ради этих заунывно тянущихся двух с лишним часов. Ради самого ритма, той самой горьковатой скуки, что с первых минут начинает одолевать зрителя. Сюжет фильма весьма скромен, драма героя ничтожна, если не сказать искусственно построена. Но

в этой ничтожности и искусственности и кроется самая суть послания. Современный человек не имеет душевной амплитуды. Он примитивен, как школьное уравнение. Жизнь героя протекает на поверхности. Она не опосредована отношением к себе. Внутреннее в ней отсутствует. Безумием для героя оказывается незамысловатая история с кражей его кошелька. Событием — глупая идея писать незнакомцам — потенциальным вора письма с угрозами, для чего ему приходится переодеться в бомбер подчиненного и в латексных перчатках рассовывать конверты по всем почтовым ящикам многоэтажного дома. Переживанием — неудачная попытка извиниться перед незнакомым мальчиком, которого скомпрометировал перед родителями своим письмом о воровстве. В то время, как громкий ролик с растерзанной девочкой всколыхнул медиамир, герой, будучи как куратор ответственным за него, задним числом обнаруживает, что тот уже стал достоянием общественности. Но и это не тревожит его. Вяло, словно по инерции, он решается уйти со своего поста. Зачем? Чувствует ли он действительно ответственность? Нарушил ли он для себя какой-либо социальный или нравственный запрет? Или, как спрашивает его журналист, обнаружило ли современное искусство в жесте этой отставки свои пределы? Герой не отвечает журналисту, как и себе, ибо не имеет к себе вопросов. Он наполнен даже не желаниями, не влечением к деньгам. И эти страсти его покинули. Он остыл. Кажется, единственное, чем еще дорожит герой, это его собственное семя в резиновом изделии, которое он не решается отдать случайной партнерше, любезно предложившей мусорный контейнер. Но режиссер здесь уходит от самого главного. Жутковатую сцену совокупления он разворачивает на фоне читающей в соседней комнате гориллы. Но дело не в том, что человек — это не более, чем цивилизованная обезьяна. И не в том, что обезьяна с газетой более человекоподобна, нежели человек, превращающийся в животное. Человек — не животное. И никогда им не будет. Страшен, как скажет Бердяев, не зверь, а человек, ставший зверем. Животное натурально. Красиво. Человек, таящий в себе хаос, неприроден. Ему свойственно уродство. Не способный обрести лад, он становится отвратителен и опасен. Фильм «Квадрат» предъявляет нам это отвратительное существо, этих хихикающих арт-специалистов, растерзанным ребенком пугающих, по их словам, людей.

Примечательным оказывается тот факт, что выходу фильма предшествовала действительная выставка экспоната «Квадрат» в Швеции, автором которого является сам Эстлунд. А также то, что, как признается в интервью режиссер, потрясшие его воображение истории с кражей кошелька и письмами незнакомцам в реальности произошли в жизни его знакомых. Иронизирующий, видимо, и над собой режиссер и сам играет в реляционную эстетику, предлагая нам всерьез призадуматься о возможности «островка доверия» в современном мире.

А.М. БЕЛЯНОВА, В.А. БИРЮКОВ

**Солидарная экономика: утопия XXI в.
или реалии завтрашнего дня? ***

Аннотация. В статье представлен обзор дискуссии на круглом столе «Методологические и теоретические вопросы системы политической экономики солидаризма», организованном проблемной группой «Воспроизводство и национальный экономический рост» под руководством проф. В.Н. Черковца совместно с Центром исследований экономической системы России под руководством проф. К.А. Хубиева кафедры политической экономики экономического факультета МГУ. На круглом столе был заслушан доклад профессоров В.И. Кошкина и С.И. Кретова — авторов монографии «Основы политической экономики солидаризма», в обсуждении которого приняли участие сотрудники экономического факультета МГУ и других организаций.

Ключевые слова: солидаризм, солидарная экономика, ответственность, воспроизводство.

*Обзор дискуссии по монографии: В.И. Кошкин, С.И. Кретов. Основы политической экономики социализма. М., 2017.

Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Белянова А.М., Бирюков В.А. Солидарная экономика: утопия XXI в. или реалии завтрашнего дня? // Философия хозяйства. 2018. № 2. С. 252—266.

Abstract. The article presents the review of the discussion that took place at the round table «Methodological and theoretical issues of political economy of solidarism». The round table was organized jointly by the task force «Reproductive performance and national economic growth» led by prof. V.N. Cherkovetz, Center of General Economic Theory and Methodology, Center for Studies in the Russian Economic System, Center of Socioeconomics and the Chair of Political Economy, economic faculty, MSU. The authors of a book «Foundations of political economy of solidarism» — V.I. Koshkin and S.I. Kretov — delivered the report which was discussed by faculty members and representatives of other institutions.

Keywords: solidarism, solidarity economy, ownership, reproduction.

УДК 330
ББК 65

На обсуждение был вынесен ряд вопросов «концепции солидарной экономики», в том числе предмет и метод политической экономии солидаризма, формы собственности в солидарной экономике, основы теории солидарного воспроизводства.

Открыл заседание вступительным словом д.э.н., профессор **В.Н. Черковец**. Постановка на дискуссионное обсуждение, — отметил он, — ряда аспектов монографии двух профессоров, бывших выпускников нашего факультета, подготовивших свой теоретический проект экономической системы будущего, в том числе и для России, для нас не случайная. Вопрос о формировании научно обоснованной национальной экономической модели России является весьма актуальным сегодня для страны и определяет одну из двух тем исследований со статусом государственной регистрации кафедры политической экономии экономического факультета МГУ. В рамках этой темы проблемная группа «Воспроизводство и экономический рост» и Центр исследований экономической системы России занимаются соответственно разработкой подтем «Системный подход к формированию единого воспроизводственного комплекса и механизма его функционирования в современной России» и «Формирование российской экономической системы». Авторы монографии предлагают такую систему, построенную на основе принципов анализа и категорий созданной ими версии политической

экономии солидаризма не существующего пока нового способа производства, отвергающего капитализм и не принимающего социализм как системы, но использующего их фрагменты из теории и практики. Нам известны варианты и других проектов, использующих подобные подходы к конструированию моделей устройства экономики будущего общества. Сравнительный анализ методологии и теории таких амальгамных проектов был бы полезен для поисков путей научного предвидения перспективы социально-экономического развития.

С докладом выступили авторы монографии д.э.н., профессор **В.И. Кошкин** и д.э.н., профессор **С.И. Кретов**. Отмечая заслугу Цаголовой школы в обосновании системного подхода в разработке и изучении политической экономии как науки и учебной дисциплины, докладчики не согласились с определением ее предмета в «Курсе политической экономии» (под ред. Н.А. Цаголова). Безоговорочно придерживаясь позиции К. Маркса, в «Курсе» подчеркивалось, что ее предмет «не производство как технологический акт, а общественные отношения по производству». При таком понимании *природа*, по мнению докладчиков, оказывается бездонным «складом», откуда индивидуум бесконтрольно и на внеэкономической основе может брать неограниченное количество ресурсов, одновременно создавая бескрайнюю бесплатную «помойку» для любых отходов своей жизнедеятельности. Как оказалось, проблема ограниченности ресурсов — намного более значимая проблема не только капитализма, но и для всей человеческой цивилизации, что, с точки зрения докладчиков, неизбежно требует *расширения предмета политической экономии*.

А. Смит и К. Маркс ограничивали предмет политической экономии исследованием сущности и причин богатства народов, т. е. производством, распределением, обменом и потреблением *материальных благ*. В свою очередь российский экономист А. Шторх убедительно обосновал необходимость включения в предмет политической экономии, наряду с исследованием производственных отношений, формирующихся в процессе производства материальных благ, анализ нематериальных «внутренних» благ, или, как он называл их, «элементов цивилизации». Последние включают способности человека и все то, что служит их развитию и совершенствованию (здоровье, умение, просвещение, вкус, нравы, обычаи), и усло-

вия, необходимые для их сохранения и развития (такие, как например, безопасность).

Что касается политической экономии солидаризма как качественно новой объяснительной парадигмы *будущего* нашей цивилизации, то ее предмет включает, наряду с *производственными отношениями воспроизводства богатства*, также отношения, возникающие в процессе формирования и реализации *нематериальных (цивилизационных) благ и обеспечения равновесия этих благ с материальными благами*.

Еще одним принципиальным моментом, на котором акцентирует внимание Цаголовская школа при определении предмета политической экономии, является формирование *системы экономических категорий*, выражающих всю совокупность производственных отношений того или иного способа производства. Согласно марксистской методологии, для этого используется метод *восхождения от абстрактного к конкретному*, вбирающий в себя в единстве *логический и исторический подходы* в обосновании системной связи экономических категорий. Теории солидаризма логический подход также дает возможность раскрыть системное построение экономических категорий, отражающих структуру всей системы солидарных производственных отношений. Реализация исторического подхода связана с необходимостью раскрытия генезиса солидарной экономики, анализа процессов объективного вырастания ее из недр современной капиталистической рыночной экономики и закономерного формирования целостной системы производственных отношений солидаризма.

На практике солидарные производственные отношения, при отсутствии солидарной собственности, формируются, главным образом, на основе симбиоза индивидуальной частной и коллективной частной форм капиталистической собственности. Это делает крайне необходимым разработку системы экономических категорий солидаризма, исторических перспектив их становления и развития. Приходя на смену капиталистической рыночной экономике, солидарно-обменная экономическая система вбирает в себя позитивные начала как частной, так и государственной собственности, добавляя к этим началам специфику производственных отношений солидаризма и, таким образом, формируя качественно новую экономическую категорию — ассоциированную частную собственность граждан.

По мнению докладчиков, солидаризм представляет собой теорию не идеального общества, а общества блага, в котором разработаны механизмы и институты согласования интересов и ценностей всех участников социальных отношений. *Исходное отношение солидаризма — благо, основное отношение — солидарный доход граждан.* На поверхности экономической жизни результаты осуществления основного отношения солидаризма выступают в форме валового дохода хозяйственных звеньев и национального дохода страны, используемых для целей потребления и накопления. Основное социально-экономическое отношение солидаризма можно представить в таком виде: факторный доход индивидуума = расширенное воспроизводство ассоциированной собственности граждан + вовлечение новых ресурсов в витальное потребление как результат освоения новых знаний.

Касаясь проблемы собственности, докладчики отметили, что солидарные формы придут в будущем на смену частной капиталистической и буржуазной государственной собственности, путем диалектического «снятия» ликвидируют господство антагонистических производственных отношений капитализма и в связи с этим таких свойственных ему экономические категории, как зарплата и прибыль. *Системообразующими солидарными видами ассоциированной частной собственности граждан (АЧСГ) должны стать: солидарно-публичная собственность; солидарно-коллективная собственность; солидарно-семейная собственность.* Наряду с солидарными видами собственности будет функционировать *индивидуальная собственность*, которая реализует права граждан на труд и участие в солидарном менеджменте. Солидаризация собственности заключается в персонификации прав владения, распоряжения и пользования для каждого гражданина.

Таким образом, включив в политэкономическое исследование, во-первых, отношения воспроизводства невозобновляемых природных ресурсов и, во-вторых, отношения, связанные с воспроизводством нематериальных благ (элементов цивилизации), наряду с производственными отношениями по поводу производства, распределения, обмена и потребления материальных благ, получим целостный предмет политэкономии солидаризма.

Далее докладчики остановились на новых аспектах *теории воспроизводства солидарной экономики.* Общественную экономическую систему, состоящую из солидарных собственников факто-

ров производства, которые, используя плановые и обменные инструменты, совместно производят и распределяют солидарный доход, мы называем *солидарно-обменной экономикой*. Воспроизводство в солидарно-обменной экономике подчинено реализации ее главной цели — удовлетворению витальных потребностей всех членов социума. *Содержательно категория воспроизводства при солидаризме коренным образом отлична от схем воспроизводства общественного капитала при капитализме и балансовых схем воспроизводства, использованных в СССР*. Эти отличия докладчики сводят к следующему. Политэкономический подход характеризуется тем, что, во-первых, воспроизводственные процессы «капиталистического» способа производства не выходили за рамки искусственной среды обитания человека — экономики; во-вторых, воспроизводство трактовалось в узком формате обмена между первым и вторым подразделениями общественного производства; в-третьих, деление в схемах воспроизводства общественного продукта на необходимый и прибавочный закрепляло видимость эквивалентного подхода к воспроизводству наемных работников через зарплату (большинства) и капиталистических собственников через прибыль (меньшинства). При социализме — «соцолигархия» через так называемый закон распределения по труду, осуществляя уравнилельное распределение необходимого продукта, распоряжалась прибавочным продуктом по своему усмотрению, включая избыточное вооружение, помощь прокоммунистическим режимам и т. п. И в этом смысле *подходы к исследованию воспроизводственных процессов при капитализме и социализме в советской политической экономике сущностно не отличались*.

В свою очередь экономикс исследует воспроизводство через призму теорий равновесия и трех базовых либеральных постулатов, что по существу сводится к нахождению статического баланса между основными капиталистическими факторами производства — трудом и капиталом. Предыдущие теории воспроизводства, как правило, ограничивали горизонт исследования воспроизводственных процессов временными рамками нескольких лет, а методологические ограничения предпосылок исследования воспроизводственных процессов выводило фактор накопления отходов жизнедеятельности и производственной деятельности, как и воспроизводственные процессы взаимодействия с природной средой в целом, за пределы исследования этих процессов и тем самым поставили ци-

визацию покорителей природы и капиталистическую формацию на грань экологической катастрофы.

Доклад вызвал оживленную дискуссию участников круглого стола.

В своем выступлении **В.М. Кульков** (д.э.н., профессор МГУ) обратил внимание на необходимость более строгой идентификации термина «солидарность» и его взаимосвязей. Так, в социал-демократических текстах солидарность берется в единстве со свободой и справедливостью; М.И. Туган-Барановский причислял ее к новым нематериальным стимулам (наряду с чувством долга и привлекательностью труда). Используется она по-своему и в таком специфическом направлении, как корпоративизм. Ее присутствие ощущается и в концепции социального капитала. И этот вопрос требует большего прояснения. В целом благожелательно оценив замысел и направленность представленного исследования, выступающий выразил сомнение в возможности и практичности масштабной реализации принципа солидаризма (как он выражен у докладчиков) в связи с чрезмерно высокими транзакционными издержками согласования в принятии решений. Он также выделил опасные последствия принижения роли государства в социально-экономической жизни. Одно из них может выразиться в росте неуправляемости общественных процессов, их синдикализации, недостаточном учете общенародных интересов. Другое — связано с игнорированием особой роли государства, которая в России особенно значима в силу многих специфических факторов и условий, присутствующих ей и требующих большей регулируемости социально-экономических. Результаты такого рода «разгосударствления», считает Кульков, скорее всего, будут иметь негативный характер.

Наиболее критическое отношение к концепции солидаризма выразил **А.А. Ковалев**. Он отметил, что само название основной идеи — солидарность — скорее вызывает эмоции, чем какие-либо рациональные соображения. Для будущего общества больше подходит «ассоциация самоуправляющихся производителей». Идеальность и фантастичность представленного докладчиками проекта связаны, главным образом, с цивилизационным, технократическим подходом в отличие от формационного, естественно-исторического. Этот метод давно известен, но у докладчиков, по мнению выступающего, он доведен до высшей степени искажения. По Марксу, коммунизм выводится из капитализма как разрешение его противоре-

чий по следующей логике: трудовая теория стоимости — прибавочная стоимость — накопление капитала — обобществление производства и капитала — концентрация буржуазной собственности — необходимость замены ее общественной собственностью как экономической основы коммунизма. Метод перехода обобществления производства от одного уровня к другому использовал и Ленин для анализа империализма. Другое дело у авторов концепции солидаризма, которые исходят из материальных производительных сил, природы, блага человека вообще, цивилизационного подхода и т. п. Причем они исходят из концепции постиндустриального общества, где удовлетворены все материальные потребности, а цель работы для человека — самореализация его способностей, примат нематериального, при котором материальное производство с производительным трудом рабочего выброшен на обочину, а единственно производительным объявляется труд непроизводительный — учителя, врача, ученого и т. п. С этих позиций феодализма могло бы и не быть, если бы не ошибки какого-нибудь одного великого исторического лица, а теория стоимости и прибавочной стоимости объявляются ненужным хламом, об обобществлении у авторов речь вообще не идет, а социализм отождествляется с капитализмом. В общем, считает выступающий, от Маркса остались только заверения в верности его величию, так же как и от политической экономии Цаголова — поклонение ныне здравствующему классическому этой школы — В.Н. Черковцу. Таким образом, авторы построили свою систему на чисто технико-технологической основе — на высшем ее уровне с идеальными отношениями солидарности по принципу как это *должно* быть. Все, что не вкладывается в эту систему, — это заблуждение, хлам, недоумие. По мнению выступающего, после А.В. Бузгалина и Г.Н. Цаголова (с его 7-й интегральной общественно-экономической формацией) — это следующая, более высокая степень искажения марксистской политэкономии на экономическом факультете МГУ в угоду западной буржуазной идеологии.

В.Д. Ракоти (д.э.н., профессор НИИ труда Минтруда РФ) отметил, что один из ключевых принципов вынесенной на обсуждение концепции солидаризма — гармоничное согласование индивидуальных и общих интересов членов общества. Причем согласование интересов должно быть обеспечено всеми участниками социальных отношений, которым гарантируется доход, обеспечивающий

необходимый достаток для граждан и их семей на основе справедливости.

Каков же путь такой эволюции для современного человека? — задает вопрос В.Д. Ракоти. Значительная часть нынешнего поколения, молящаяся сегодня на частную собственность, при солидаризме, согласно этой концепции, свои интересы должна считать вторичными по сравнению с интересами более слабого члена общества. Сегодня людей мотивируют трудиться материальные стимулы, при солидаризме — они не предполагаются. Блага членам общества будут предоставляться не в обмен на их долю общественного полезного труда, а эквивалентно безусловно гарантированным доходам. В настоящее время каждый трудящийся получает заработную плату (по идее) в соответствии с результатами своего труда, а при солидаризме получение всех созданных благ на цели потребления и накопления осуществляется солидарно. В рыночных условиях неуклонно растет социальное расслоение населения, а при солидаризме снобистское потребление будет существовать лишь некоторое время и, надо понимать, в конце концов, само по себе исчезнет. Понятно, что это неисчерпывающая оценка эволюции интересов и мотивов деятельности человека. Не названы у них такие факторы, как неравные условия доступа к труду, различный уровень развития производства и инфраструктуры в разных регионах, неодинаковые климатические условия работы и жизни. Авторы концепции, заметил выступающий, увлеченные разрабатываемой идеей, подобно матерям, видящим в своих чадах только совершенство, не уделяют должного внимания рассмотрению препятствий на пути реализации своих идей. Вместе с тем представленную концепцию нельзя считать полной без обоснования механизма переформатирования интересов и мотивов деятельности человека, а также «дорожной карты» по его реализации. Тем не менее, организация нынешнего круглого стола — очень полезное дело.

К.А. Хубиев (д.э.н., профессор МГУ) начал свое выступление с определения жанра обсуждаемого материала. Это не просто научный труд на определенную тему, а настоящая модель мироустройства, отличающаяся, по мнению авторов монографии и доклада, технологической оптимальностью и социальной справедливостью. Их концепцию цементируют две сквозные идеи. Первая — природно-технологическая оптимальность, при которой высокие технологии работают в гармонии с природными процессами, не нанося последней ущерба. Вторая — природные и экономические процессы в

воспроизводственном цикле гармонично совпадают и не наносят ущерба друг другу. При этом антропологическая нагрузка на природу уменьшается за счет исключения так называемых «снобистских» — престижных — потребностей. В таком обществе удовлетворению подлежат только так называемые витальные потребности, что характеризует основу данной концепции мироустройства как социально-справедливую. Эта справедливость проявляется во введении понятия «безусловный доход», который должны будут получать все граждане, независимо от их трудового вклада в общую копилку. Сверх этого все граждане могут иметь дополнительные доходы. Эту модель можно было бы считать социалистической, если бы не наличие долевой собственности на средства производства и доходов от индивидуальных активов и недвижимости.

К.А. Хубиев заметил, что в концепции авторов есть отдельные темы, требующие специальных обсуждений: обремененные деньги, оптимальные цены, да и сама природа человека в обществе солидаризма. В целом предложенную модель можно охарактеризовать как *утопический солидаризм*. Бесспорно, идея благородная, но пока в обозримой перспективе не просматриваются технологические и социально-экономические предпосылки для возникновения такого общества. И все же идею авторов следует поддержать в надежде на то, что хоть каким-то образом нашим поколениям повезет застать эту пору прекрасную и пожить в ней.

А.И. Московский (к.э.н., доцент МГУ) выразил сомнение в том, что представленный доклад, как и сама монография, являются реализацией метода Маркса и Цаголова, хотя, без сомнения, работы Кошкина и Кретова очень интересны. Они обратились к исследованию огромного и разнообразного материала, но, по крайней мере, три момента смущают. Первое: солидаризм как феномен социальной рассматривается авторами без обращения к реальному, действительному человеческому материалу. Это — «социальность без человека». Поэтому у авторов солидаризм не имеет никаких конкретных определений действительности. Он оказывается у них чисто умозрительным феноменом.

Второе: обращение авторов к системному подходу исчерпывается просто «собираем вместе многого». Так, к сожалению, часто понимается сегодня «системность». А это очень бедное ее понимание. И оно категорически противоречит методу Цаголова. Третье: сердцевина метода Цаголова заключена в установлении порядка, посредством которого «многое становится системой». Соб-

ственно, этот порядок и есть система. Он берется не из головы, а должен быть найден в самой действительности. Цаголов неоднократно говорил, что «система — не архитектурное украшение, а сама ткань предмета экономической науки». Поэтому авторы вовсе не следуют методу Цаголова, а предлагают интересный, но пока еще очень сырой материал.

Е.В. Красникова (к.э.н., доцент МГУ) отметила, что обсуждаемая работа носит новаторский характер, в ней разрабатывается принципиально новая проблема, суть которой — становление новой экономической системы. Раскрытию особенностей этой принципиально новой экономической системы и посвящена работа. Замечательно, что в этой связи авторы обратились к концепции ассоциированного способа производства, изложенной Марксом в пятом разделе третьего тома «Капитала», по существу преданной его последователями полному забвению, хотя она заслуживает большого внимания уже вследствие того, что по существу дезавуирует его же социалистический прогноз, изложенный в ранних работах. Концепция изложена Марксом крайне лаконично, но достаточно четко. Поэтому вызывает удивление авторская трактовка этой концепции, не вполне ей адекватная. По существу, Маркс говорит о преобразовании капиталистического способа производства в ассоциированный в связи и по мере эволюции индивидуальной частной собственности в формы ассоциированной, которые трактует как «непосредственно общественные, равно как акционерный капитал не частный, а общественный». В их числе он называет только кооперативную и акционерную формы собственности (хотя их значительно больше), сосредоточивая основное внимание на последней, так как именно ей капитализм обязан своим долголетием. Ею были открыты безграничные возможности в освоении все более сложных технологических укладов в процессе индустриализации, вплоть до современных.

Авторы солидаризма оперируют иными формами собственности — «коллективной частной», что вполне правомерно, так как она предстает одной из частных форм ассоциированной собственности, и «общенародной частной». Последнее определение вызывает недоумение вследствие несовместимости ее компонентов: общенародная собственность есть собственность всего народа. По мнению выступающей, у авторов не бесспорно и выделение особого способа производства — солидаризма. Но попытка переосмыслить суть коренных изменений в экономической жизни общества, тем более с позиции политэкономии как фундаментальной науки среди

прочих экономических наук, достойна внимания ученых и в этом ценность монографии.

В.А. Бирюков (к.э.н., с.н.с., МГУ) обратил внимание на определенную преемственность взглядов докладчиков со взглядами создателей марксизма: материальными предпосылками общества солидаризма могут быть, во-первых, уровень общественной производительности труда в 3—4 раза выше достигнутого к настоящему времени в нашей стране, и, во-вторых, несколько иное качество правящего класса современной России, который в состоянии разграбить наш народ при любом уровне развития производительности сил, что не позволит реализоваться никакому варианту социализма — ни утопическому, ни «научному», ни солидаристскому. Теоретической основой концепции солидаризма выступающий назвал разработки советских ученых-кибернетиков 1960—1970-х гг. Ссылки авторов на марксизм и достижения «школы Цаголова» — не более чем методологический флер, призванный придать некую научность их изысканиям. Преемственность с марксизмом и «цаголовщиной» обнаруживается у авторов и в стремлении сконструировать некую теоретическую систему будущего социально-экономического устройства, которое, считают они, окажется более прогрессивным и справедливым по сравнению с нынешним. Как известно, первой такой теоретически сконструированной системой был утопический социализм, второй — так называемый научный социализм. Реальный опыт минувшего столетия показал, что и этот вариант социализма все равно остался утопическим. XX в. показал, что вариантов так называемого научного социализма оказалось непредвиденно больше: можно говорить о социализме сталинском, маоистском, корейском и даже, к глубокому сожалению, полпотовском.

Другим свидетельством марксистских корней происхождения рассматриваемой здесь теории солидаризма является признание авторами необходимости разработки специальной концепции становления и «внедрения» в практику солидаризма. По мнению выступающего, это все тот же путь теоретического конструирования в головах мыслителей счастливого будущего человечества, а не эволюционный, естественно-исторический способ рождения нового общества. Творческие потенции и неукротимое стремление к совершенствованию общества, а также грандиозность замысла — еще одна черта, связывающие наших авторов с классиками марксизма. Это не может не вызывать восхищения.

Касаясь конкретного содержания представленной концепции, В.А. Бирюков ограничился двумя замечаниями. Авторы утверждают, что в экономике солидаризма не будет амортизации. Без всяких сомнений, это заблуждение. Дело в том, что никакое воспроизводство в любой социальной форме без фонда возмещения невозможно, под каким бы названием это возмещение не происходило. Другую идею авторов — о включении утилизации отходов производства в общественное воспроизводство — нельзя не оценивать положительно.

А.М. Белянова (к.э.н., доцент МГУ) отметила, что обсуждаемая концепция солидаризма не может не вызвать и большой интерес, и много вопросов к ее авторам, по мнению которых современный капитализм «неизлечимо болен» и реанимировать его не может «ни одна идея», а социализм «исторически и научно непродуктивен». Авторами выдвигается идея создания «солидарной планово-обменной экономики» как идеальной конструкции общественного устройства. В связи с этим следует вспомнить заключительные строки книги Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег». Там Кейнс задает вопрос: не является ли осуществление изложенных в его книге идей «призрачной мечтой»? И отвечает, что если сами идеи правильны, то было бы ошибкой «оспаривать их потенциальные возможности». Авторы «Основ политической экономии солидаризма» тоже задают вопрос: не станет ли их работа утопией XXI в.? И отвечают словами Гюго: «утопия — это реалии завтрашнего дня». Однако утопия может остаться призрачной мечтой для будущих поколений, если впечатляющая конструкция нового общества не будет иметь научное обоснование ее реализации, возможностей воплощения в жизнь провозглашенных идей.

Поднятые докладчиками проблемы отношения человечества и природы, предотвращения угроз, которые представляет человеческая жизнедеятельность для будущего нашей планеты и т. п., безусловно, очень важны. Однако *вывод авторов о том, что для решения этих проблем необходимо расширить предмет политической экономии, не убедителен и нуждается, по меньшей мере, в более серьезном обосновании.* Ответы на вопросы, возникающие по поводу трактовки предмета политической экономии солидаризма и толкования воспроизводственных процессов в «Капитале» Маркса, авторы обещают дополнительно дать в своей следующей книге, и хочется надеяться, что им это удастся, поскольку сама идея нового общества, основанного на принципах справедливости, равенства,

солидарности, на идеологии «добротворения», весьма привлекательна.

Закljučая обсуждение, **В.Н. Черковец** остановился на ряде моментов, выдвинутых авторами и затронутых в выступлениях. Один из них — в названии статьи-обзора: что перед нами — *утопия или научное предвидение?* В обычном словоупотреблении, в различных изданиях, в словарных справочниках понятие «утопия» (с греч.) однозначно связывается с фантазиями, с несбыточной мечтой, с вымыслами не существующих в реальности событий, будущих социальных устройств и т. п. «На мой взгляд, сегодня такое понимание требует корректировки, — заметил В.Н. Черковец. Небывалое развитие производительных сил, громадный рост объемов производства, всемирные хозяйственные связи, растущие риски долгосрочных инвестиционных капиталов, усиливающаяся ограниченность естественных ресурсов, с одной стороны, требуют достоверных знаний о возможных ситуациях будущего. С другой стороны, научно-технический прогресс, достижения естественных и технических наук, развитие методов социально-экономических исследований позволяют не только заглянуть в среднесрочную и более далекую перспективу, но и принять непосредственно конструктивное участие в ее формировании. Утопия может превращаться в научное предвидение, в науку, в ее функцию. Но при одном принципиальном условии: она должна отражать нарастающую объективность трендов в предшествующем периоде, опираться на вектор их развития и усиления, на наличие природных и производимых трудом ресурсов, на анализ неразрешимых противоречий в прежней социально-экономической системе и вызываемых ею путей и средств их разрешения. Современная философия науки признает две основные функции науки, в том числе экономической — не только прикладной, но и фундаментальной: объяснительную и прогнозную. Дж.К. Гэлбрейт называет объяснительную и инструментальную функции, имея в виду заказы науке со стороны государственных организаций и корпораций. Среднесрочные и особенно долгосрочные плановые проекты могут быть реальными, т. е. научно-обоснованными, а могут оказаться утопиями, если они не отвечают указанным требованиям. Что касается политической экономики, то при конструировании своих проектов будущего она не может не исходить, как и всякая другая наука, из специфики своего предмета, заключающегося в исторически данном типе и состоянии социально-производственных отношений, взаимодействующих с

производительными силами общества, а значит, и с природой, отношение общества к которой включено в само понятие производительных сил, и с народонаселением — высшим субъектом общества и его главной производительной силой, с социальной сферой, а также с государственно-правовой и политической “надстройкой”. Усиление внимания политической экономии к этим явлениям (проблемам) не расширяет ее предмета, а обогащает ее научное содержание и практическую значимость.

Если это так, то новая “политическая экономия *солидаризма*”, предложенная нашему вниманию, должна показать и теоретически доказать объективную необходимость бесперспективности развития и капитализма и социализма как способов производства, неспособность их модернизации на путях к некоему обществу социального равенства и социальной справедливости на основе частной собственности, с одной стороны, и общенародной, общенациональной собственности на средства производства, включая новейшие технологии, с другой стороны.

На мой взгляд, да фактически и по мнению ряда выступавших, развернутых доказательств этого плана в обсуждавшейся книге пока нет. Здесь, видимо, утопические элементы сочетаются с заимствованиями из известных научных, но противоречащих друг другу источников прошлого и настоящего как в области методологии, так и в теории общей экономической науки», — заключил В.Н. Черковец.

А.А. СУББОТИН

Инфернальная метафизика экономики*

Аннотация. Кажущаяся популярным учебником книга Ю.М. Осипова «Экономика как есть (откровения Зоила, или Судный день экономизма)» выявляет скрытую метафизическую сущ-

*Рецензия на кн.: Осипов Ю.М. Экономика как есть (откровения Зоила, или Судный день экономизма). М.: ТЕИС, 2017. — 318 с.

Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Субботин А.А. Инфернальная метафизика экономики // Философия хозяйства. 2018. № 2. С. 266—277.

ность экономики, ее невидимые движущие силы, ее хаосмосную телеологию и эсхатологию, ее разрушительные цели и задачи, ее патологический нарциссизм и античеловечность. Согласно размышлениям ученого, криминал, суицид, инфернал как раз составляют суть «экономики как есть». Автор использует антиномический метод исследования экономики, вынуждая ее саму рассказывать о своих целях, средствах, решениях, делах, о своей мучительной кончине и своем гробовом наследнике. Применяется искусство Зоила, выявляющее фальшивое и цыганское золото современной экономики-хрематистики. Рассматриваются различные подвиды и вариации бытования экономики — гиперэкономика, криптопатоекономика, а также множественные «экономика как...». Подзаголовок о Судном дне относится в наибольшей мере к тем страницам, где автор рассуждает о грядущем экономики, о двух путях ее развития и, разумеется, о том, как в этой связи быть России.

Ключевые слова: экономика, хозяйство, метафизика, иное, стоимость, Россия, мифология.

Abstract. Yu.M. Osipov's «Economics as such (Zoil's revelations or the Judgment Day of Economism)», which reminds of a popular textbook, reveals hidden metaphysical essence of economics, its invisible driving forces, its chaosmosic teleology and eschatology, its destructive goals and tasks, its pathological narcissism and anti-human nature. According to the researcher crime, suicide and the infernal are the very essence of «economics as such». The author uses the antinomic method of studying economics, forcing it to tell about its goals, means, decisions, works, its painful death and death heir. Zoil's art is used, which reveals the counterfeit and gypsy gold of the modern economics-chrematistics. Various subspecies and variations of the existence of economics are considered — hypereconomics, cryptopathoeconomics, as well as multiple «economics as... ». The Judgment Day subtitle refers mostly to the pages where the author discusses the future of economics, two ways of its development and, of course, what Russia is to do in this respect.

Keywords: economics, economy, metaphysics, other, value, Russia, mythology.

УДК 11
ББК 65в

Вводные замечания

Парадоксальная книга выдающегося мыслителя современности Ю.М. Осипова является одним из откровенно говорящих плодов мировоззрения, последовательно сознаваемого Ю.М. Осиповым на основе возрожденной и развитой им философии хозяйства, а также по линии открытой им софиасофии. И относится эта книга скорее к философии экономики, чем собственно к экономике как науке, что становится понятным уже из подзаголовка, примененным автором — так «научные» экономические книги не именуют.

Поскольку рассматриваемая книга является для автора последней из его крупных работ, то она представляет собой своего рода итог его давних размышлений об экономике, раскрывая все сомнительное и неуловимое в ее бытии, показывая, что же экономика представляет из себя на самом деле, с чем ее едят и как она сама сдает человека. Большая часть названий глав начинается со слов «экономика как...», т. е. издание представляет собой своеобразный и весьма опасный когнитивный кристалл, в котором экономика рассмотрена со всех возможных сторон, что снимает с автора любые упреки в духе притчи о слоне и слепых.

Вначале обратим внимание на смыслы эпитафий «...Если я огорчаю вас, то кто обрадует меня, как не тот, кто огорчен мною?» (Ап. Пав. 2-е Коринф. 2:2) и «Не ищите, ибо не обрящете!» (Зоил). Если первый из них легко обнаружить в Новом Завете, то другой явно сочинен тем же Зоилом, который написал и всю книгу. Первый обращен к тем читателям, кому книга покажется несерьезной болтовней или обидным пасквилем на их деятельность (а таких может быть много, так как произведение, подобно другим трудам Осипова, написано без оглядки на общепринятые мнения — как научные, так и обыденные), и второй — ко всем читателям, ибо это своего рода предложение, идея, мысль — не стоит вносить в эту книгу какой-либо свой смысл, кроме написанного, как и не стоит искать в ней готовых рецептов к личному спасению (как правило, в современных условиях лиц, открывающих издание, где в названии есть слово «экономика», интересуется именно это). К тому же второй эпитаф похож чем-то на цитату из «Мастера и Маргариты» — «Никогда и ничего не просите. Никогда и ничего, и в особенности у тех, кто сильнее вас. Сами предложат и сами все дадут!» [1, 552], а

предпринятая ранее Ю.М. Осиповым смысловая интерпретация незабвенного романа М. Булгакова сохранила классическую русскую... именно русскую эзотерику [2].

В «Предвосхищении от Зоила» автор объясняет, кто он такой, т. е. почему так себя назвал, и для чего пишет эту книгу. Зоил для него вовсе не беспринципный злой критик, этакий злопыхатель, а «тот, кто зорко зрит и верно судит» (С. 5), при этом не впадая в самомнение, что именно только он один-единственный столь правильно размышляет. Современную же экономику и особенно «науку» о ней (кавычки для «экономической науки» в смысловом мире для Ю.М. Осипова — это некое «радостное погребение») он как раз и судит. Но вот верно ли? На это закономерное сомнение можно ответить лишь после прочтения книги, начиная как раз с предвосхищения, где автор пишет, что «самое лучшее, что смогла выдать экономическая наука, это говорить и говорить вслед за древними греками, что экономика — *oikonomia* — есть-де *домоводство*, а по словарю иностранных слов — *управление хозяйством*, не задумываясь над тем какое-такое «домоводство» (С. 5). Кроме того, экономика — «это все-таки не блага, не орудия, не земля, вообще не предметы, даже и не собственность на все это, не манера (технология) ими пользования и т. д., даже не сами по себе деньги, а если и деньги, то лишь *деньги работающие*, отчего экономика как онтос — не более чем *сфера работающих денег*, причем сфера вовсе не материальная, не вещественная, не предметная, в общем — не физическая, а «пустотная», спиритуальная, эфирная, то бишь — *метафизическая!*» (С. 6). Вот в этой синтетической аксиоме книги и зарыт Левиафан, поедающий человечество, оставляя от него информационные симулякры, призраки, ЛГБТ, нечистоты, прячущиеся за светом тени.

Ведущие понятия

В «Предвосхищении от Зоила» автор дает определения центральных понятий — *денег* и *стоимости*. От них рождается мысль, что деньги и стоимость не имеют причин, никого и ничего не представляют, а сами порождают себя и сами же себя представляют для себя, для своего количественного бесконечного самовозрастания. Деньги, стоимость (экономика) появились для себя, существуют для

себя, превращают все существующее в свои виртуальные блага⁴. Отсюда экономика — вовсе не то, чем она кажется в традиционном для науки смысловом ключе. Автор вводит понятие «потокное поле», подчеркивая, что сама экономика и составляющие ее понятия пребывают прежде всего в индивидуальном и коллективном сознании. Экономическое не сводимо к материальному, физическому миру, что стало окончательно ясным с отрывом денег от золотого стандарта — тогда-то и определилась раз и навсегда метафизическая, нематериальная природа денег. Сопрягается это с понятием *хаосмос* — состояния, возникающего на базе хаоса и не доходящего до космоса, того самого состояния, как раз присущего стоимости, чьи фундаментальные качества — свобода и неопределенность, лишь вынужденно корректируемые только ей самой и для нее же самой (С. 22).

Автор обращается к пониманию хаосмоса — как квазипорядка, находя квазипорядок существенным свойством экономики. Рассматривая структуру управления в мире экономики, автор включает в нее такие «части», как *метауправление* и даже *недоуправление*, и говорит об опасности норм; при этом он считает, что для России вполне подходит неодирижистский государственно-корпоративный комплекс, так как перед страной стоит задача эффективной национализации хозяйства, что означает не огосударствления всего и вся, а лишь дирижирование процессом управления, присущего самой экономике (С. 36). Необходимо это для перехвата инициативы на просторах России у глобального мирового центра, и, говоря о некоторой закрытости государственной экономики онтологически, вводит термин «криптоэкономика», который будет подробнее объяснен позже.

Ю.М. Осипов поясняет: экономика — это «все или же любое жизнеотправление, непременно происходящее при посредстве особого рода идеальной субстанции — стоимости, бытующей в оцифренном (денежном) виде непосредственно в сфере сознания» (С. 38). Итак, основой экономики является стоимость, и все это пребывает в сознании, т. е. основа экономики — метафизическая, а стоимость имеет виртуальную природу. Для Осипова она еще и когнитивная субстанция, имеющая характеристики идеальной, — это

⁴Не зря, ой не зря большевики грозились делать из золота сортиры, хотя, правды ради, за них это сделали сами же деньги.

общественно договорная ради самой себя и существенно самостоятельная цифра. Экономическое хозяйство ведется с ней, через нее и с нею самой. Именно она — основа экономики, не сводимая ни к какой материи, хотя кое-что в ней есть и от природы — например, тот же круговорот стоимости (С. 114), напоминающий круговорот воды в природе.

Ю.М. Осипов, таким образом, постоянно поворачивает читателя от привычных безличных научных определений к живому и к сознательному, избавляя от господствующей с времен Просвещения механистической картины мира. И стоимость тогда видится как некий «эфир», некая «душа мира», объединяющее экономику метафизически начало. Уж не является ли стоимость некой вечной Женоподобностью, находящейся в поисках хоть какого-нибудь, но вечного мужеподобного Шарикова? Может, нечто подобное и вершится как раз сегодня, и «жена Зверя» нашла свое счастье в мужеподобном инфернале?

Деньги, почитаемые издавна основой как экономики, так и жизни вообще, согласно рассматриваемому нами изданию, лишь скопище цифр и/или их материальных носителей (С. 246), а вовсе еще не экономика. Они лишь расчетные решения, т. е. инструмент (С. 221), поверхностное практическое выражение субстанции стоимости (С. 260). Поэтому ценность их зависит от многого, но никак не от какой-то внешней для денег субстанции, тем более, материальной (С. 121): т. е. не сами по себе деньги определяют стоимость, они лишь работают как инструмент стоимости, как что-то вроде пророков возвещающих волю божеств. По аналогии: стоимость — вечная Женственность, ищущая бросившего ее мужа; деньги можно уподобить художникам, проносящим идею души мира в свои произведения; как художественное творчество без идеи попросту вредно, так и деньги не могут считаться ценными сами по себе.

Цены вместе с деньгами — две неразрывные ипостаси стоимости, поэтому Ю.М. Осипов пишет об однеженных ценах и оцененных деньгах (С. 288). Ближе к концу книги деньги помогают дать определение финансов — это работающие деньги, причем сейчас преимущественно на себя (С. 308). А цена возлагается на товар сознанием и только поэтому становится ценою (С. 121). И этот параметр — цена — тоже метафизический (С. 137) и тоже управляемый. Однако Осипов предостерегает от того, чтобы считать цену

массой ценности, это лишь параметр. Лихие 1990-е, согласно автору, как раз показали относительность большинства параметров экономики — можно сказать, что у этого десятилетия, столь поразному оцениваемого, есть свои заслуги вполне метафизического толка.

Товар, по автору, — объект и средство товарообмена, причем к товару все экономическое свести нельзя, ибо товар сам по себе не деньги и не цена; только в экономической — денежно-оценочной — среде товар оказывается товаром, становясь экономическим феноменом. Здесь подчеркивается метафизическая основа и этой категории экономики — товара, и далее говорится также, что существуют и идеальные товары, что отсылает нас уже к Платону. Учитывая, что идею вечной Женственности, растворяющей себя в бесконечном деторождении вплоть до самоотрицания монополизировали гностики — последователи Платона, то можно сказать, что размышления Ю.М. Осипова корреспондируют с древнейшей традиционалистской философией, охватывающей материализм, идеализм, инфернализм, хотя сам автор такой связи не отмечает.

История и современность экономики

Ученик Платона Аристотель ввел понятие *oikonomia*, под чем понимал ведение домашнего хозяйства. Однако история экономики представляет собой непрерывную цепь перемен, включая смену ее парадигм. Так, в «мифологории», пишет Осипов, экономика воспринималась греками как домоводство и домостроительство, в «средние натуральные века» — как производство и потребление благ, а в Новое время стала восприниматься уже как стяжание богатств (С. 14).

Мы можем диагностировать, таким образом, эволюционную деградацию экономики — до финансомики. Драма человеческого рода, изображенная в «Фаусте», всю в реальности осуществляется. Дьявол соблазнил человека Нового времени не познанием, как это случилось с Фаустом, а как раз экономикой.

Феномен «Фауст» есть переход от Средних веков с их натуральным хозяйством к Новому времени, в реалиях восторжествовала свободная экономика, а в когнитив пришла *политическая экономика*, которая в английской (смитовско-рикардианской) по преимуществу интерпретации покорила европейские университеты, но

вдруг подверглась острой критике К. Маркса и Ф. Энгельса, отчего «порожденная ренессансно-просвещенческим Модерном для собственных гуманистически-перестроечных нужд» (С. 255) наука вверглась в собственный концептуальный кризис, из которого не нашла выхода ни на Западе (К. Маркс, А. Маршалл, Дж. Кейнс), ни в СССР (догматизация по линии «Капитала» К. Маркса). Рассматривая теорию К. Маркса, Ю.М. Осипов отмечает, что то, что понимается у Маркса как труд, на самом-то деле всего лишь его оценка (цена), причем цена рыночная (С. 244), а знаменитый Марксов «Капитал» — всего лишь очередная догма (С. 257). Последнее весьма полезно знать тем, кто, не зная, как и куда бежать от торжества США и постмодерна, смотрит только назад — на социализм, а это ведь тоже тупик, и какая тут разница, в каком из тупиков оказаться?

В свете сегодняшних реалий необходимо упомянуть о криптовалюте (электронной валюте), которая существует исключительно в цифровом виде как цепочка блоков транзакций. Ни о какой реальной обеспеченности такой валюты речи быть не может, и во многих странах подобные системы расчета находятся вне закона. Иное дело — Осиповская криптоэкономика, которая, несмотря на созвучие именовании, весьма и весьма отличается от криптовалюты. Криптоэкономикой можно назвать онтологическую закрытость национальной экономики (С. 37) — но это частный случай. В целом же приставка «крипто» означает фундаментальное свойство экономики — неизвестное нечто, неуловимую сущность экономики (С. 186—187). Отсюда криптовалюта — ложь, криптоэкономика же — истина, хотя обе при этом одинаково виртуальны, их не потрогать.

Современное состояние экономики — закономерный итог ее развития как виртуальной, ноосферной по природе и обитанию, однако ушедшей от домохозяйства к хрематистике, когда фантики (вроде банкнот) можно производить до бесконечности, записывая их массы в субстанциональные (виртуальные) долги, которые бытуют только в людских умах, на бумаге и на серверах, но которые никто не собирается погашать. Беспардонность и одновременно склонность к обогащению — особенности экономического поведения современного экономического человека, которому прививают стремление не стать и быть квалифицированным специалистом, а стать и быть мошенником.

Экономика встала с ног на голову, превратившись в некий социальный орган, который не существует физически, но который в сознании каждого человека. Даже дети часто понимают любовь как деньги и/или подарки, торгуются с родителями за хорошее поведение, оценки, уборку комнаты. Однако экономика должна быть не в том ранге, который она на себя примерила, а в том, в каком она приемлема для хозяйства, порождающего не денежные доходы жизнь.

Для определения современного состояния экономики, или и науки о ней, Ю.М. Осипов также вводит понятие «экономического безумия», которое особенно обозначилось с прекращением использования доллара как ответственной мировой резервной валюты. Поэтому-то автор книги говорит об иллюзиях экономики и науки о ней (еще раз напоминая, что все они в сфере сознания). Закономерно, что в книге речь идет об экономических мифах, одним из которых является и сама по себе экономика, представляющая собой не что иное, как магическую цифирь.

Автор заявляет, что «*товар, цена и деньги — исходное фундаментальное троечленство экономики*» (С. 85), соотнося экономику по сути с Троицей. Включая в экономический онтологос *сознание* с *ноосферой*, автор приходит к выводу о магии стоимости, которая «*нечто (не)бытийное в (не)бытии!*» (С. 93), чем подтверждается, что экономика не слишком реальна, и мало того, ей свойственно... неуправление. Отсюда полилектическая апокалиптика, почти полная безысходность, порождающая необходимость оздоравливающих тычков (С. 107).

Современная экономическая наука напоминает средневековую схоластику, когда всякое суждение должно было быть подкреплено какими-нибудь отсылками к авторитету, вроде Библии и Аристотеля, обращено к законам, а сейчас почему-то нужно обязательно ссылаться на других исследователей, даже если по какой-то конкретной теме бывает вообще не на кого ссылаться. На экономические явления и проблемы далеко не все смотрят с реальной стороны, многие их попросту не видят и не понимают, ибо не в силах постичь и принять ноосферность и простую неуловимость познаваемого предмета. Велико непонимание того, что из теоретиков всегда можно сделать эффективных прикладников, а вот сделать эффективных теоретиков практически невозможно.

Нужна ли при современном состоянии науки лишь одна официальная истина, да и есть ли она вообще? Ю.М. Осипов пишет об экономической (не)реальности — которая вполне себе безумие, но никак не сумасшествие, а совершенно «умное безумие». С экономикой можно только так, ведь она «фикция и фейк» (С. 164) (да, автор, несмотря на свою явную идейную антилиберальность как противоречив модному американизму, не ретроград и знает «модные слова»). По тому-то и существует экономика вопреки — как «объективным» социально-историческим условиям, так и себе самой. Будучи миром агентов, систем и кластеров, экономика, соответствуя сознанию общества, — кажется, это важнейшая мысль книги, не высказанная прямо, но проходящая всюду красной нитью, — в эпоху Постмодерна превратилась в хаос и гиперэкономику — антиэкономику. Она все более походит на криптопатэкономику, идущую в разнос. Автор подводит читателя к мысли, что все происходящее с экономикой для нее естественно и правильно, хоть и не естественно и не правильно со стороны здравого смысла.

Заглавие книги как раз подтверждает мысль, что мир вообще представляется не тем, что он есть — не только экономика, но и все остальное. Иллюзорность обычного восприятия обусловлена, по видимому, тем, что люди, пусть и профессионалы, в массе своей не способны принять неуловимую, не осязаемую физически сущность и экономики, и мира в целом, расписываясь в неспособности понять и принять метафизику.

Будущее экономики. Итоговые выводы

Чтобы выйти из череды кризисов как самой экономики, так и науки о ней, нужно отречься от отмеченных выше заблуждений. Пора признать учение о «хозяйстве как реальном жизнеотправлении человека», а в рамках этого учения уже может идти речь об экономике как частном случае (подсистеме) человеческого жизнеотправления, или хозяйства (С. 248).

Пора признать *новую экономическую реальность*, как раз ту, которой экономика на самом деле и является. Экономика обусловлена стоимостью — нематериальной оцифренной субстанцией, которая представляет собой онтологическую и гносеологическую сущности экономики. Экономика — игра, хаосмос, и от отвлеченного теоретизирования, стремящегося к прокрустову ложу формул,

следует перейти к адекватному взгляду на реальность. Современная экономика обратилась в «монетарономику, финансомику, «вэльюномику» (от Value — стоимость, ценность), перейдя от «экономики со стоимостью» к «экономике под стоимостью» (С. 287). Нарушен, стал обратным, сам закон мироздания!

В книге «Экономика как есть», ориентируясь в том числе и на свои предыдущие работы, Ю.М. Осипов обосновал уникальную теорию стоимости, истолковывающую это понятие как стоимостное сознание, не существующее вне сознания вообще, а экономическое в экономике — как нечто, имеющее нефизические черты. После прочтения рецензируемой книги читатель сможет знать экономику... как Воланд, которого тоже, как и экономику, довелось исследовать Осипову. Воланд ведь, мягко выражаясь, не совсем реальная сущность, он — демон, но если экономика, по Осипову, только в людских головах, то только метафизическое знание о ней и верно, только оно и истинно.

Использовать, продать, даже обмануть — вот девиз наших суперэкономических дней. Согласно Осипову, здесь прячется роковая ошибка землян, которая им скоро больно аукнется. Экономика — лишь часть хозяйства, и в отличие от последнего, нельзя связать ее с Богом в едином словосочетании, хотя хозяйство — можно (С. 208). Хозяйство как более широкий термин относится к Богу и человеку, а экономика — только к человеку. И с сознанием экономика соотносится как меньшее понятие с большим, с бытием — как его часть и локальный образ. Для понимания всего этого и написана рецензируемая книга — быть может, со многими повторами, но... их можно рассматривать как риторическую фигуру в проповеди, и тогда все встает на свои места. Цель издания с его оригинальным стилем — проникновение в сознание, выходящее за пределы чисто рационального подхода, широко нынче принятого в среде научного сообщества.

Недаром текст издания завершается словом «аминь», как молитва. Не только к читателю обращается автор, но и к Богу, как древнерусский книжник, смиренно прося принять его труд. И этот труд, написанный живым, разнообразным, нескучным языком, — настоящая экономическая поэма, метафизический эпос об исконном сакральном домохозяйстве мироздания, его последующих искажениях и возможном преображении в мир Иной — русский.

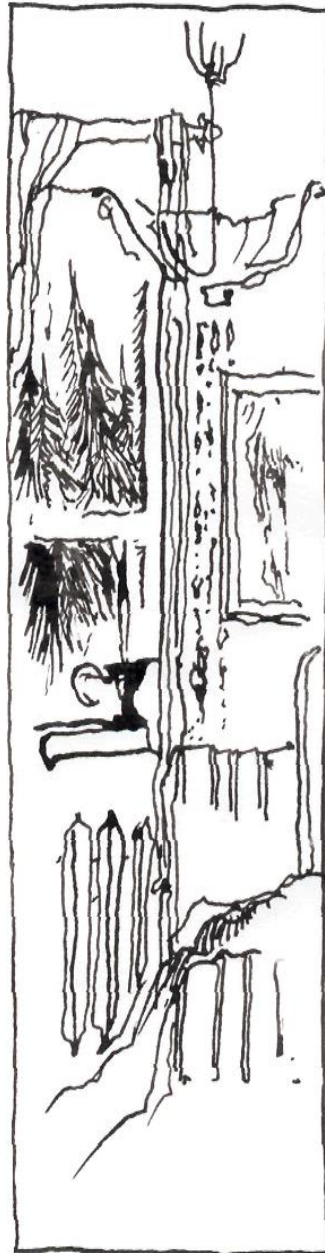
Литература

1. *Булгаков М.А.* Мастер и Маргарита // Булгаков М.А. Белая Гвардия. Мастер и Маргарита. Минск, 1988.
2. *Михайлов Юр.* Requiem. Роман о романе, или роман с романом. Метафизическая проза. 2-е изд. М.: ТЕИС, 2014.

References

1. *Bulgakov M.A.* The Master and Margarita // Bulgakov M.A. The White Guard. The Master and Margarita. Minsk, 1988.
2. *Mikhailov Yur.* Requiem. A novel about a novel, or an affair with a novel. Metaphysical prose. 2-nd ed. M.: TEIS, 2017.

**НАУЧНАЯ
ЖИЗНЬ**

(Не)Юбилейный Ф.И. Гиренок

Что из того, что юбилей, что 70 лет, ибо Федор Иванович хорош всегда, и в 50, и в 60, и будет таким же в 80, 90, 100... Но вот каким же? Раздольно-творческим, полетным, непредсказуемым, а еще и дерзким, парадоксальным, въедливым — в сущее! Будучи реально «вещью в себе», он сам себе реальная философия, да что философия, он сам себе необъятная и нескончаемая мысль, вполне и своенравная, и возбудительная, и неодолимая! А вот какая же она по рейтинговому тарифу? Да никакая, потому что единственная она — гиреновская, будто бы, поговаривают, археоавангардная, но что из того, ежели она своя, его, нашенская, пусть кое-кому из званных и чуждая, но зато кое-кому из избранных вполне и нужная. Своеобычен наш Федор Иванович, невероятен, загадочен, ну и неуловим тоже, одним словом — хорош! Слава!

* * *

13 февраля 2018 г. состоялось очередное заседание семинара «Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли» на тему: «Суэта и тщета абстрактного экономизма (по мотивам книги Ю.М. Осипова “Экономика как есть”, 2017)», на котором выступили доктора наук: Ю.М. Осипов, В.Я. Иохин, В.М. Кульков, В.И. Назаров, Р.М. Нижегородцев, Т.Н. Юдина, кандидаты наук: О.В. Доброчеев, Е.В. Косов, Е.Х. Хабибуллина, Т.Ю. Яковец.

* * *

Е.С. ЗОТОВА

Об абстрактном экономизме и новой книге Ю.М. Осипова

Аннотация. Предлагается обзор заседания теоретического семинара на тему «Суета и тщета абстрактного экономизма (по мотивам книги Ю.М. Осипова “Экономика как есть”, 2017)».

Ключевые слова: экономика, экономизм, экономический гнозис, экономический онтос, экономическая теория.

Abstract. The article presents a review of a theoretical seminar «Bustle and Vanity of Abstract Economism (based on Yu.M. Osipov's book “An Economy as is”, 2017)».

Keywords: economy, economism, economic gnosis, economic onthos, economic theory.

УДК 16
ББК 65в

Организаторы очередного теоретического семинара — лаборатория философия хозяйства и научный совет «Центр общественных наук МГУ» — на тему «Суета и тщета абстрактного экономизма (по мотивам книги Ю.М. Осипова “Экономика как есть”, 2017)» определили проблемы для обсуждения следующим образом: «Теоретическая экономическая наука в тупике. Сей факт обусловлен явным несоответствием научного экономического гнозиса реальному экономическому онтосу. Экономика в реалии совсем другая, не такая, какой ее рисует экономическая теория. Книга Ю.М. Осипова не только раскрывает сей факт, но и предлагает иное видение и толкование экономики, ее современных трансгрессивных (мутационных) тенденций. Есть о чем поговорить в рамках скромной дискуссии».

Открывая заседание, д.э.н., профессор **Ю.М. Осипов** заметил: «Есть экономическая реальность, а есть о ней научное концептуальное представление, выраженное в сонме фундаментальных экономических наук — от политической экономии до эконометрики. Приходится констатировать, что в целом и в главном теоретиче-

ский экономический гнозис не слишком соответствует экономическому онтосу. Онтос сам по себе, а гнозис сам по себе. Наука так и не ответила определенно на простой вопрос: "Что есть экономическое в экономике?", хотя и содержит в своем политикоэкономическом понятийном арсенале категорию стоимости, отражающую как раз искомое экономическое в экономике. Да, это стоимость со своими деньгами и ценами, как и производными от денег и цен факторами вроде капитала, инвестиций, кредита, расходов и доходов и т. д. Открыть стоимость наука смогла, а вот оттрактовать ее как самое экономическое в экономике начало так и не смогла, не заметив ее идеальной субстанциональности и не поместив экономику в сферу сознания.

Можно сказать, что экономическая наука проскочила мимо своего предмета, хотя много говорила и говорит о деньгах, ценах, капиталах, кредитах, ценных бумагах и т. д., а проскочив мимо адекватного ей предмета, она невольно стала лишь наукой для науки, либо наукой для идеологии, либо наукой для цифры, той самой, что закрывает реальность от размышляющего субъекта.

Так или иначе, но требуется уже другой взгляд на экономику, выходящий за рамки материально-механико-математического подхода, а следственно, взгляд метанаучный, во многом и метафизический, как раз тот самый, который реализует философия хозяйства.

Последняя предлагает иной познавательный-объяснительный подход, куда как более соответствующий экономическому онтосу — вовсе не материально-механическому, а куда как более тонкому, сложному, стихийному, самодеятельному и самотворческому, живому, еще и трансцендентному. Если уж сравнить экономику с чем-либо доступным для научного воображения, то разве лишь с мозгом, который в своей полноте не так уж материален и механичен, как кажется. В деньгах, ценах, капиталах и т. д. заложен собственный смысл, транслируемый стоимостью, но задаваемый сознанием. Что как раз очень сходно с тем, что происходит в мозге человеческом, не отделимом от духо-идеального, трансцендентного сознания.

Философско-хозяйственное представление об экономике дано в моей книге "Экономика как есть" (2017), как и в других более ранних работах. Представление сие, хоть и очерковое, но вполне себе цельное — концептуально цельное, хотя и не учебниковое, почему и обозначена книга как антипособие.

Книга не преследует цели ни учить, ни убедить, ни привлечь на свою сторону. Она желает лишь указать на две вещи: 1) экономика есть не то, что о ней наукообразно говорят; 2) иное представление об экономике, возможно, и есть — вполне экономике и адекватное.

Наконец, последнее. Экономическая наука, ныне вдруг увлекшаяся цифрой в связи с нашествием "цифровой экономики", начисто просмотрела цифру как плоть экономики, ибо никакого материала для выражения стоимостных параметров, кроме идеальной цифры, нет и быть не может. Иное дело — техническая цифра, врывающаяся в сферу экономики. Тут уже иная природы цифры — неэкономическая. Отсюда и возможная цифровая революция, которая перевернет экономику, превратив ее в постэкономическую цифронику.

Есть, уважаемые коллеги, над чем подумать и что обсудить. Приступим».

В своем выступлении д.э.н. **Р.М. Нижегородцев** (Институт проблем управления РАН) отметил, что Ю.М. Осипов значительную часть своей книги посвящает рассуждениям о том, почему то, что мы привыкли называть экономикой, — это как бы даже не экономика, и совсем даже не экономика, и вообще не экономика. Что стоимость невещественна и вообще идеальна. И что Маркс в этом смысле не объяснил происхождения стоимости, а свел его к процессу труда, к рабочему времени и т. д. Но можно вспомнить о том, что Маркс, в свою очередь, был активным продолжателем (хотя в чем-то и ниспровергателем) домарксовых концепций классической политической экономии.

Одна из домарксистских теорий стоимости, вполне заслуженно критикуемая и незаслуженно забытая, — это теория Прудона с его конституированной и конвенциональной стоимостью. Конституированная стоимость возникает, когда европейские монархи налаживают на кусок золота печать и этот кусок (монета) становится обязательным к приему в уплату для резидентов.

Конвенциональная стоимость — это все формы всеобщего эквивалента, предшествующие этому: ракушки, шкуры животных и т. д. Сейчас происходит активный возврат к конвенциональной стоимости. Если во внутреннем обороте денежное обращение в значительной степени конституировано, то обращение и накопление мировых валют (расчетных, резервных и прочих) — это дело во мно-

гом конвенциональное. Кредитная сущность современной денежной эмиссии предполагает, что агент, принимающий деньги в уплату, тем самым кредитует их эмитента. Эмиссия биткоинов и прочих негосударственных платежных средств переводит вопрос о всеобщем эквиваленте в конвенциональную форму.

Что считать экономикой, что не считать — тоже вопрос в значительной степени конвенциональный. Любая классификация наук, областей научного знания, проводится в соответствии с предметом их исследования. Но нельзя забывать о том, что метод науки предшествует ее предмету. Применяя тот или иной метод научной абстракции (а он у каждой области знаний свой), мы выясняем, что важно, а что неважно для этой науки, тем самым очерчивая ее предметное поле.

В последнее время размывание предмета многих наук происходит от того, что они стали применять несвойственные им методы, которые не чувствуют специфики предмета исследования. Например, Гари Беккер с его экономическим империализмом применил экономический образ мышления к материи, весьма далекой от предметного поля экономической науки. При помощи теории отраслевых рынков он попытался исследовать и объяснять поведение и предпочтения людей при их вступлении в брак. Он называл этот процесс брачным рынком. Действительно, к поведению людей в этой сфере применимы многие категории и проблемы, изучаемые экономической наукой: асимметрия информации, оппортунистическое поведение, барьеры входа-выхода и проч. При этом само предметное поле стало входить в область экономики, оказалось подвержено исследованию методами экономической науки.

Точно такое же давление извне испытывает и сама экономическая наука, в которой начали применяться инструменты и методы, совершенно ей не свойственные и весьма далекие от экономической материи — экономического поведения, экономического выбора, экономических отношений и проч. Например, так называемая экономофизика — попытка применить физико-математический инструментарий к экономической реальности — это, вообще говоря, не есть экономика, по мнению Р.М. Нижегородцева, это просто один из разделов прикладной физики. С экономической материей эта область знаний имеет дело лишь формально, не ощущая содержания данной науки и вовсе на это содержание не опираясь. Потому и не

может сделать о предмете экономической науки содержательных выводов.

В полном соответствии с этим фактом, у большинства профессиональных экономистов сложился вульгарно-инструментальный взгляд на экономику. Для них экономика — это набор экономических инструментов, при помощи которых можно что-то объяснить, что-то сосчитать, что-то спрогнозировать и т. д.

И здесь возникает проблема, состоящая в том, что применяемый экономистами набор инструментов теоретически разрознен, он не объединен единой концепцией, единым взглядом на жизнь. Наука превратилась в коллекцию смыслов. Какие-то моменты один и тот же автор может объяснять с позиций, например, марксизма, для решения других вопросов привлекать классические или кейнсианские модели, а в рассуждениях еще на какую-то тему исходить из методологии институционализма. И это все каким-то немислимым образом сочетается в одном и том же человеке (а иногда даже в рамках одной и той же публикации) и считается совершенно нормальным делом и даже некоторой доблестью. Если бы эти статьи прочли ученые-экономисты, которые жили и работали век назад, для них это было бы когнитивным шоком. Это все равно как если бы писатель часть повести писал на русском, другую часть той же повести на китайском, а третью — например, на суахили. Хотя не исключено, что в нашем эклектичном мире наступающего постмодерна такой подход к литературе тоже скоро получит право на жизнь.

В любом случае, книга Ю.М. Осипова, при всей кажущейся абстрактности поднимаемых в ней вопросов, очень современна. Она побуждает вновь вернуться к истории отдельных экономических идей и теорий, посмотреть на сегодняшний день и на перспективу исходя из возможных вариантов ответа на ключевые вопросы экономической науки, снова задуматься о границах предмета этой науки и о специфичных чертах ее метода, подытожил Р.М. Нижегородцев.

Ведущий научный сотрудник РНЦ «Курчатовский институт», к.т.н. **О.В. Доброчеев** заметил, что, слушая доклад Юрия Михайловича, основанный на его многолетнем опыте размышлений о проблемах экономики, возникает ощущение, что многие его положения просочились в последний доклад Римского клуба декабря 2017 г.

«Приведу с этой целью некоторые цитаты из доклада», — сказал О.В. Доброчеев. «ВВП — это всего лишь скорость, с которой деньги движутся в экономике. Самое печальное, этот показатель приобрел такое влияние, что почти невозможно представить успешную политическую силу, заявляющую о желании уменьшить ВВП страны». Необходимые шаги требуют «иной политической и цивилизационной философии».

Эту философию и предлагает Юрий Михайлович. Он, в частности, как и авторы Римского доклада, склонен встать на сторону «национальных государств, которые с большей вероятностью будут заботиться об общем благе», и видит губительность перехода «от рассмотрения реальности как целого к ее разделению на множество мелких фрагментов». Он, как и авторы доклада, разделяет принципы, восходящие к Гейзенбергу и Бору, о том, что «взаимодействие исследователя с его объектом — базовая составляющая акта познания».

Клуб, как и Юрий Михайлович, призывает «к балансу и учету общего блага; в экономике это означает, что государство (общество) должно устанавливать правила для рынков, а не наоборот, экономика будущего должна стремиться к устойчивости, а не к росту и увеличивать общее благо, а не максимизировать частную выгоду». И т. д.

Касаясь представлений Юрия Михайловича о «цифрономике», выступающий высказал свое к ней отношение, основанное на многолетних изысканиях в области математического моделирования как сложных физических, так и социально-экономических систем.

Во-первых, математическое описание любых больших систем (включая экономику) не может быть полным (законченным), на что еще в начале XX в. обратил внимание математик Гедель. Во-вторых, программная реализация этих моделей будет всегда содержать ошибки (известна шутка программистов: если бы дома строились так, как пишутся программы, то первая же ворона, севшая на небоскреб, разрушила бы цивилизацию). Поэтому монополия цифрономики невозможна (вернее, ее строительство может привести лишь к очередному кризису).

В то же время, на взгляд Доброчеева, альтернативы все большей цифровизации экономических отношений не видится. Однако продуктивной она может быть не на потерявших свой прогностиче-

ский потенциал принципах науки, как об этом прямо пишут авторы Римского доклада, 200-летней давности (Дарвина, Больцмана, Маркса и т. д.), а на совершенно новой, еще широко не адаптированной наукой (но получившей признание в некоторых ее областях, например, космонавтике) гипотезе неустойчивой самоорганизации (или социальной и экономической турбулентности). Согласно ей, образование качественно новых структур в природе и обществе подчиняется не детерминистическим, или случайным, а строгим математическим законам длинноволновых затухающих процессов.

С позиций этой гипотезы можно дать корректное количественное описание представлений Юрия Михайловича о том, что стоимость, «может быть любой, но не какой угодно». Для этого гипотеза предлагает принцип неопределенности поведения больших макроэкономических систем, формальное выражение которого отличается от принципов неопределенности Гейзенберга и комплементарности Бора, строго применимых лишь для квантовых систем, но созвучного им на философском уровне. Этот принцип говорит, что неопределенность поведения экономических систем всегда ограничена их физическим размером, причем в строго математической пропорции. Поэтому, например, в рамках этой гипотезы русский экономический хаос следует считать всего лишь своеобразным немецким порядком, но только лишь для очень большой страны.

А помимо этого гипотеза неустойчивой самоорганизации позволяет ответить на вопрос Юрия Михайловича: что в экономике экономического? Вернее, развернуть его тезис о том, что это то же, что и в дожде дождевого, и обратить внимание, что дождь является всего лишь одним из элементов цельного явления атмосферной циркуляции с облаками, реками, испарением и т. д. Такое явление, как показывает многовековой опыт естественной науки, невозможно описать на принципах детерминистической, или вероятностной, картины мира, а лишь на принципах самоорганизации хаоса, заключил О.В. Доброчеев.

В своем выступлении д.э.н., профессор **В.Я. Иохин** (главный специалист Института Европы РАН) подчеркнул своевременный выход в свет обсуждаемой книги, в которой содержится многомерный анализ хозяйства и экономики, рассмотренных через призму жизнеотправления и диалектики их взаимодействия как базиса и надстройки в рамках прямой и обратной их связи. Что касается экономики, то она раскрывается чисто в стоимостном аспекте, что

представляется вполне оправданным. При этом стоимость раскрывается как чисто мыслительная субстанция. Полностью поддерживая такую ее интерпретацию, выступающий тем не менее остановился на необходимости наполнения ее содержания трудом. Это связано с тем, что, во-первых, труд является всеобщей формой бытия человека, вне которой не мыслим и сам человек. Во-вторых, весь окружающий нас мир материальных и нематериальных благ есть не что иное, как воплощенный в них Божественный и человеческий труд. В-третьих, абстрактный труд как нематериальная субстанция, содержащаяся во всех без исключения товарах и услугах, указывает на их однородность, сопоставимость, соизмеримость между собой. В-четвертых, абстрактный труд, взятый не в материальной (как у К. Маркса), а в идеальной форме, позволяет его рассматривать как подвижную, «переливающуюся» субстанцию в рамках всей совокупности товаров и услуг под воздействием спроса и предложения, что указывает не на отклонение, а на соответствие цен товаров их стоимости. В-пятых, такой подход позволяет выявить разнообразные формы опосредованного участия всех видов труда в создании совокупного общественного продукта, заключил, В.Я. Иохин.

Д.э.н. **Т.Н. Юдина** (экономический факультет МГУ) подчеркнула, что «Экономика как есть» — знаковая работа Ю.М. Осипова, где экономика заиграла 15-ю гранями в «Мифологии от Зоила»: экономика как творящий хаос, экономика как магическая цифирь, экономика как не(управление), экономика как фикция и фейк и др. Главным ее достоинством является то, что благодаря онтологии (онтосу) и гносеологии (гнозису) реальная экономика позиционируется как «сознаниевое поле — поток реального онтологического знания-информации, реализующегося сознанием в виде слов, цифр...». Экономика как онтос — это метафизическая сфера работающих денег. Однако для целостности феномена экономики недостает аксиологии (аксиоса).

Экономика — это стоимость, производство благ, опосредованное стоимостью. Вместе с тем источником, местом пребывания и механизмом реализации стоимости и экономики является сознание, его общественная сфера — ноосфера. Однако пора выходить с уровня ноосферы на уровень пневматосферы, согласно П.А. Флоренскому. Тогда откроется не просто домостроительство, а его высший смысл — домостроительство спасения. Для этого еще надо

потрудиться и философам хозяйства, и отчасти представителям эмпирической науки, время которой заканчивается, заключила Т.Н. Юдина.

К.э.н. **Е.Х. Хабибуллина** отметила, что новая книга Ю.М. Осипова «Экономика как есть» — трамплин, выводящий на необходимость продолжения исследований в заданном векторе его научных открытий, важнейших по значению и потенциалу. Колоссальной теоретической ценностью обладает, по ее мнению, концепция стоимости автора книги, позволяющая объяснить ряд сложных и запутанных вопросов ценообразования. Говоря о метафизике и трансцендентности в хозяйственной практике, она обратила внимание на то, что, на самом деле, принципиальная непостижимость для научного опытного типа познания их природы, отнюдь не исключает, а наоборот, подразумевает возможность раскрытия ряда существенных для экономики аспектов их проявления в другом типе опытного познания: нетварные духовные энергии проявляются в личном духовном опыте и практике православных хозяйствующих субъектов, поддаются духовно ориентированному осмыслению их проявлений в хозяйственной практике.

Закljučая обсуждение, **Ю.М. Осипов** сказал, что разговор об экономике в разрезах онтоса и гнозиса сегодня состоялся. Это не первый наш совместный разговор в таком ключе, как и, разумеется, не последний. В апреле состоится общефакультетская конференция по проблемам цифровой экономики, где будет иметь место и наша секция «Цифра в экономике и экономика в цифре». Экономика не только не та, какой ее представляет теоретическая наука, но она уже и совсем не та, каковой была еще совсем недавно, каких-нибудь 20, 30 или 40 лет назад. Мало того, что это уже крутая финансомика, но это еще и некий беззаконно-зазеркальный антимир, существующий для себя и ставящий любого любознательного человека, включая и профессиональных экспертов, в положение зазевавшегося от вертящейся мишуры простофили. Давайте, уважаемые коллеги, общаться с экономикой ментально так, как она того заслуживает — восхищаясь ее неподдельно великой хитроумностью, не попадая при этом по причине своей доверчивости в регулярный просак.

* * *

13 марта 2018 г. состоялось очередное заседание семинара «Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли» на тему: «Обществоведение: от отрывочного гносеологического конструктивизма к целостному воззренческому онтологизму», на котором выступили доктора наук Ю.М. Осипов, Л.А. Асланов, Ф.И. Гиренок, Г.Р. Наумова, Р.М. Нижегородцев, И.В. Пшеницын, К.А. Хубиев, Н.Б. Шулевский, Т.Н. Юдина; кандидаты наук А.Р. Геворкян, О.В. Доброчеев, М.Ю. Павлов, Е.Х. Хабидуллина, научный сотрудник А.А. Антропов, предприниматель В.И. Стасевич.

Анонсы

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

«Европейская разногласица: социум, экономика, управление»

Большая Европа, которая от Атлантики до Урала, в концептуально-структурном движении. Не стихия тут и не хаос, но и не упорядоченность и рационально обоснованные перемены. Европейский дивертисмент — калейдоскопическое разнообразие перемен. Вырисовывается новый облик Европы — как объединенной в Европейский союз, так и бытующей вне этого Союза, а в итоге — Европы в целом. Имеет место обострение международных отношений, включая сферу экономики. Можно ли говорить о кризисе современной Европы — европейском кризисе Европы? Не пора ли обратить внимание на кризис практикуемого в пространстве Европы управления социально-экономическими процессами — как на международном, так и национальных уровнях? Каковы пути разрешения текущих европейских проблем на условиях безопасности и мира, оздоровления общеевропейской ситуации? Каким видится абрис будущей позитивной и устойчивой Европы?

6 апреля 2018 г.

Факультет менеджмента Варшавского университета
совместно с Научным советом «Центр общественных наук МГУ»
и Академией философии хозяйства
(Польша, Варшава)

* * *

ЛОМОНОСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ — 2018

Цифровая экономика: человек, технологии, институты

Секция лаборатории философии хозяйства

«Цифра в экономике и экономика в цифре»

Цифра не только не чужда экономике, она ее единственно возможная идеальная плоть, отражающаяся прежде всего в деньгах, ценах, иных стоимостных величинах. Так что цифра для экономики — обыденность! Однако сегодня в связи с развитием информатики,

«компьютерики», кибернетики, цифровых технологий и т. д. экономика, сама уже изначально оцифренная, подвергается еще и внешней для нее цифровизации — технологической, что позволяет предположить переход экономики от использования ею служебной цифры к пользованию цифрой, над экономикой уже доминирующей, что означает уже не просто бытие цифры в экономике, а бытие самой экономики в цифре — уже и неэкономической! Так в экономике вершится цифровая революция, ведущая человека хозяйствующего от экономоса к техносу, или же от экономики к техномике.

18—19 апреля 2018 г.

(МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус)

* * *

НАУЧНЫЙ СИМПОЗИУМ

«Хомос и Технос: кто кого?»

Взяв на себя миссию творца своего собственного мира по вектору «от природы к неприроде», человек-демиург пустился в научно-техническое созидательное странствование, создав целостный искусственный мир, вполне уже противостоящий земной природе. В центре сего нового мира не просто наука с техникой, а самый настоящий научно-технический «змий» — Технос, мертвенно живой, деятельный, амбициозный и очень агрессивный. «Хомос созда себе Технос», — факт, но Технос не просто служит Хомосу, а уже его и определяет, мало того, все более и более властвует над Хомосом, его уже и предопределяя. Змий на свободе, и он всю резвится! «Технос созда себе Хомос», — не факт еще, но дело идет, и все самое интересное впереди. Вот и выходит: кто кого? Есть над чем призадуматься и оживленно не без самоуверенности обсудить!

19 июня 2018 г.

(МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус)

* * *

V ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ
СИМПОЗИУМ

«Средняя Россия: земля и люди»
на тему:

«Тамбовщина: вибрирующие горизонты»

Тамбовщина не замерла, она развивается, имея намерения, задумки, проекты, что-то исполняя и чего-то достигая, чего-то не выполняя, от чего-то отказываясь. Куда и как идешь, Тамбовщина, — в хозяйстве, культуре, народонаселении?

Июль 2018 г.

Совместно с Администрацией Мучкапского района и Тамбовским государственным университетом имени Г.Р. Державина
(Тамбов, ТГУ имени Г.Р. Державина)

* * *

XIII НАУЧНЫЙ СИМПОЗИУМ

Орленковские чтения — 2018

**«Философско-хозяйственный мониторинг текущей
реальности: методологема и праксис»**

Философия хозяйства — не только абстрактное мировоззренческое знание-размышление, это и практическое знание-размышление, имеющее уникальную возможность по-особому видеть, оценивать, моделировать текущую вокруг реальность (причем — любую!), проникая в суть, ноумен, криптосферу, оперируя смыслами и смыслопоточками, контактируя с метафизисом бытия, с ноосферой, с трансценденцией и неизвестностью (незнанием!). У действующего в России на базе МГУ философско-хозяйственного сообщества достаточно накоплено подтверждений как понимания им разворачивающейся реальности, так и кое-какого предвидения вокруг напористо происходящего. Сложилась эффективная практика философско-хозяйственного мониторинга текущей реальности, дополняемого не только кое-каким «прогнозингом», но и весьма недюжинным концептуальным управлен-

чеством. Философия хозяйства не только объясняет реальность, не только ее предвидит, но и влияет на ее течение. Попробуем разобратся, собравшись в кружок, вдруг и в самом деле так! Тогда — вперед!

Сентябрь 2018 г.

Краснодарский край, пос. Новомихайловский, ВДЦ «Орленок»

* * *

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ —
VII Малый университетский форум

**«Российский миттельшпиль:
политика, экономика, технология, геостратегия»**

Российский гамбит с жертвами фигур уже в прошлом. В разгаре миттельшпиль — эта средняя и самая ответственная часть большой экзистенциальной игры, вынужденно ведущейся Россией на мировой «шахматной доске», правда, игры, с одной стороны, с за и против разнообразным внешним контекстом, так и — с другой стороны — игры с самою собою, тоже весьма разнообразной и тоже рискованной. Выбор, выбор и выбор! Напряжение, ни дня передышки, мобилизация. Война! Расставание с Западом, дрейф на Восток, движение к самой себе. За политическим суверенитетом — суверенитет экономический; за технологическим — оборонный; за военным — геостратегический. Надо ли? Если нет, то не надо и России, а ежели Россия есть, то все это надо, ибо без всего этого нет и не может быть никакой России. Россия — не страна, а мир, причем мир особенный, мало того — судьбоносный, — неприемлемый, возможно, для отечественной и мировой обыденности, не говоря о всяческом смертоносном закулисье, но крайне необходимый для апокалиптически содрогаящейся метаистории, чающей уже не очередного для себя поспешного выхода, а тотального себя же спасения. Россия, шаг за шагом входящая в новый для себя исторический образ, способна свернуть с пути общемирового гедонистического и суицидного процветания и вступить на путь уже чуть ли не маргинального для человечества и даже самой России спасения. Каковы же они — верные ходы России в незримых теснинах политического, экономического, технологического и геостратегического криптолабиринтов? Большая игра идет по миру, а промахи в ней, даже и малые, не прощаются!

5—7 декабря 2018 г.

(МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус)

Наши авторы

ОСИПОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией философии хозяйства, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*osipov.msu@mail.ru*).

ШУЛЕВСКИЙ НИКОЛАЙ БОРИСОВИЧ,

доктор философских наук, профессор, философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*shylevsk@mail.ru*).

КОПТЕЛОВА ТАТЬЯНА ИВАНОВНА,

кандидат философских наук, доцент, кафедра философии, социологии и политологии, Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия, Нижний Новгород, Россия (*koptelova2210@rambler.ru*).

ГОРБАЧЕВ АЛЕКСАНДР ЮРЬЕВИЧ,

старший преподаватель, филологический факультет, Белорусский государственный университет, Минск, Белоруссия (*sansanytch08@mail.ru*).

КУЗНЕЦОВ АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, департамент мировой экономики и мировых финансов, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия (*kuznetsov0572@mail.ru*).

БИРЮКОВ ВИТАЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, кафедра экономики и управления персоналом, Омская гуманитарная академия, Омск, Россия (*sciencebvv@gmail.com*).

РЕШЕТОВА ЛИЛЯ ВЛАДИМИРОВНА,

кандидат экономических наук, доцент, Ульяновский государственный университет, Ульяновск, Россия (*lvresh@mail.ru*).

БОРОДИНА МАРИЯ ИВАНОВНА,

кандидат экономических наук, ректор, Институт профессионального образования, Москва, Россия (*mari-ya-09@mail.ru*).

СТОЛЯРЕНКО ВЛАДИМИР ВИТАЛЬЕВИЧ,

аспирант, Институт профессионального образования; генеральный директор, ОАО «ИТКОР», Москва, Россия (*mari-ya-09@mail.ru*).

МАСЛОВ ГЛЕБ АНДРЕЕВИЧ,

аспирант, экономический факультет, школа исследования современного марксизма, философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*glemiach@yandex.ru*).

НИФАЕВА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА,

кандидат экономических наук, доцент, кафедра экономики и менеджмента, Брянский государственный технический университет, Брянск, Россия (*olganifaeva@yandex.ru*).

ГИРЕНКО ФЕДОР ИВАНОВИЧ,

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философской антропологии, философский факультет; ведущий научный сотрудник, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*girenok@list.ru*).

КАЗАКОВА ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА,

старший преподаватель, кафедра философии, Донецкий национальный университет, Донецк (*fianu@dkn.dn.ua*).

ГЕВОРКЯН АРТУР РУДОЛЬФОВИЧ,

кандидат философских наук, доцент, кафедра философии и истории медицины, Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова, Москва, Россия (*argevorkyan@yandex.ru*).

МОЛЧАНОВ КОНСТАНТИН ВЛАДИМИРОВИЧ,

доктор философских наук, кандидат экономических наук, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, лаборатория философии хозяйства, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова; главный редактор интернет-издания «Диалектика», Москва, Россия (*kmolchnov@econ.msu.ru*).

АНДРЕЕВ АНДРЕЙ ЛЕОНИДОВИЧ,

доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Центр комплексных социальных исследований, Институт социологии РАН, Москва, Россия (*sympathy_06@mail.ru*).

НУРЕЕВ РУСТЕМ МАХМУТОВИЧ,

доктор экономических наук, научный руководитель, департамент экономической теории, Финансовый университет при Правительстве РФ; ординарный профессор, Высшая школа экономики; главный научный сотрудник, Институт экономики РАН, Москва, Россия (*nureev50@gmail.com*).

ШАПИРО НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА,

доктор экономических наук, профессор, Университет информационных технологий, механики и оптики, Санкт-Петербург, Россия (*shapiro_n@corp.ifmo.ru*).

ПОГРЕБНЯК АЛЕКСАНДР АНАТОЛЬЕВИЧ,

кандидат экономических наук, доцент, кафедра социальной философии и философии истории, Институт философии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия (*aapogrebnyak@gmail.com*).

БЕЛЯНОВА АНТОНИНА МИХАЙЛОВНА,

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*belant32@mail.ru*).

БИРЮКОВ ВЯЧЕСЛАВ АЛЕКСЕЕВИЧ,

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*birva@migmail.ru*).

СУББОТИН АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ,

магистрант, кафедра демографии, Высшая школа современных социальных наук, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*aasubbotin@yahoo.com*).

РОСТОВА НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА,

доктор философских наук, старший преподаватель, кафедра философской антропологии, философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*nnrostova@yandex.ru*).

ЗОТОВА ЕЛЕНА СЕРАФИМОВНА,

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*eszotova@mail.ru*).

Our Authors

OSIPOV YURI MIKHAILOVICH,

Doctor of Economics, Professor, Chief of Laboratory of Philosophy of Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*osipov.msu@mail.ru*).

SHULEVSKI NIKOLAI BORISOVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*shulevsk@mail.ru*).

KOPTELOVA TATIANA IVANOVNA,

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Philosophy, Social and Political Sciences, Nizhny Novgorod State Academy of Agriculture, Nizhny Novgorod, Russia (*koptelova2210 @rambler.ru*).

GORBACHEV ALEKSANDR YURJEVICH,

Senior Lecturer, Faculty of Philologies, Belarusian State University, Minsk, Belarus (*sansanytch08@mail.ru*).

KUZNETSOV ALEXEI VLADIMIROVICH,

Doctor of Economics, Professor, Senior Researcher, Department of World Economics and World Finances, Financial University Under the Government of Russia Federation, Moscow, Russia (*kuznetsov 0572@ mail.ru*).

BIRYUKOV VITALY VASILIEVICH,

Doctor of Economics, Professor, Department of Economics and Management, Omsk Humanitarian Academy, Omsk, Russia (*science-bvv@gmail.com*).

RESHETOVA LILYA VLADIMIROVNA,

Candidate of Economics, Associate Professor of the Department of Economic Theory, Institute of Economics and Business, Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russia (*LVResh@mail.ru*).

BORODINA MARIA IVANOVNA

Candidate of Economics, Rector, Institute of Professional Education, Moscow, Russia (*mari-ya-09@mail.ru*).

STOLYARENKO VLADIMIR VITALYEVICH,

Postgraduate Student, Institute of Professional Education; General Director, JSC «ITKOR», Moscow, Russia (*mari-ya-09@mail.ru*).

MASLOV GLEB ANDREEVICH,

Postgraduate Student, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*glemiach@yandex.ru*).

NIFAEVA OLGA VLADIMIROVNA,

Candidate of Economics, Associate Professor, Department of Economics and Management, Bryansk State Technical University, Bryansk, Russia (*olganifaeva@yandex.ru*).

GIRENOK FYODOR IVANOVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Faculty of Philosophy; Leading Researcher, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*girenok@list.ru*).

KAZAKOVA OLGA NIKOLAEVNA,

Senior Teacher, Chair of Philosophy, Donetsk National University, Donetsk (*fianu@dkn.ua*).

GEVORKYAN ARTUR RUDOLFOVICH,

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, I. M. Sechenov First Moscow State Medical University, Moscow, Russia (*argevorkyan@yandex.ru*).

MOLCHANOV KONSTANTIN VLADIMIROVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Candidate of Economics, Candidate of Sociology, Senior Researcher, Laboratory of Philosophy of Economy, Faculty of Economy, Lomonosov Moscow State University; Editor-in-Chief of «Dialectics», Moscow, Russia (*kmolchnov@econ.msu.ru*).

ANDREEV ANDREY LEONIDOVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Senior Researcher, Chief of Chair, Institute of sociology RAN, Moscow, Russia (*sympathy_06@mail.ru*).

NUREEV RUSTEM M.

Doctor of Economics, Head of the Economics department, Financial University under the Government of the Russian Federation; Tenured Professor of National Research University HSE; Chief Researcher of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia (*nureev50@gmail.com*).

SHAPIRO NATALIA ALEXANDROVNA,

Doctor of Economics, Professor, ITMO University, Saint-Petersburg, Russia (*shapiro_n@corp.ifmo.ru*).

POGREBNIYAK ALEXANDR ANATOLIEVICH,

Candidate of Economics, Associate Professor, Faculty of Free Arts and Sciences, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia (*aapogrebnyak@gmail.com*).

BELYANOVA ANTONINA MIKHAILOVNA,

Candidate of Economics, Senior Researcher, Faculty of Economy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*belant32@mail.ru*).

BIRYUKOV VYACHESLAV ALEXEEVICH,

Candidate of Economics, Senior Researcher, Faculty of Economy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*birva@migmail.ru*).

ALEXANDER ALEXEEVICH SUBBOTIN,

Graduate Student, Demography Department, Higher School of Contemporary Social Sciences (Faculty), Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*aasubbotin@yahoo.com*).

ROSTOVA NATALYA NIKOLAEVNA,

Doctor of Philosophical Sciences, Senior Teacher, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*nnrostova@yandex.ru*).

ZOTOVA ELENA SERAPHIMOVNA,

Candidate of Economics, Leading Researcher, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*eszotova@mail.ru*).

Требования к оформлению статей

Редакция принимает к рассмотрению статьи объемом до 40000 знаков (без пробелов).

Для каждой статьи обязательно наличие на русском и английском языках: сведений об авторе (прилагаются в отдельном файле); названия статьи; аннотации; ключевых слов; списка литературы.

Аннотация к статье должна быть информативной, в ней должны отражаться цель работы и ее основные результаты исследования, область их применения, выводы. Недопустимо несоответствие между русскоязычной и англоязычной аннотациями. Англоязычная аннотация должна быть написана грамотно (100—150 слов).

Сведения об авторе (в текстовом оформлении) должны включать: полные фамилию, имя и отчество; ученую степень, звание; занимаемую должность; основное место работы (учебы); адрес электронной почты, контактный телефон.

Каждая статья должна сопровождаться индексом **УДК, ББК** (после аннотаций и ключевых слов).

Требования к электронной версии: текст статьи в формате MS Word (.doc или .docx) стандартным шрифтом Times New Roman (14 пт.) с межстрочным интервалом — 1,5, отступ «первой строки» — 1 см.

Не допускаются в тексте статьи выделения, кроме курсива.

Автор и название статьи пишутся обычным шрифтом (не допускается использование других стилей), располагаются по центру, сначала на русском, затем на английском языках.

Список цитируемой литературы указывается в конце статьи. Оформляется в соответствии с ГОСТ 7.0.5–2008. Ссылки на литературу — внутритекстовые. В квадратных скобках после цитаты указывается номер источника в списке литературы и после запятой — номер страницы (например, [1, 3]). Несколько источников указываются через точку с запятой [1, 15; 8].

В список литературы включаются только публикации, которые упоминаются в тексте статьи. В списке литературы помещаются сначала публикации на русском языке (в алфавитном порядке), затем публикации на языках, основанных на латинском алфавите (также в алфавитном порядке).

Дополнительно под заголовком **References** должен прилагаться список русскоязычных источников в латинском алфавите: либо в переводе на английский язык, либо в виде транслитерации.

На сайте <http://www.translit.ru/> можно бесплатно воспользоваться программой транслитерации русского текста в латиницу (вариант BSI).

Таблицы выполняются табличными ячейками Word. **Математические символы и формулы** должны быть набраны в редакторе формул, прилагаемом к MSWord. Слева в скобках — нумерация формул. Графики строятся с использованием Excel (файл обязательно должен содержать исходные численные данные). **Рисунки и схемы**, выполненные в Word, сгруппировываются внутри единого объекта, допуская возможность перемещений в тексте и изменений размеров. Название — под рисунком. Размер шрифта внутри рисунков — 10. **Размер таблиц и рисунков** по ширине не должен превышать 11 см. **Цвет рисунков — черно-белый**. Не использовать в статье сканированные, экспортированные или взятые из Интернета графические материалы и не вставлять их в документы Word.

Плата за публикацию не взимается, главное — качество материала и его соответствие профилю журнала. Подписка на журнал (6 номеров в год; один номер объемом 19 п. л.) осуществляется в редакции. Оформить подписку можно в отделениях связи, почтовый индекс в каталоге «Пресса России» — 83115. Библиотечный индекс — 741. Все вышедшие с 1999 г. номера журнала можно приобрести в розницу.

Наш адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3 учебный корпус, экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ, поступающих в журнал «Философия хозяйства»

1. Все присланные для публикации материалы рассматриваются редколлегией на предмет соответствия их научного уровня тематике журнала. При несоответствии присланного материала профилю журнала и требованиям к оформлению статей присланный материал не рецензируется и не публикуется.

2. Все рукописи, поступающие в журнал, направляются по профилю научного исследования на рецензию членам научно-редакционного совета (НРС), при необходимости членам научно-экспертного совета журнала (НЭС) или приглашенным рецензентам, имеющим соответствующую компетенцию.

3. Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии статей для своих нужд.

4. В случае отказа в публикации автору рецензируемой работы может быть предоставлена возможность ознакомиться с текстом рецензии без упоминания имени рецензента.

5. Если в рецензии на статью содержатся рекомендации по ее доработке, то рецензия может быть направлена автору для продолжения работы над статьей.

6. Решение о целесообразности публикации после рецензирования принимается НРС.

7. Материалы, относящиеся к деятельности редакции и НРС, сохраняются.

8. Ответственность за использование данных не предназначенных для открытых публикаций несут авторы в соответствии с законодательством РФ.

Редакционная этика журнала

Редакция принимает к публикации достаточные по научному качеству и соответствующие основному направлению издания авторские материалы, не содержащие не обозначенные специально (кавычками, сносками) заимствования из опубликованных ранее работ, включая и собственные авторские.

Текст материала должен быть не только самостоятельно выполненным его автором, но и ранее не публиковавшимся.

Подаваемый в журнал материал не должен быть одновременно предлагаем другим изданиям.

Автор подаваемого материала гарантирует нарушение авторских прав иных лиц и организаций.

Редакция подвергает любой предлагаемый для публикации текст проверке на плагиат. В случае обнаружения не обозначенных соответствующим образом заимствований, включая собственные авторские, редакция либо отклоняет полученный материал, либо предлагает автору внести в текст необходимые коррективы.

Редакция строго соблюдает научно-творческую направленность журнала и воздерживается от публикации априорно идеологизированных и политизированных материалов.

Редакция не допускает публикации любых «фобских» материалов, как и наличия грубых выпадов в адрес официальных органов и лиц, других авторов, независимо от государственной и гражданской принадлежности.

Редакция гарантирует конфиденциальную сохранность подаваемого материала и невозможность пользования им до его опубликования никакими лицами, включая сотрудничающих с редакцией.